

Чжуан-цзы

Перевод В. В. Малявина

ВНУТРЕННИЙ РАЗДЕЛ

Глава I

БЕЗЗАБОТНОЕ СКИТАНИЕ ¹

В Северном океане обитает рыба, зовут ее Кунь. Рыба эта так велика, что в длину достигает неведомо сколько ли. Она может обернуться птицей, и ту птицу зовут Пэн. А в длину птица Пэн достигает неведомо сколько тысяч ли. Поднатужившись, взмывает она ввысь, и ее огромные крылья застилают небосклон, словно грозовая туча. Раскачавшись на бурных волнах, птица летит в Южный океан, а Южный океан — это такой же водоем, сотворенный природой. В книге “Цисе” ² рассказывается об удивительных вещах. Там сказано: “Когда птица Пэн летит в Южный океан, вода вокруг бурлит на три тысячи ли в глубину, а волны вздымаются ввысь на девяносто тысяч ли. Отдыхает же та птица один раз в шесть лун”.

Пыль, взлетающая из-под копыт диких коней, — такова жизнь, наполняющая все твари земные. Голубизна неба — подлинный ли его цвет? Или так получается оттого, что небо недостижимо далеко от нас? А если оттуда посмотреть вниз, то, верно, мы увидим то же самое.

По мелководью большие корабли не пройдут. Если же вылить чашку воды в ямку на полу, то горчичное зернышко будет плавать там, словно корабль. А если поставить туда чашку, то окажется, что воды слишком мало, а корабль слишком велик. Если ветер слаб, то большие крылья он в полете не удержит. Птица Пэн может пролететь девяносто тысяч ли только потому, что ее крылья несет могучий вихрь. И она может долететь до Южного океана потому лишь, что взмывает в поднебесье, не ведая преград.

Цикада весело говорила горлице: “Я могу легко вспорхнуть на ветку вяза, а иной раз не долетаю до нее и снова падаю на землю. Мыслимое ли дело — лететь на юг целых девяносто тысяч ли?!” Те, кто отправляются на прогулку за город, трижды устраивают привал, чтобы перекусить, и возвращаются домой сытыми. Те, кто уезжают на сто ли от дома, берут с собой еды, сколько могут унести. А кто отправляется за тысячу ли, берет еды на три месяца. Откуда же знать про это тем двум козявкам?

С маленьким знанием не уразуметь большое знание. Короткий век не сравнится с долгим веком. Ну, а мы-то сами как знаем про это? Мушки-однодневки не ведают про смену дня и ночи. Цикада, живущая одно лето, не знает, что такое смена времен года. Вот вам “короткий век”. Далеко в южных горах растет дерево *минлин*. Для него пятьсот лет — все равно, что одна весна, а другие пятьсот лет — все равно, что одна осень. В глубокой древности росло на земле дерево *чунь*, и для него восемь тысяч лет были все равно, что одна весна, а другие восемь тысяч лет были все равно, что одна осень. Вот вам и “долгий век”. А Пэн-цзу по сию пору славится своим долголетием — ну не грустно ли?

Иньский царь Тан как раз об этом спрашивал у советника Цзи. Он спросил: “Есть ли предел у мироздания?” — За беспредельным есть еще беспредельное.

Далеко на пустынном Севере есть океан, и этот океан — водоем, сотворенный природой. Обитает в нем рыба шириной в несколько тысяч ли, длины же она неведомо какой, и зовется она Кунь. Еще есть птица, и зовется она Пэн. Ее спина велика, как гора Тайшань, а ее крылья подобны туче, закрывшей небосклон. Раскачавшись на могучем вихре, она взмывает ввысь на девяносто тысяч ли и парит выше облаков в голубых небесах. Потом она летит на юг и опускается в Южный океан. А болотный воробышек смеялся над ней, говоря: “Куда только ее несет? Вот я подпрыгну на пару локтей и возвращаюсь на землю. Так я порхаю в кустах, а большего мне и не надо. И куда только несет эту птицу?” Такова разница между малым и великим.

Пожалуй, точно так же думают о себе исправный чиновник, управляющий волостью, или добрый государь, владеющий целым царством. А Сун Жун-цзы над такими смеялся. Да если бы целый свет его хвалил, он все равно бы не загордился. И если бы весь свет принялся его бранить, он бы не счел себя опозоренным. Он понимал, что такое различие между внутренним и внешним, он знал, где слава, а где позор. Вот какой он был человек! Нет, он не старался угодить мирским нравам. И все-таки даже он не утвердился в самом себе так же прочно, как стоит в земле дерево. Ле-цзы был великий мастер ездить верхом на шести ветрах ³, он проводил в странствиях десять и еще пять дней и совсем не думал о собственном благополучии. Но хотя он умел летать, он все же не мог обойтись без опоры. А вот если бы он мог оседлать истину Неба и Земли, править всеми переменами мироздания и странствовать в беспредельном, то не нуждался бы ни в какой опоре. Поэтому говорится: “Мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени”.

Когда-то царь Яо ⁴, уступая Поднебесный мир Сюй Ю, говорил: “Коль на небе светят солнце и луна, может ли огонь лучины сравниться с их сиянием? И не напрасный ли труд поливать всходы, когда идет дождь? Займите, уважаемый, мое место, и в Поднебесной воцарится покой. Я же, как сам вижу, в государи не гожусь, а потому прошу вас, принять от меня во владение сей мир”. Сюй Ю же ответил: “При вашем правлении Поднебесная процветает, для чего же мне менять вас на троне? Ради громкого имени? Но имя перед сутью вещей — все равно, что гость перед хозяином. Так неужели мне следует занять место гостя? Птица, вьющая гнездо в лесу, довольствуется одной веткой. Полевая мышь, пришедшая на водопой к реке, выпьет воды ровно столько, сколько вместит ее брюхо. Ступайте, уважаемый, туда, откуда пришли. Поднебесный мир мне ни к чему! Даже если у повара на кухне нет порядка, хозяин дома и распорядитель жертвоприношений не встанут вместо него к кухонному столу”.

Цзянь-у сказал Лян Шу: “Мне доводилось слышать Цзе Юя. Его речи завораживают, но кажутся неразумными. Они увлекают в неведомые дали и заставляют забыть о знакомом и привычном. С изумлением внимал я этим речам, словно перед взором моим открывалась бесконечно убегающая вдаль река. Речи эти исполнены неизъяснимого величия. О, как далеки они от людских путей!”

— Что же это за речи? — спросил Лян Шу.

— Далеко-далеко, на горе Гуишань, — ответил Цзянь-у, — живут божественные люди. Кожа их бела и чиста, как заледенелый снег, телом они нежны, как юные девушки. Они не едят зерна, вдыхают ветер и пьют росу. Они ездят в облачных колесницах, запряженных драконами, и в странствиях своих уносятся за пределы четырех морей. Их дух покоен и холоден как лед, так что ничто живое не терпит урона, и земля родит в изобилии. Я счел эти речи безумными и не поверил им.

— Ну, конечно! — воскликнул Лян Шу. — Со слепым не будешь любоваться красками картин. С глухим не станешь наслаждаться звуками колоколов и барабанов. Но разве слепым и глухим бывает одно лишь тело? Сознание тоже может быть слепым и глухим. Это как раз относится к тебе. В мире все едино, люди же любят вносить в мир путаницу и раздор — как же не погрязнуть им в суете? А тем божественным людям ничто не может причинить вред. Даже если случится мировой потоп, они не утонут. И если нагрянет такая жара, что расплавятся железо и камни и высохнут леса на горных вершинах, им не будет жарко. Да для них сам великий Яо или Шунь — все равно, что пыль или мякина. Неужели станут они заниматься ничтожными делишками этого мира?

Один человек из царства Сун поехал в Юэ торговать шапками, а в тех краях люди бредутся наголо, носят татуировку, а шапок им вовсе не нужно ⁵.

Когда Яо был царем Поднебесной, во всех пределах земли царил порядок. А потом Яо встретился с четырьмя мудрыми мужами, побывал на далекой горе Гуишань на север от реки Фэньшуй и позабыл о том, что царствовал в Поднебесной.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: “Правитель Вэй подарил мне семена большой тыквы. Я посадил их в землю, и у меня выросла тыква весом с пуд. Если налить в нее воду, она треснет под собственной тяжестью. А если разрубить ее и сделать из нее чан, то мне его даже поставить будет некуда. Выходит, тыква моя слишком велика и нет от нее никакого проку”.

Чжуан-цзы сказал: “Да ты, я вижу, не знаешь, как обращаться с великим! Один человек из Сун знал секрет приготовления мази, от которой в холодной воде не трескаются руки. А знал он это потому, что в его семье из поколения в поколение занимались вымачиванием пряжи. Какой-то чужеземный купец прослышал про эту мазь и предложил тому человеку продать ее за сотню золотых. Сунец собрал родню и так рассудил: “Вот уже много поколений подряд мы вымачиваем пряжу, а скопили всего-навсего несколько золотых, давайте продадим нашу мазь”. Купец, получив мазь, преподнес ее правителю царства У. Тут как раз в земли У вторглись войска Юэ, и уский царь послал свою армию воевать с вражеской ратью. Дело было зимой, сражались воины на воде. И вышло так, что воины У наголову разбили юэсцев, и уский царь в награду за мазь пожаловал тому купцу целый удел. Вот так благодаря одной и той же мази, смягчавшей кожу, один приобрел целый удел, а другой всю жизнь вымачивал пряжу. Получилось же так оттого, что эти люди по-разному использовали то, чем обладали”.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: “У меня во дворе есть большое дерево, люди зовут его Деревом Небес. Его ствол такой кривой, что к нему не приставишь отвес. Его ветви так извилисты, что к ним не приладишь угольник. Поставь его у дороги — и ни один плотник даже не взглянет на него. Так и слова твои: велики они, да нет от них проку, оттого люди не прислушиваются к ним”.

Чжуан-цзы сказал: “Не доводилось ли тебе видеть, как выслеживает добычу дикая кошка? Она ползет, готовая каждый миг броситься направо и налево, вверх и вниз, но вдруг попадает в ловушку и гибнет в силках. А вот як: огромен, как заволокшая небо туча, но при своих размерах не может поймать даже мыши. Ты говоришь, что от твоего дерева пользы нет. Ну так посади его в Деревне, Которой нет нигде, водрузи его в Пустыне Беспредельного Простора и гуляй вокруг него, не думая о делах, отдыхай под ним, предаваясь приятным мечтаниям. Там не срубят его топор, и ничто не причинит ему урона. Когда не находят пользы, откуда взяться заботам?”

Глава II

О ТОМ, КАК ВЕЩИ ДРУГ ДРУГА УРАВНОВЕШИВАЮТ ⁶

Цзы-Ци из Нань-го сидел, облокотившись на столик, и дышал, внимая небесам, словно и не помнил себя. Прислуживавший ему Янь-чэн Янь почтительно стоял рядом.

— Что я вижу! — воскликнул Янь-чэн Янь. — Как же такое может быть?

Тело — как высохшее дерево,
Сердце — как остывший пепел.
Ведь вы, сидящий ныне передо мной,
Не тот, кто сидел здесь прежде!

— Ты хорошо сказал, Янь! — ответил Цзы-Ци. — Ныне я похоронил себя. Понимаешь ли ты, что это такое? Ты, верно, слышал флейту человека, но не слышал еще флейты земли. И даже если ты внимал флейте земли, ты не слышал еще флейты Неба.

— Позволь спросить об этом, — сказал Янь-чэн Янь. — Великий Ком ⁷ выдыхает воздух, зовущийся ветром. В покое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогда вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышал ты его громopodobного пения? Вздвигающие гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов — как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер — и они завоюют, закричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: у-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: а-а-а! При слабом ветре — гармония малая, при сильном ветре — гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. Не так ли раскачиваются и шумят под ветром деревья?

— Значит, флейта земли — вся тьма земных отверстий. Флейта человека — полая бамбуковая трубка с дырочками. Но что же такое флейта Неба?

— Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть такими, какие они есть, и петь так, как им поется? ⁸

Большое знание безмятежно-покойно.
Малое знание ищет, к чему приложить себя.
Великая речь неприметно тиха,
Малая речь гремит над ухом.
Когда мы спим, душа отправляется в странствие.
Пробудившись от сна, мы открываемся миру.
Всякая привязанность — обуза и путы,
И сознание вечно бьется в тенетах.
Одни в мыслях раскованны, другие проникновенны, третьи тщательны.
Малый страх делает нас осторожными.
Большой страх делает нас раскованными.

Мысли устремляются вперед, как стрела, пущенная из лука: так стараются люди определить, где истина и где ложь.

Словно связанные торжественной клятвой: так судят неуступчивые спорщики.
Увядает, словно сад поздней осенью: такова судьба истины, за которую держатся упрямо.
Остановилось движение, словно закупорен исток: так дряхлеет все живое.
И в час неминуемой смерти
Ничто не может снова вернуть нас к жизни.

Веселье и гнев, печаль и радость, надежды и раскаяние, перемены и неизменность, благородные замыслы и низкие поступки — как музыка, исторгаемая из пустоты, как грибы, возникающие из испарений, как день и ночь, сменяющие друг друга перед нашим взором. И неведомо, откуда все это? Но да будет так! Не от него ли то, что и днем, и ночью с нами? Как будто бы есть подлинный господин, но нельзя различить его примет. Деяниям его нельзя не довериться, но невозможно узреть его образ!

Не будь “другого”, не было бы и моего “я” ⁹, а не будь моего “я”, не было бы необходимости делать выбор. Кажется, тут мы недалеко от истины, но все еще не знаем, откуда приходят наши мысли.

Сотня костей, девять отверстий и шесть внутренних органов ¹⁰ — все они присутствуют во мне, что же из них мне ближе всего? Нравятся ли они мне все одинаково, или какому-то органу я отдаю предпочтение? Управляет ли этот орган всеми прочими, как если бы они были его подданными? А может, органы нашего тела не могут друг другом управлять и сменяют друг друга в роли правителя и подданного? Или все-таки у них есть один подлинный государь? Но даже если мы опознаем этого государя, мы ничего не сможем ни прибавить к его подлинности, ни отнять от нее.

Однажды получив свое тело, мы обладаем им до самой смерти и не можем взять себе другое. Не зная покоя, мы плывем по бурным водам жизни, неудержимо стремясь, словно скачущий конь, к общему для всех концу. Как это печально! Мы изнемогаем всю жизнь в бесплодных усилиях, в трудах и заботах проводим

дни и даже не ведаем, за что нам выпал такой удел. Как это горько! Для чего говорить о бессмертии, коли тело наше рано или поздно обратится в прах, а вместе с ним исчезнет и сознание? Вот поистине величайшая из людских печалей! Неужто жизнь человека и впрямь так неразумна? Или я один такой неразумный, а другие умнее меня? Если вы следуете за своими сложившимися взглядами, как за наставником, то кто среди людей не будет иметь наставника? Почему таким наставником может быть только тот, кто умеет делать выбор в соответствии со своими убеждениями? Ведь и невежда способен поступать так же. Рассуждать об истине и лжи, прежде чем появится ясное понимание их природы, — все равно что “отправляться в Юэ сегодня, а приехать туда вчера”¹¹. Это значит объявлять существующим то, чего нет. А как несуществующее сделать существующим, не знал даже великий Юй. Я же и подавно знать о том не могу.

Речь — это не просто выдыхание воздуха. Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно. Говорим ли мы что-нибудь? Или мы на самом деле ничего не говорим? Считают, что человеческая речь отлична от щебета птенца. Есть ли тут отличие? Или отличия нет? Отчего так затемнен Путь, что существует истинное и ложное? Почему так невнятна речь, что существует правда и обман? Куда бы мы ни направлялись, как можем мы быть без Пути? Как можем мы утверждать существование чего-то такого, чего не может быть? Путь затемняется человеческими пристрастиями, речь становится невнятной из-за цветистости. И вот уже возникает “правильное” и “неправильное”, о которых толкуют последователи Конфуция и Мо Ди, и то, что одни объявляют правдой, другие начисто отрицают. Но вместо того чтобы принимать то, что они отрицают, и отрицать то, что они провозглашают, лучше прийти к прозрению.

Каждая вещь в мире есть “то”, и каждая вещь в мире есть “это”. Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому. Вот почему говорится: “То рождается из этого, а это сообразуется с тем”. Оттого ли утверждают, что “то” и “это” возникают одновременно? Следовательно, “в рождении мы умираем”¹², возможное невозможно, а невозможное возможно, говоря “да”, мы говорим “нет”, а говоря “нет”, говорим “да”. Посему мудрец не делает этих различий, но смотрит на все в свете Небес и лишь следует этому¹³.

Всякое “это” есть также “то”, а всякое “то” есть также “это”. Там говорят “так” и “не так”, имея свою точку зрения, и здесь говорят “так” и “не так”, тоже имея свою точку зрения. Но существует ли в действительности “это” и “то”, или такого различия вовсе не существует? Там, где “это” и “то” еще не противостоят друг другу, находится Ось Пути. Постигнув эту ось в центре мирового круговорота, обретаем способность бесконечных превращений: и наши “да”, и наши “нет” неисчерпаемы. Вот почему сказано: нет ничего лучше, чем прийти к прозрению.

Вместо того чтобы доказывать, что палец не является пальцем, лучше сразу сказать, что непалец не является пальцем. Вместо того чтобы доказывать, что “лошадь не является лошастью”, лучше сразу сказать, что нелошадь не является лошастью. Небо и Земля — один палец, вся тьма вещей — одна лошадь¹⁴.

Возможным называют то, что кажется возможным, а невозможным — то, что кажется невозможным. Дорога появляется, когда ее протопчут люди. Вещи становятся такими, какие они есть, когда им дают названия. Каковы же они? Они такие, какие есть. Почему они не таковы? Они не таковы потому, что такими не являются. Каждой вещи изначально свойственно особое качество, и каждая вещь изначально имеет свои возможности. Нет вещи, которая была бы лишена присущих ей качеств и возможностей. Посему, если кто-то произвольно противопоставляет прокаженного красавице Сиши, былинку — столбу, а благородство — подлости, то пусть собирает все это воедино. Их разделение — это их созидание, их созидание — это их разрушение. Но все вещи — рождающиеся и погибающие — друг друга пронизывают и сходятся воедино. Только человек, постигший правду до конца, знает, что все приходит к одному. Он не прибегает к частным суждениям, но оставляет все сущее на обычном месте¹⁵. Обычное определяется полезным, полезное — проникновением в суть вещей, а проникновение — доступным. Как только мы приходим к доступному, нам уже нет нужды идти далеко. Тут наши утверждения исчерпывают себя. Остановиться на этом и не знать, почему так происходит, — вот это и значит пребывать в Пути.

Пытаться уразуметь Единое и не знать, что все едино, называется “три поутру”. Что такое “три поутру”? Жил-был один человек, сохранивший в доме обезьян, и вот этот человек как-то сказал своим обезьянам: “Утром дам вам три меры желудей, а вечером — четыре”. Обезьяны рассердились. Тогда он сказал: “Ладно, я дам вам утром четыре меры, а вечером — три”. И все обезьяны обрадовались. Вот так этот человек по поведению обезьян узнал, как нужно действовать, не поступаясь ни формой, ни существом дела. Он тоже, что называется, “следовал тому, что есть”. Посему мудрый приводит к согласию утверждение и отрицание и пребывает в центре Небесного Круга. Это называется “идти двумя путями сразу”¹⁶.

Люди древности в своих знаниях достигли предела. Чего же они достигли? Они знали, что изначально вещи не существуют, — вот предел, вот вся бездна смысла, и добавить к этому нечего. Те, кто шли за ними, считали, что вещи существуют, но нет границ между вещами. Те, кто шли потом, считали, что границы между вещами существуют, но никакая вещь не может быть “этим” или “тем”. Противопоставление “этого” и “того” — вот причина затемнения Пути. А когда Пути нанесен ущерб, возникает любовная привязанность. Действительно ли в мире Путь понес ущерб, и возникла любовная привязанность, или ничего этого не было? Когда Чжао Вэнь играл на своей лютне — вот это было нанесение ущерба Пути и возникновение любовной привязанности. А когда лютня Чжао Вэня молчала, Путь не терпел ущерба, и не появлялось любовной привязанности¹⁷. Чжао Вэнь, играющий на лютне, мастер Куан, отбивающий такт

посохом, и Хуэй-цзы, опирающийся на столик, — какими познаниями обладали эти трое? Знание каждого из них было совершенным, а потому предания о них дошли и до наших дней. Но каждый из них в своих пристрастиях отличался от других и притом старался разъяснить лишь то, к чему сам питал пристрастие, а потому умалчивал о других точках зрения. Вот почему они кончили ничемными спорами о “твердости” и “белизне”, а сын Чжао Вэня остался всего лишь обладателем лютни отца, так и не сумев достичь высот в музыке. Если о таких людях можно сказать, что они добились успеха, то в таком случае, и я небезуспешно прожил свою жизнь. А может, следует сказать, что эти люди не добились успеха? В таком случае ни я, ни кто-нибудь другой не изведal в жизни успеха. Вот почему истинно мудрый презирает блеск изощренных речей. Он не придумывает истины, а оставляет все вещи на их обычном месте. Вот это и называется “осветить вещи светочем разума”. Предположим, я высказываю суждение о чем-то и не знаю, следует ли его определять как “истинное” или как “неистинное”. Но каким бы оно ни было, если мы объединим “истинное” и “неистинное” в одну категорию, то исчезнет всякое отличие от иного суждения. Воспользуюсь одним примером. Положим, есть “начало” и есть “то, что еще не начало быть началом”. Тогда есть “то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть началом”. Положим, есть “бытие” и есть “небытие”. Тогда есть “то, что еще не есть бытие” и есть “то, что еще не есть то, что еще не есть бытие”. Внезапно мы приходим к “небытию” и не знаем, что же на самом деле существует: “бытие” или “небытие”? А что до меня, то я, несомненно, что-то сказал, но так и не знаю, сказал ли я, в конце концов, что-нибудь, или же я на самом деле ничего не сказал? ¹⁸

В целом мире нет ничего больше кончика осенней паутинки, а великая гора Тайшань мала. Никто не прожил больше умершего младенца, а Пэн-цзу умер в юном возрасте. Небо и Земля живут вместе со мной, вся тьма вещей составляет со мной одно.

Коль скоро мы составляем одно — что еще тут можно сказать? Но уж коли мы заговорили об одном, то можно ли обойтись без слов? Единое и слова о нем составляют два, а два и одно составляют три. Начиная отсюда, даже искуснейший математик не доберется до конца чисел, что уж говорить об обыкновенном человеке! Даже идя от несуществующего к существующему, мы должны считать до трех. Что уж говорить, когда мы пойдем от существующего к существующему! Но не будем делать этого. Будем следовать данному, и не более того ¹⁹.

Путь изначально не имеет пределов, слова изначально не имеют установленного смысла. Только когда мы держимся за свои придуманные истины, появляются разграничения. Попробую сказать об этих разграничениях: существует левое и существует правое, существуют приличия и существует долг, существует определение и существует толкование, существует спор и борьба. Все это называют восьмью достоинствами. То, что пребывает за пределами мироздания, мудрый принимает, а о том не ведет речей. О том, что пребывает в пределах мироздания, мудрый говорит, но не выносит суждений. Касательно деяний прежних царей, о которых поминают в летописи, мудрый выносит суждения, но не ищет им объяснений.

Воистину, в каждом определении есть нечто неопределимое, в каждом доказательстве есть нечто недоказуемое. Почему это так? Мудрый хранит правду в себе, а обыкновенные люди ведут споры, чтобы похвастаться своими знаниями. Вот почему говорится: “В споре есть нечто, не замечаемое спорщиками”.

Великий Путь не называем.
Великое доказательство бессловесно.
Великая человечность нечеловечна.
Великая честность не блюдет приличий.
Великая храбрость не горит отвагой.

Путь, проявивший себя, перестает быть Путем. Речь, ставшая словом, не выражает правды. Человечность, которая всегда добра, не свершит добро. Показная честность не внушает доверия. Храбрость, не знающая удержу, не приносит победы. Все эти пять вещей закруглены и обтекаемы, как шар, но могут вдруг обрести острые углы.

Знать, как остановиться на неизвестном, — это есть совершенство. Кто же знает бессловесное доказательство и неизъяснимый Путь? Вот что такое, если кто-нибудь способен это знать, Небесная Кладовая. Добавляй в нее — и она не переполнится. Черпай из нее — и она не оскудеет, и неведомо, почему это так. Сие зовется потаенным светом ²⁰.

Беззубый спросил у Ван Ни: “Знаете ли вы, в чем вещи подобны друг другу?”

— Как я могу это знать? — ответил Ван Ни.

— Знаете ли вы то, что вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Стало быть, никто ничего не знает?

— Как я могу это знать? Однако же попробую объяснить: откуда вы знаете, что то, что я называю знанием, не является незнанием? И откуда вы знаете, что то, что я называю незнанием, не является на самом деле знанием? Позвольте теперь спросить: если человек переночует на сырой земле, у него заболит поясница и отнимется полтела. А вот случится ли такое с лосем? Если человек поселится на дереве, он будет дрожать от страха, а вот так ли будет чувствовать себя обезьяна? Кто же из этих троих знает, где лучше жить? Люди едят мясо домашних животных, олени едят траву, сороконожки лакомятся червячками, а совы охотятся за мышами. Кому из этих четырех ведом истинный вкус пищи? Обезьяны брачуются с обезьянами, олени

дружат с лосями, угри играют с рыбками. Мао-цзян и Сиши слыли первыми красавицами среди людей, но рыбы, завидев их, тотчас уплыли бы в глубину, а птицы, завидев их, взметнулись бы в небеса. И если бы их увидели олени, они бы с испугу убежали в лес. Кто же среди них знает, что такое истинная красота? По моему разумению, правила доброго поведения, суждения об истине и лжи запутанны и невняты. Мне в них не разобраться!

Беззубый спросил: “Если вы не можете отличить пользу от вреда, то уж совершенный человек, несомненно, знает это различие, правда?”

Ван Ни ответил: “Совершенный человек живет духовным! Даже если загорятся великие болота, он не почувствует жары. Даже если замерзнут великие реки, ему не будет холодно. Даже если молнии расколуют великие горы, а ураганы поднимут на море волны до самого неба, он не поддастся страху. Такой человек странствует с облаками и туманами, ездит верхом на солнце и луне и уносится в своих скитаниях за пределы четырех морей. Ни жизнь, ни смерть ничего в нем не меняют, тем паче мысли о пользе и вреде!”

Цюйцяо-цзы спросил у Чанью-цзы: “Я слышал от Конфуция, что мудрый не обременяет себя мирскими делами, не ищет выгоды, не старается избегнуть лишений, ни к чему не стремится и даже не держится за Путь. Порой он молчит — и все выскажет, порой говорит — и ничего не скажет. Так он странствует душой за пределами мира пыли и грязи. Конфуций считал, что это все сумасбродные речи, а я думаю, что так ведут себя те, кто постигли сокровенный Путь. А что вы думаете?”

Чанью-цзы ответил: “Эти речи смутили бы даже Желтого Владыку, разве мог уразуметь их Конфуций? К тому же ты слишком скор в суждениях. Видишь яйцо — и уже хочешь слышать петушиный крик, видишь лук — и хочешь, чтобы тебе подали жаркое из дичи. Я расскажу тебе, как придется, а ты уж, как придется, послушай, хорошо?”

Может ли кто-нибудь встать рядом с солнцем и луной, заключить в свои объятия вселенную, жить заодно со всем сущим, принимать все, что случается в мире, и не видеть различия между людьми низкими и возвышенными? Обыкновенные люди трудятся не покладая рук. Мудрый действует не умствуя, и для него десять тысяч лет — как одно мгновение. Для него все вещи в мире существуют сами по себе и друг друга в себя вмещают. Откуда мне знать, что привязанность к жизни не есть обман? Могу ли я быть уверенным в том, что человек, страшась смерти, не похож на того, кто покинул свой дом и боится вернуться?

Красавица Ли была дочерью пограничного стражника во владении Ай. Когда правитель Цзинь забрал ее к себе, она рыдала так, что рукава ее платья стали мокрыми от слез. Но когда она поселилась во дворце правителя, разделила с ним ложе и вкусила дорогие яства, она пожалела о том, что плакала. Так откуда мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что прежде молил о продлении жизни? Кто во сне пьет вино, проснувшись, льет слезы. Кто во сне льет слезы, проснувшись, отправляется на охоту. Когда нам что-нибудь снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и, лишь проснувшись, знаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что есть великий сон. А глупцы думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто в мире царь, а кто пастух. До чего же они тупы! И вы, и Конфуций — это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон. Речи эти кажутся загадочными, но, если после многих тысяч поколений в мире появится великий мудрец, понимающий их смысл, вся вечность времен покажется одним быстротечным днем!”

Положим, мы затеяли с тобой спор, и ты победил меня, а я не смог переспорить тебя, значит ли это, что ты и в самом деле прав, а я на самом деле не прав? А если я победил тебя, а ты не смог переспорить меня, значит ли это, что прав именно я, а ты не прав? Обязательно ли кто-то из нас должен быть прав, а кто-то не прав? Или мы можем быть оба правы и оба не правы? И если мы сами не можем решить, кто из нас прав, а кто нет, то другие люди тем более не сделают этого за нас. Кто же рассудит нас? Если придет кто-нибудь, кто согласится с тобой, то как ему рассудить нас? А если кто-то третий будет согласен со мной, то и ему не удастся нас рассудить. Если же, наконец, позвать того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, то такой человек тем более не поможет нам установить истину. А если позвать того, кто согласится со мной и с тобой, то мы опять-таки не доберемся до истины. Выходит, ни я, ни ты, ни кто-либо другой не можем установить общую для всех истину. На кого же нам надеяться?

Противоречивые суждения о вещах, друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес ²¹. Будем же следовать вольному потоку жизни и исчерпаем до конца свой земной срок! Но что значит “привести к равновесию на весах Небес”? Отвечу: “истинное” есть также “неистинное”, “правильное” — это также “неправильное”. Если истина и в самом деле является истиной, то она отличается от неистинного, и тут не о чем спорить. Если правильное и в самом деле является правильным, то оно отличается от неправильного, и тут тоже не о чем спорить. Забудем о наших летах, забудем о наших обязанностях, достигнем беспредельного и будем пребывать в нем без конца.

Полутень спросила у Тени: “Раньше ты двигалась, теперь ты стоишь на месте, раньше ты сидела, теперь стоишь. Почему ты так непостоянна в своих поступках?”

Тень ответила: “А не потому ли я такая, что я от чего-то завишу? А может, то, от чего я завишу, тоже от чего-то зависит? Может быть, я завишу от чешуйки на хребте змеи или от крылышек цикады? Откуда я могу знать, почему я такая или другая?”

Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочке приснилось, что она — Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!

Глава III

ГЛАВНОЕ ВО ВСКАРМЛИВАНИИ ЖИЗНИ ²²

Наша жизнь имеет предел, а знанию предела нет. Имея предел, гнаться за беспредельным губительно. А пытаться употребить в таких обстоятельствах знание — верная гибель.

Делая добро, избегай славы; делая зло, избегай наказания. Идя срединным путем, можно себя уберечь, благополучно прожить свои годы, вскормить родных людей, исчерпать свой земной срок.

Повар Дин разделявал бычьи туши для царя Вэнь-хой. Взмахнет рукой, навалится плечом, подопрет коленом, притопнет ногой, и вот: вжик! бах! Сверкающий нож словно пляшет в воздухе — то в такт мелодии “Тутовая роща”, то в ритме песен Цзин-шоу ²³.

— Прекрасно! — воскликнул царь Вэнь-хой. — Сколь высоко твое искусство, повар!

Отложив нож, повар Дин сказал в ответ: “Ваш слуга любит Путь, а он выше обыкновенного мастерства. Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков, но минуло три года — и я уже не видел их перед собой! Теперь я не смотрю глазами, а полагаюсь на осозание духа, я перестал воспринимать органами чувств и даю претвориться во мне духовному желанию. Вверяясь Небесному порядку, я веду нож через главные сочленения, произвольно проникаю во внутренние пустоты, следуя лишь непреложному, и потому никогда не наталкиваюсь на мышцы или сухожилия, не говоря уже о костях. Хороший повар меняет свой нож раз в год — потому что он режет. Обыкновенный повар меняет свой нож раз в месяц — потому что он рубит. А я пользуюсь своим ножом уже девятнадцать лет, разделал им несколько тысяч туш, а нож все еще выглядит таким, словно он только что сошел с точильного камня. Ведь в сочленениях туши всегда есть промежуток, а лезвие моего ножа не имеет толщины. Когда же не имеющее толщины вводишь в пустоту, ножу всегда найдется предостаточно места, где погулять. Вот почему даже спустя девятнадцать лет мой нож выглядит так, словно он только что сошел с точильного камня. Однако же всякий раз, когда я подхожу к трудному месту, я вижу, где мне придется нелегко, и собираю воедино мое внимание. Я пристально вглядываюсь в это место, двигаюсь медленно и плавно, веду нож старательно, и вдруг туша распадается, словно ком земли рушится на землю. Тогда я поднимаю вверх руку, с довольным видом оглядываюсь по сторонам, а потом вытираю нож и кладу его на место”.

— Превосходно! — воскликнул царь Вэнь-хой. — Послушав повара Дина, я понял, как нужно вскармливать жизнь.

Когда Гунвэнь Сюань повстречал Полководца правой руки, он спросил в изумлении: “Что это за человек? Почему одноногий? ²⁴ Это от Неба или от человека?”

— От Неба, а не от человека. От Неба дается нам то, что отличает нас от других. Человеческий облик для всех одинаков. Вот почему мы знаем, что это идет от Неба, а не от человека.

Фазану, живущему в камышах, нужно пройти десяток шагов, чтобы склонуть зернышко, и сотню шагов, чтобы выпить глоток воды, но он не хочет жить в клетке, где ему будет вдоволь еды и питья. Одухотворенный человек не соблазнится даже царским чином.

Когда умер Лао Дань, Цинь И пришел в его дом, чтобы выразить соболезнования, трижды громко возопил и вышел вон. Ученик спросил его: “Разве покойный был вашим другом?”

— Да, был, — ответил Цинь И.

— Тогда прилично ли вот так выражать свою скорбь о нем?

— Конечно! Поначалу я думал, что покойный был просто человеком, но теперь знаю, что ошибался. Я пришел выразить соболезнования, и что же? Вокруг старики, плачущие так, словно они скорбят о своих детях, и юноши, рыдающие, точно они потеряли матерей. Сойдясь вместе, они говорят, когда не нужно слов, и плачут, когда не нужно слез. Поистине они отворачиваются от Небесного закона и забывают о том, что им вродено. Древние называли это “бегством от кары Небес”. Когда настал срок, учитель пришел. Срок истек — и учитель покорился. Когда живешь, повинуйся велениям времени, печаль и радость не завладевают тобой. Древние называли это “царственным освобождением”.

Сколько бы хвороста ни принести руками человеческими, он все равно прогорит. Но огонь перекидывается дальше, и никто не знает, где ему конец.

Глава IV

СРЕДИ ЛЮДЕЙ ²⁵

Янь Хой пришел к Конфуцию и попросил разрешения уехать.

— Куда же ты направляешься? — спросил Конфуций.

— Я еду в царство Вэй, — ответил Янь Хой.

— А что ты будешь там делать?

— Я слышал, что правитель Вэй молод летами и безрассуден в поступках. Он не заботится о благе государства и не замечает своих промахов. Столь низко ценит он человеческую жизнь, что в его владениях громоздятся горы трупов, а люди доведены до отчаяния. Я помню, учитель, ваши слова: “Не беспокойтесь о тех царствах, где есть порядок. Идите туда, где порядка нет. У ворот дома, где живет доктор, много больных”. Я хочу как-нибудь применить на деле то, чему вы меня учили, и навести порядок в том несчастном царстве.

— Ах, вот как! — отозвался Конфуций. — Боюсь, ты спешишь навстречу собственной гибели. Великий Путь не терпит смятения, ибо, когда умы наши охвачены смятением, истина дробится, а когда истина раздроблена, люди охвачены тревогой, если же ты не можешь одолеть тревогу в своей душе, ты никогда не станешь свободным. Совершенные люди древности учили других лишь тому, в чем сами находили прочную опору.

И пока ты сам не нашел такую опору в себе, как можешь ты браться за воспитание надменного владыки? Да и понимаешь ли ты, что источник нашей власти над людьми есть также подлинный исток нашего знания? Власть над людьми находит выражение в славе, знание же рождается из соперничества. “Приобрести имя” — значит победить в борьбе, и знание есть орудие этой борьбы. И то и другое — вредоносные орудия, никак не способствующие нашему совершенствованию. Еще нужно сказать тебе, что обладать выдающимися способностями, безупречной честностью, но не видеть, что таится в душе другого, не стремиться к славе, не понимать человеческого сердца и проповедовать добро, справедливость и благородные деяния перед жестокосердным государем — значит показать свою красоту, обнажая уродство другого. Поистине такого человека следовало бы назвать “ходячим несчастьем”. А тому, кто доставляет неудовольствие другим, люди, конечно же, тоже будут стараться навредить. Боюсь, не избежать тебе гонений света! И еще: если уж правитель Вэй так любит умных и достойных мужей и ненавидит людей ничтожных, то какой смысл тебе доказывать, что ты человек незаурядный? Уж лучше тебе не вступать в спор с державным владыкой, ведь государь наверняка станет придирается к твоим недостаткам и расписывать собственные достоинства.

Твой взор он помутит.

Твою гордость он смирит.

Твои уста он замкнет.

Твою гордость уььет.

И даст тебе другое сердце.

Тогда придется тебе “огнем тушить огонь, водой заливать воду”. Вот что называется “и было плохо, а стало хуже некуда!”. Если ты уступишь ему с самого начала, будешь угождать ему потом до конца своих дней. А тогда он едва ли будет прислушиваться к твоим восторженным речам, и, значит, рано или поздно не миновать тебе плахи.

Еще хочу тебе сказать вот что. В старину царь Цзе казнил Гуань Лунфэна, а царь Чжоу казнил Биганя. Оба казненных были людьми безупречного поведения, пёкшимися о благе народа. А вышло так, что из-за их добронравного поведения их повелители решили избавиться от них. И кроме того, это были люди, мечтавшие о славе. Когда-то Яо пошел войной на владения Цзун, Чжи и Сюао, а Юй напал на удел Юху, и эти царства были обращены в пустыню, их правители сложили головы на плахе. Не было конца грабегам и казням, нет предела и жажде побед. А все потому, что люди эти искали славы. Не говори мне, что ты никогда не слышал о них! Даже мудрейший может соблазниться славой, что же говорить о таких как ты? Однако же, думаю, тебе есть что сказать в ответ — так говори же!

Янь Хой сказал: “Хорошо ли быть внимательным и всеобъятным в устремлениях, прилежным и целеустремленным?”

Конфуций отвечал: “О нет, это никуда не годится! Правитель Вэй не умеет сдерживать свои страсти, и в душе у него нет равновесия. Обыкновенные люди, конечно, не смеют уклониться от встречи с ним и стараются спрятать свое беспокойство и страх под покровом спокойствия. В них не родится даже то, что называют “благотворным влиянием, растущим день ото дня”, — что же говорить о великой силе?! А он будет стоять на своем и не захочет меняться. По видимости он может соглашаться с тобой, но в душе он с тобой не будет считаться. Что же тут хорошего?”

— Коли так, — сказал Янь Хой, — я буду прям внутри и податлив снаружи, я буду верен своим убеждениям, но уступать царской воле. Как человек “прямой внутри”, я буду послушником Неба. Тот, кто становится послушником Неба, знает, что и Сын Неба, и он сам — дети Неба и что он один умеет говорить от себя как бы без умысла — так, что иной раз людям его речи нравятся, а иной раз не нравятся. В мире к таким людям относятся как к детям. Вот что я называю “быть послушником Неба”. Тот же, кто “податлив

снаружи”, будет послушником человека. Держать в руках ритуальную табличку, падать на колени и простираться ниц — так ведет себя подданный. Все люди так поступают, отчего и мне не поступать так же? Делая то, что и другие делают, я никому не дам повода быть недружелюбным ко мне. Вот что я называю “быть послушником человека”. Будучи верным своим убеждениям и послушным царской воле, я буду послушником древних. Правдивые слова, будь то распоряжения или назидания, восходят к древним, и сам я за них не в ответе. В таком случае я могу быть прям, не рискуя собой. Вот что я называю “быть послушником древних”. Годится ли такое поведение?

— Никуда не годится! — отвечал Конфуций. — Планы хитроумные, да осуществить их трудно. Будь проще, и тогда, даже не выделяясь большим умом, ты избежишь беды. Однако же на этом следует остановиться. Своего повелителя тебе все равно не переделать. Ты со своими планами слишком полагаешься на свой ум.

— Мне больше нечего сказать, — промолвил Янь Хой. — Прошу вас, учитель, дать мне совет.

— Постись, и я скажу тебе, — отвечал Конфуций. — Действовать по собственному разумению — не слишком ли это легко? А тот, кто предпочитает легкие пути, не узреет Небесного сияния.

— Я из бедной семьи и вот уже несколько месяцев не пил вина и не ел мяса. Можно ли считать, что я постился?

— Так постятся перед торжественным жертвоприношением, я же говорю о посте сердца.

— Осмелюсь спросить, что такое пост сердца?

— Сделай единой свою волю: не слушай ушами, а слушай сердцем, не слушай сердцем, а слушай духовными токами ²⁶. В слухе остановись на том, что слышишь, в сознании остановись на том, о чем думается. Пусть жизненный дух в тебе пребудет пуст и будет непроизвольно откликаться внешним вещам. Путь сходится в пустоте. Пустота и есть пост сердца.

— Пока я, Хой, еще не постиг своего истинного бытия, я и в самом деле буду Хоем, — сказал Янь Хой. — Когда же я постигну свое истинное бытие, я еще не буду Хоем. Вот это и значит “сделать себя пустым”?

— Именно так! — отвечал Конфуций. — Вот что я тебе скажу: войди в его ограду ²⁷ и гуляй в ней свободно, но не забывай себе голову мыслями о славе. Когда тебя слушают, пой свою песню, когда тебя не слушают, умолкни. Для тебя не должно быть внутренних покоев и простора вовне. Остановись на неизбежном и в этом обрети свой единый дом. Тогда ты будешь близок к правде. Легко ходить, не оставляя следов. Трудно ходить, не касаясь земли. Деяниям людей легко подражать, свершениям Неба подражать трудно. Ты знаешь, что такое летать с помощью крыльев. Ты еще не знаешь, что такое летать без крыльев. Ты знаешь, что такое знанием добывать знание, но еще не знаешь, что значит, благодаря незнанию обретать знание. Вглядишься же в тот сокровенный чертог: из пустой залы исходит ослепительный свет. Удачу приносит прекращение прекращения. Пока же ты не придешь к этому концу, ты будешь мчаться галопом, даже восседая неподвижно. Если твои уши и глаза будут внимать внутреннему и ты отрешись от умствования, то к тебе стекнутся божества и духи, не говоря уже о людях! Вот что такое превращение всей тьмы вещей. Юй и Шунь здесь обретали тот узел, в котором сходятся все нити. На этом Фуси и Цзи Цзюй здесь прекратили свои странствия, ну а простым людям и подавно нужно остановиться!

Правитель удела Шэ Цзыгао, собираясь отправиться в царство Ци, спросил у Конфуция: “Поручение, которое дал мне мой повелитель, чрезвычайно ответственное, а в царстве Ци послов принимают с почетом, но только очень уж медлят с ответом. Даже простолюдина поторапливать — труд неблагодарный, что же говорить о владыке удела! Я очень этим обеспокоен. Вы как-то сказали мне: “Мало сыщется в этой жизни дел, больших и малых, которые не побуждали бы нас добиваться успеха. Если мы не добьемся успеха, нас накажут люди, а если добьемся, нас накажут стихии. Только человек, исполненный силы, способен избежать неблагоприятных последствий и в том случае, когда он добивается успеха, и в том случае, когда не добивается”. Что касается меня, то я питаюсь простой пищей и на кухне в моем доме нет недовольных. Но нынче я, получив приказания утром, пью ледяную воду вечером, и вот у меня уже поднялся жар. Еще не приступив к делам, я уже страдаю от “наказания стихий”, а если мое предприятие завершится неудачей, мне не избежать “наказания людей”, и это еще хуже. Я, кажется, не в состоянии выполнять свои обязанности подданного, молю вас дать мне совет”.

Конфуций ответил: “В мире для каждого из нас есть два великих правила: одно из них — судьба, другое — долг. Любовь детей к родителям — это судьба, ее невозможно вырвать из сердца. Служение подданного правителю — это долг, и, что бы ни случилось с подданным, он не может без государя. Правила, которые невозможно обойти в этом мире, я называю великими. Вот почему в служении родителям извечная вершина сыновней любви — покойно жить с отцом-матерью. В служении государю вершина преданности — хладнокровно выполнять поручения. А в служении собственному сердцу вершина добродетели — покойно принимать судьбу, не давая волю огорчениям и радостям и зная, что иного пути нет. В нашем служении как сына или подданного есть нечто такое, чего нельзя избежать. Если делать лишь то, что требуют обстоятельства, забывая о себе, то разве станете вы себя убеждать, что вам лучше сохранить свою жизнь, чем умереть? Вот как вы должны поступать.

Позвольте мне напомнить вам кое-что из слышанного мною. В общении с ближними мы должны доверять им и сами внушать доверие. В общении же с дальними мы должны убеждать в своей преданности при помощи слов, и кто-то должен эти слова передавать. А на свете нет ничего труднее, чем передавать речи сторон, которые друг другом довольны или, наоборот, недовольны. В первом случае непременно будет

слишком много восторгов, а во втором — слишком много упреков. Но всякое преувеличение есть пустословие, а пустословие не породит доверия. Если же нет доверия, то и человек, доносящий эти речи до государя, вовек не добьется успеха. А потому существует правило, гласящее: “Если ты сообщаешь только то, что есть в действительности, и не говоришь ничего лишнего, тогда ты едва ли подвергнешь себя опасности”. И заметь еще: те, кто состязаются в каком-нибудь искусстве, сначала стараются как можно лучше показать себя, потом становятся скрытными, в самый разгар состязания пускаются на разные хитрости. Участники торжественного пира поначалу держатся очень церемонно, потом забывают о приличиях, а в разгар пиршества веселятся без удержу. То же самое случается во всех делах: начинают сдержанно, а заканчивают развязно. И то, что поначалу кажется нам делом простым, под конец уже неподвластно нам. Речи наши — как ветер и волны. Дела наши их подтверждают или опровергают. Ветру и волнам легко прийти в движение. И так же легко поступки наши могут навлечь на нас беду. Следовательно, гнев, угрожающий нам, порождается не иначе как лукавыми речами и пристрастными суждениями. Когда зверь чует свою смерть, он иступленно кричит, напрягая все свои силы, так что крик его проникает прямо в сердце охотника и наполняет его неистовой страстью. Если чересчур настаивать на своей правоте, собеседник обязательно будет спорить с вами, и даже сам не будет знать почему. Если он не понимает даже того, что побудило его поступить так, то как он может знать, чем закончится беседа? Вот почему существует правило, гласящее: “Не пренебрегай указаниями, не домогайся успеха, во всем блюди меру”. Пренебрегать указаниями и домогаться успеха — значит подвергать себя опасности. Блестящий успех требует времени, а дело, закончившееся плачевно, уже невозможно поправить. Так можете ли вы позволить себе быть неосмотрительными? И последнее: привольно странствовать сердцем, пользуясь вещами как колесницей, и взращивать в себе Срединное, доверяясь неизбежному, — вот предел нашего совершенства. Как же можно ожидать вознаграждения за совершенное нами? В жизни нет ничего важнее, чем исполнить то, что предназначено вам. И ничего более трудного”.

Когда Янь Хэ назначили воспитателем наследника престола при дворе вэйского царя Лин-гуна, он спросил у Цюй Боюя: “Представим себе, что рядом с нами живет человек, которого Небо наделило страстью к убийству. Если я в его присутствии буду вести себя несдержанно, я подвергну опасности мое царство, а если я буду сдержан, то подвергну опасности самого себя. Ума у него хватает лишь на то, чтобы знать промахи других, но он не догадывается о настоящих причинах этих промахов. Как мне быть с таким человеком?”

Цюй Боюй ответил: “Как хорошо ты спросил! Будь всегда осторожен, будь внимателен! Будь безупречен в своем поведении. В поступках наших главное — быть своевременным, в чувствах наших главное — пребывать в согласии. Правда, и то и другое создает свои трудности. Когда ты действуешь своевременно, ты все же не хочешь оказаться втянутым в мирские дела, а когда ты пребываешь в согласии, ты не хочешь, чтобы мир в твоём сердце выскользнул наружу. Если ты окажешься втянутым в мирские дела, тебя захлестнут раздоры и губительные страсти. Если ты позволишь душевной гармонии выскользнуть наружу, она обернется пошлой славой и лукавством. Если он хочет поиграть с ребенком, играй вместе с ним. Если он хочет скакать по полям, скачи вместе с ним. Если он хочет плавать по глади вод, плыви вместе с ним. Постигай досконально его нрав и следуй в нем тому, что не несет в себе порчи. Разве не приходилось тебе видеть богомола? Яростно стучит он лапками перед приближающейся повозкой, не ведая о том, что не выдержать ему тяжести колес. А все потому, что у него слишком благородный характер. Будь же осторожен, будь внимателен! Если ты обнажишь перед ним те свои качества, которыми любой мог бы гордиться, ты не продержишься долго. Разве не знаешь ты, как поступают люди, укрощающие тигров? Они не дают тиграм живых животных, ибо тигры расswireпеют, убивая их. Не дают тиграм и целые туши животных, ибо тигры расswireпеют, раздирая эти туши на части. Зная, когда тигры голодны, а когда сыты, они умеют укрощать их ярость. Тигры — существа другого рода, нежели люди, но если они ласкаются к тому, кто кормит их, так получается потому, что человек следует их природным наклонностям. Если же они свирепы, то потому, что человек идет против их природы. Наездник, души не чающий в своем коне, будет смиренно собирать навоз и мочу своего любимца. Но если на коня усядется комар и хозяин невзначай прихлопнет его, конь взбрыкнет копытами и, глядишь, проломит своему хозяину голову. Намерения у хозяина коня были самые добрые, а исход этого происшествия был бы самый плачевный. Так можно ли не быть осторожным в этой жизни?”

Когда плотник Ши направлялся в царство Ца и проходил мимо деревушки Цюйсюань, он увидел у алтаря духов земли огромный дуб. Крона этого дуба была так широка, что в тени ее могли бы укрыться несколько тысяч быков. Его ствол был шириной, наверное, в сотню обхватов, высотой он превосходил окрестные холмы. А самые нижние его ветви начинались саженей за десять от земли. Ветви, из которых можно было бы выдолбить лодку, исчислялись десятками. На дерево глазела толпа зевак, как на рынке, но плотник даже не удостоил его взглядом и пошел дальше, не останавливаясь. Когда его ученик вдоволь нагляделся на это диковинное дерево, он догнал плотника Ши и спросил его: “Учитель, с тех пор как я взял в руки топор и пошел за вами, мне не доводилось видеть такой превосходный материал. Почему же вы даже не взглянули на то дерево, не придержали шага, проходя мимо?”

— Довольно, не напоминай мне больше об этом, — ответил плотник Ши. — Дерево это ни на что не годное. Сделаешь из него лодку — и она потонет, сделаешь гроб — и он быстро сгниет, сделаешь чашку — и она тут же растрескается, сделаешь двери и ворота — и они вскоре рассохнутся, сделаешь столб — и его

источат жуки. Это дерево никчемное, нет от него никакой пользы — вот почему оно смогло прожить так долго.

Когда плотник Ши вернулся домой, священный дуб явился ему во сне и сказал: “С чем ты хочешь сравнить меня? С какими-нибудь изящными, годными для обработки деревьями? Или с деревьями, приносящими плоды, как вишня, груша или мандариновое дерево? Когда плоды на них созревают, их безжалостно обдирают, ломая ветви, отрывая маленькие побеги. Деревья эти терпят урон из-за своих способностей и умирают, не исчерпав своего жизненного срока, уготованного им природой. Они страдают из-за пошлых мирских нужд. И такое случается с каждой вещью, которая полезна для людей. Я же давно стремлюсь к тому, чтобы стать совсем бесполезным, и сейчас, на склоне лет, добился своего. Моя бесполезность для других, очень полезна для меня самого! Ну, а если бы я оказался полезным для других, разве смог бы я вырасти таким огромным? Такова участь всех вещей в этом мире. Какая глупость — думать, как вещи относятся друг к другу! Разве станет никому не нужный человек, который вот-вот умрет, интересовать никому не нужным деревом?”

Проснувшись, плотник Ши рассказал про свой сон ученику. “Если это дерево хочет быть бесполезным, — сказал ученик, — почему оно растет у алтаря?”

— Молчи! — отвечивал плотник. — Оно стоит у алтаря только потому, что хочет уберечься от невежд. Ведь деревья, которые не слынут священными, люди калечат куда чаще. А кроме того, дерево оберегает святыню, далекую от всего пошлого и обыденного, и разве были бы мы далеки от истины, если бы сказали, что оно выполняет свой высокий долг?

Когда Цзы-Ци из Наньбо гулял на горе Шан, он увидел огромное дерево, которое уже издали выделялось среди всех прочих. Под его роскошной кроной могла бы найти укрытие целая тысяча экипажей. “Что это за дерево? — сказал Цзы-Ци. — По всему видно, оно не такое, как другие”. Посмотрел он вверх и увидел, что ветви дерева такие кривые, что из них нельзя сделать ни столбов, ни стропил. Взглянул вниз на его могучий корень и увидел, что он так извилист, что из него не выдолбишь гроб. Лизнешь его листок — и рот сводит от горечи! Вдохнешь источаемый им запах — и три дня ходишь одурманенный. Цзы-Ци сказал: “Вот ни на что не годное дерево, потому-то оно и выросло таким огромным. Теперь я понимаю, почему самые светлые люди в мире сделаны из материала, в котором никто не нуждается!”

Есть в царстве Сун местечко — оно зовется Цзинши, — где в изобилии произрастают и катальпа, и кипарис, и туговое дерево. Но дерево толщиной в обхват или более того обязательно срубят кто-нибудь, кому нужен столб, чтобы привязывать обезьян. Дерево толщиной в три-четыре обхвата срубят тот, кто хочет вытесать колонну для своего дворца, а деревом толщиной в семь-восемь обхватов рано или поздно завладеет какой-нибудь богатый и знатный человек, желающий изготовить себе гроб. Вот так ни одно дерево не имеет возможности прожить сполна срок, дарованный ему природой, и безвременно гибнет от топора. Таково несчастье тех, кто представляет собой добротный материал. Недаром запрещается приносить в жертву духу реки быка с белым пятном на лбу, свинью с перекошенным пяточком или человека в струпьях. Всех их отвергают колдуны, ибо они считаются предвестниками несчастья. А духовный человек видит в них вестников большой удачи.

Вот таким был калека Чжи: подбородок врос в пупок, плечи выше головы, шейные позвонки торчат в небеса, пять хрящей позвоночника сгрудились вверху, бедра поднялись к плечам. Кормился он тем, что штопал и стирал одежду, а когда брал в руки палочки, чтобы погадать другим об их судьбе, ему подносили еды на десятерых. Если власти набирали войско, калека Чжи, размахивая руками, ходил вразвалку среди рекрутов. Если отбирали людей для общественных работ, его всякий раз освобождали от повинностей. Когда же в городе раздавали милостыню больным и немощным, он получал целых три меры зерна и десять связок хвороста. Если даже человек, ущербный телом, способен уберечь себя и прожить сполна свой срок, установленный для него природой, то тем более способен добиться этого тот, кто сделал себя ущербным в жизненных свойствах!

Когда Конфуций странствовал в царстве Чу, тамошний безумец Цзе Юй, проходя мимо него, пропел:

О, Феникс, Феникс! ²⁸

Как померкла доблесть твоя!

На грядущее нет надежды.

К прошлому нет возврата.

Когда Поднебесная процветает,

Мудрый окружен славой.

Когда Поднебесная в упадке,

Мудрый радуется жизни.

А в наше смутное время

Он сочтет за благо избежать казни.

Счастье легче пуха.

Нельзя его удержать.

Несчастье тяжелее всей земли,
Нельзя его обойти.
Но довольно, довольно
Править людьми властью добра!
Гибельно, гибельно
Прятаться в круге, начертанном на песке!
Земные тернии — не терзайте скитальца!
Мой путь извилист,
Не раньте мне ноги!

Деревья в лесу сами привлекают к себе топор. Масло в светильнике само сжигает себя. Коричное дерево источает аромат — и его срубают. Лаковое дерево полезно для людей — и его долбят. Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного.

В царстве Лу жил человек по имени Ван Тай, у которого в наказание отсекали ногу ³⁰, но учеников у него было не меньше, чем у самого Конфуция. Чан Цзи спросил у Конфуция: “Ван Таю в наказание отсекали ногу, а его ученики не уступают числом людям вашей школы. Встав во весь рост, он не дает наставлений. Сидя на полу, он не ведет бесед, но всякий, кто приходит к нему пустым, уходит от него наполненным. Видно, он и в самом деле несет людям бессловесное учение, и, хотя тело его ущербно, сердце его совершенно. Что же он за человек?”

— Этот человек — настоящий мудрец, — ответил Конфуций, — Если бы не разные срочные дела, я бы уже давно пошел к нему за наукой. И уж если мне не зазорно учиться у него, то что же говорить о менее достойных людях? Я не то, что наше царство Лу — весь Поднебесный мир приведу к нему в ученики!

— Если даже с одной ногой этот человек превосходит вас, учитель, он в самом деле должен быть мужем редкостного величия. А если так, то и сознание у него должно быть какое-то необыкновенное, верно?

— И жизнь, и смерть воистину велики, но череда смертей и жизней в этом мире ничего не трогает в нем. Даже если обвалится небо и обрушится земля, он не погибнет. Он постиг Подлинное в жизни и не влечется за другими, позволяет свершиться всем жизненным превращениям и оберегает их исток.

— Что это значит? — спросил Чан Цзи.

— Если смотреть на вещи исходя из различий между ними, то печень и селезенка будут так же отличаться друг от друга, как царство Чу от царства Юэ. А если смотреть на вещи исходя из их сходства, то мы увидим, что все в мире едино. Такой человек даже не знает, чем отличаются друг от друга глаза и уши, и привольно странствует сердцем в крайнем согласии, проистекающем из полноты жизненных свойств. Он видит, в чем все вещи едины, и не видит, чего лишена каждая из них. Для него лишиться ноги — все равно, что стряхнуть с себя комочек грязи.

Чан Цзи сказал: “Он живет сам по себе и знание свое употребляет на постижение собственного сердца, а сердцем своим постигает Неизменное в своем сердце. Отчего же другие люди тянутся к нему?”

— Мы не можем смотреться в текущие воды, и видим свой образ лишь в стоячей воде. Только покой может успокоить все, что способно покоиться. Среди всего, что растет на земле, лишь сосны и кипарисы живут по истине, ибо они не сбрасывают зеленого убора даже в зимнюю пору. Среди тех, кто имел повеление от Неба, только Яо и Шунь жили по истине, ибо тот, кто живет по истине сам, сделает истинной жизнь всех людей. А приверженность человека Изначальному доказывается отсутствием страха. Храбрый воин выступит в одиночку против целого войска, и если такое может совершить даже человек, мечтающий о мирской славе, то тем более такое под силу тому, кто видит Небо и Землю своим домом, всю тьму вещей — своей кладовой, собственное тело — убежищем, а глаза и уши — вместилищем всех образов; кто возводит все, что он знает, к одному и обладает вечно живым сердцем! Он сам выберет себе день, когда покинет этот мир. И пусть другие по своей воле идут за ним — он не станет вникать в чужие дела.

Шэньту Цзя, которому отрубили ногу, вместе с Цзы-Чанем был учеником у Бохуня-Безвестного. Однажды Цзы-Чань сказал Шэньту Цзя: “Если ты первый захочешь уйти, то я останусь. А если я захочу уйти первым, то останешься ты”. На следующее утро он снова встретился с Шэньту Цзя в комнате для занятий, сел с ним рядом и сказал ему: “Если я выйду первым, ты останешься. А если ты выйдешь первым — останусь я. Нынче я собираюсь уйти отсюда — не согласишься ли ты остаться? Или, может быть, ты не пожелаешь этого? И если ты не построишься перед первым советником государя, значит ли это, что ты считаешь себя равным ему?”

— Так, значит, среди учеников нашего учителя есть даже первый советник! — воскликнул Шэньту Цзя. — Видно, это тот, кто, как ты, радуется званию первого советника и презирает других. Мне приходилось слышать такую поговорку: “Если зеркало светлое, на него пыль не сядет, а если на зеркале пыль, значит, оно не светлое”. Дружи долгое время с достойным мужем, и ты не сможешь совершить дурной поступок. Ныне ты считаешь нашего учителя величайшим из наставников на земле и все-таки столь невежливо разговариваешь со мной. Куда это годится?

Цзы-Чань ответил: “Ты, я гляжу, такой человек, что и с самим Яо будет спорить, кто из вас лучше. Прикинь-ка лучше, хватит ли у тебя мужества, чтобы честно оценить себя самого?”

— Среди нас, — возразил Шэньту Цзя, — найдется немало людей, которые охотно расскажут о своих дурных поступках, полагая, что они не заслужили наказания. Немногие откажутся рассказать тебе о своих проступках, полагая, что они не заслужили прощения. А вот что до того, чтобы признать Неизбежное и покойно принять Судьбу, то на это способен лишь истинно прозревший муж. Гулять под прицелом стрелка и не быть сраженным стрелой — это и есть судьба. Многие, у которых ноги целы, смеются надо мной, потому что у меня только одна нога. Их насмешки приводят меня в ярость, но стоит мне поговорить с учителем, и гнев у меня пропадает, прежде чем я доберусь до дома. Уж не знаю, что тому причиной: то ли учитель очистил меня своей добротой, то ли я прозреваю в истину сам. Я прожил с учителем девятнадцать лет и за это время ни разу не вспомнил о том, что мне отсекали ногу. Нынче мы с тобой ищем правду внутри нас самих, а ты заставляешь меня взглянуть на себя извне. Разве это не преступление?

Цзы-Чань смутился и, приняв почтительный вид, сказал: “Тебе нет необходимости говорить еще что-нибудь”.

В царстве Лу жил человек с одной ногой, звали его Шу-шань-Беспалый. Однажды он приковывал к Конфуцию, чтобы поговорить с ним. “Прежде ты был неосторожен, — сказал Конфуций. — После постигшего тебя несчастья, зачем тебе искать встречи со мной?”

— Я не был осмотрителен и легкомысленно относился к самому себе, оттого и лишился ноги, — ответил Беспалый. — Однако ж все ценное, что было в моей ноге, и сегодня присутствует во мне, вот почему я пуще всего забочусь о том, чтобы сохранить себя в целости. На свете нет ничего, что не находилось бы под небом и на земле. Я относился к вам, учитель, как к Небу и Земле. Откуда мне было знать, что вы отнесетесь ко мне с такой неприязнью?

— Я был груб с вами, уважаемый, — сказал Конфуций. — Отчего же вы не входите в мой дом? Дозвольте мне наставить вас в том, что мне довелось узнать самому.

Когда Беспалый ушел, Конфуций сказал: “Ученики мои, будьте прилежны! Этот Беспалый в наказание лишился ноги, но и теперь еще посвящает свою жизнь учению, дабы исправить свои прежние ошибки. Что же говорить о том, кто сохраняет свою добродетель в неприкосновенности?”

А Беспалый сказал Лао Даню: “Конфуций стремится к совершенству, но еще не достиг желаемого, не так ли? Для чего ему понадобилось приходиться к вам и просить у вас наставлений? ³¹ Видно, ему все еще хочется снискать славу удивительного и необыкновенного человека. Ему неизвестно, что человек, достигший совершенства, смотрит на такую славу как на оковы и путы”.

— Почему бы не заставить его понять, что смерть и жизнь — как один поток, а возможное и невозможное — как бусинки на одной нити? — сказал Лао Дань. — Неужто нельзя высвободить его из пут и оков?

— Как можно сделать свободным того, кого покарало само Небо? — изрек Беспалый.

Ай-гун, правитель Лу, говорил Конфуцию: “В царстве Вэй жил один уродец, которого так и звали: Урод То. Молодые люди, приходившие к нему, чтили его так высоко, что не могли заставить себя покинуть его дом. Девушки, которым доводилось его видеть, говорили, что уж лучше пойти к нему в наложницы, чем в жены к кому-то другому. И таких были десятки. Никто никогда не слышал, чтобы он сказал что-то такое, чего никто не знал. Он всегда лишь соглашался с другими — и не более того. Не было у него ни державной власти, спасающей людей от смерти, ни огромных богатств, дарующих людям благоденствие. А все же, с его уродливой внешностью, способной напугать кого угодно, с его привычкой соглашаться со всеми и ничего не говорить от себя, он был необыкновенным человеком; даже дикие звери спаривались там, где ступала его нога. Я пригласил его к себе, чтобы хорошенько рассмотреть, и увидел, что он и в самом деле был так уродлив, что мог бы напугать кого угодно. Он остался в моей свите, и не прошло месяца, как я стал приглядываться к нему всерьез. А еще через год он пользовался полным моим доверием. Когда мое государство осталось без первого советника, я назначил его на эту должность. Он принял это назначение после долгих раздумий и поблагодарил меня сдержанно, как если бы отклонял мое предложение. Такой он был странный! В конце концов, он взял в руки бразды правления, но вскоре покинул мой двор. Я был так опечален, словно похоронил близкого человека, и словно рядом со мной не осталось никого, с кем я мог бы разделить радость управления целым царством. Что же он был за человек?”

— Я расскажу вам одну историю из своей жизни, — ответил Конфуций. — Однажды я был послан с поручением в царство Чу и увидел, как маленькие поросята пробовали сосать мертвую мать. Очень скоро они оставили ее и разбрелись кто куда. Так произошло потому, что они не узнавали в мертвой матери себя, не видели в ней существа того же рода. В своей матери они любили не просто ее тело, а то, что делало это тело одушевленным. Воинам, погибшим в битве, не требуются роскошные гробы. Человек, которому в наказание отсекли обе ноги, охотно одолжит вам туфли. Ибо все они уже лишились того, что делало их важными в этом мире. Когда девушка становится наложницей Сына Неба, ей не срезают ногти и не протыкают уши. Тот, кто взял себе новую жену, не является ко двору государя и не выполняет служебных поручений. Уж если мы настолько заботимся о сохранности своего тела, то мы тем более должны заботиться о сохранности своих жизненных свойств! Ну а Урод То внушает к себе доверие; прежде чем вымолвит слово, приобретает расположение других, не оказав им никаких услуг, побуждает правителя верить его попечению целое царство и притом заставляет державного владыку опасаться, что не примет его предложения. Нет сомнения, он один из тех, в ком талант не имеет изъяна, вот только его жизненные свойства не вполне воплотились в его телесном облике.

— Что значит: “талант не имеет изъяна”? — спросил Ай-гун.

Конфуций ответил: “Жизнь и смерть, существование и гибель, победа и поражение, богатство и бедность, мудрость и невежество, хвала и хула, голод и жажда, жара и холод — все это превращения вещей, действие судьбы. День и ночь эти превращения свершаются перед нашим взором, и нашего знания не хватает на то, чтобы понять исток их. А потому они не могут ничего добавить к нашей внутренней гармонии, и нет для них места в Волшебной Кладовой ³². Хранить в душе мир и радость и не терять ни того, ни другого, когда наши органы чувств открываются внешнему миру; сделать так, чтобы в нас день и ночь не были оторваны друг от друга, и жить одной весной со всем сущим — значит быть человеком, в котором

каждое впечатление откликается в сердце движением всей вселенной. Вот что я называю “галант не имеет изъяна””.

— А что значит: “жизненные свойства не вполне воплотились в телесном облике”?

— Располагаться строго по уровню — таково свойство покоящейся воды. Если вода может послужить здесь образцом, то лишь потому, что внутри она предоставлена самой себе и не ищет себя вовне. Полнота свойств — это вершина нашего совершенствования в жизненной гармонии. От полноты свойств, даже не проявившейся до конца в телесном облике, ничто сущее в этом мире отойти не может.

На другой день Ай-гун сказал Минь-цзы: “Поначалу я управлял царством, как подобает державному владыке: держал в руках бразды правления, печалился о страданиях и смертях людских и думал, что достиг совершенства. А нынче услышал речи истинно мудрого человека и понял, что легкомысленно относился к себе и вот подвергнул опасности собственное государство. Мы с Конфуцием не правитель и подданный, а друзья по духовным свершениям, вот мы кто с ним!”

Урод Безгубый со скрюченными ногами служил советником при вэйском Лин-гуне. Государю так нравился его советник, что, когда он смотрел на обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинные ноги. Горбун с огромной шишкой на шее служил советником при Хуань-гуне, правителе царства Ци. Хуань-гуну так нравился его советник, что, когда он видел перед собой обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинная шея.

Насколько в людях проступает полнота свойств, настолько же забывается их телесный облик. Когда люди не забывают то, что обычно забывается, и забывают то, что обычно не забывается, это называется настоящим забвением.

Вот почему, где бы ни пребывал мудрец, для него знание — это беда, а обещание — клей³³, добродетель — раздача милостыни, ремесло — рыночный торг. Коль скоро мудрый не строит планов, зачем ему знание? Коль скоро он не делает заметок, зачем ему склеивать расписки? Коль скоро он ничего не лишается, зачем ему требовать уплаты долга? Коль скоро он ничего не продает, зачем ему доходы? Все, что ему нужно, он приобретает на Небесном торжище. Приобретать на Небесном торжище — значит кормиться от Неба. И если он кормится от Неба, для чего ему люди? Он обладает человеческим обликом, но в нем нет человеческой сущности. Обладая человеческим обликом, он живет среди людей. Не обладая человеческими наклонностями, он стоит в стороне от “истинного” и “ложного”. Неразлично мало то, что связывает его с людьми. Необозримо велико — таково небесное в нем, и он в одиночестве претворяет его!

Хуэй Ши спросил у Чжуан-цзы: “Верно ли, что люди изначально не имеют человеческих наклонностей?”³⁴

— Да, это так, — ответил Чжуан-цзы.

— Но если человек лишен человеческих наклонностей, как можно назвать его человеком? — вновь спросил Хуэй Ши.

— Дао дало ему облик, Небо дало ему тело, как же не назвать его человеком?

— Но если он человек, то как может он жить без свойственных ему наклонностей?

— Одобрение и порицание — вот что я называю человеческими наклонностями, — пояснил Чжуан-цзы. — Я называю человеком без человеческих наклонностей того, кто не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри, следует тому, что само по себе таково, и не пытается улучшить то, что дано жизнью.

— Но если он не улучшает того, что дано жизнью, как может он проявить себя в этом мире?

— Дао дало ему облик, Небо дало ему тело. Он не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри. Ты же вовне обращаешь свой ум на внешние вещи, а внутри насилуешь свою душу. Прислонись к дереву и пой! Облокотись о столик и спи! Тебе тело вверили небеса, а вся твоя песня — “твердость” да “белизна”!

Глава VI

ВЫСШИЙ УЧИТЕЛЬ ³⁵

Знать действие Небесного и действие человеческого — вот вершина знания. Тот, кому ведомо действие Небесного, берет жизнь от Неба. Тот, кому ведомо действие человеческого, употребляет знание познанного для того, чтобы пестовать непознанное в известном. Прожить до конца срок, уготованный Небом, и не погибнуть на полпути — вот торжество знания.

Однако тут есть сложность: знание, чтобы быть надежным, должно на что-то опираться, но то, на что оно опирается, крайне неопределенно. Как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следовательно, должен быть настоящий человек, и тогда появится настоящее знание. Что же такое настоящий человек? Настоящие люди древности не противились своему уделу одиноких, не красовались перед людьми и не загадывали на будущее. Такие люди не сожалели о своих промахах и не гордились своими удачами. Они поднимались на высоты, не ведая страха, погружались в воду, не замочив себя, входили в огонь и не обжигались. Таково знание, которое рождается из наших устремлений к Великому Пути. Настоящие люди древности спали без сновидений, просыпались без тревог, всякую пищу находили одинаково вкусной, и дыхание в них исходило из их сокровеннейших глубин. Ибо настоящий человек дышит пятками, а обыкновенные люди дышат горлом. Скромные и уступчивые, они говорили сбивчиво и с трудом, словно заикались. А у тех, в кого желания проникли глубоко, источник Небесной пружины ³⁶ лежит на поверхности.

Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и страшиться смерти; не торопились прийти в этот мир и не противились уходу из него. Не предавая забвению исток всех вещей, не устремляясь мыслью к концу всего сущего, они радовались дарованному им, но забывали о нем, когда лишались этого. Вот что значит “не вредить Пути умствованием, не подменять небесное человеческим”. Таковы были настоящие люди. Сердце у таких людей было забывчивое, лик покойный, чело возвышенное. Прохладные, как осень, теплые, как весна, они следовали в своих чувствах четырем временам года, жили, сообразуясь со всем сущим, и никто не знал, где положен им предел.

Посему, когда мудрый вступает в войну, он может погубить государство и все же не лишиться любви людей. Она распространяет свои милости на тысячи поколений, но не потому, что любит людей. Стало быть, человек, который хочет все узнать, не мудр. Благоволить же кому-либо — значит не быть добрым. Того, кто старается выгадать время, не назовешь достойным человеком. Того, кто не смотрит дальше выгоды и вреда, не назовешь благородным мужем. Того, кто добивается славы, не заботясь о себе, не назовешь благоразумным. Тот, кто лишается жизни, не думая о подлинном в себе, не может быть господином среди людей.

Настоящие люди древности жили праведно и не старались другим угодить. Вид у них был такой, словно им чего-то не хватало, но они ничего не брали себе. Они были покойны и уверены в себе, но не упрямы. Они были открыты миру и всеобъятны, но красоваться не любили. Жили с легкой душой и как бы в свое удовольствие, делали лишь то, чего нельзя было не делать. Решительны были они и делали все по-своему.

Уверенные в себе! А упрямства в них не было.
С открытой душой! А красоваться не любили.
Безмятежные! И жили как бы в свое удовольствие.
Все делали по необходимости! И не могли иначе.
Мужественные! Всегда поступали по-своему.
Осторожные! Делали только то, что было в их силах.
Учтивые! Казались истинно светскими людьми.
Такие гордые! Никому не позволяли повелевать собой.
Скрытные! Как будто рта раскрыть не желали.
Рассеянные! Вмиг забывали собственные слова.

Для настоящего человека наказание — основа, ритуал — дополнение, знание — это умение соответствовать обстоятельствам, а доблесть — следование естественному течению событий. Опирается на наказания означает правильно применять казнь. Подкреплять основу ритуалом означает учтиво вести себя в обществе. Сделать знание умением действовать по обстоятельствам означает делать лишь то, чего нельзя не делать. Сделать своей добродетелью следование естественному течению событий означает подниматься пешком на холм — труд поистине нелегкий.

То, что настоящие люди любили, было едино. И то, что они не любили, тоже было едино. В едином они были едины, но и в не-едином они тоже были едины. В едином они были послушниками Неба. В не-едином они были послушниками человека. Тот, в ком ни небесное, ни человеческое не ущемляют друг друга, достоин зваться настоящим человеком.

Смерть и жизнь — это судьба. А то, что они постоянно сменяются, как день и ночь, — это Небесный удел. Там, где люди не в силах изменить что-либо, — там и пребывает естество вещей. Для них собственный отец равен Небу ³⁷, и они любят его всей душой. Что же говорить о том, кто возвышается над

ними? Каждый из нас полагает, что его господин лучше него самого, и потому готов отдать за него жизнь. Что же говорить о самом подлинном из владык в этом мире?

Когда высыхает пруд, рыбы, оказавшиеся на суше, увлажняют друг друга жабрами и смачивают друг друга слюной. И все-таки лучше им забыть друг о друге в просторах многоводных рек и озер. А восхвалять Яо и хулить Цзе хуже, чем забыть про них обоих и пребывать в Дао.

Великий Ком вверил мне мое тело и ниспослал мне бремя земной жизни. Он дал мне отдохновение в старости и упокоит меня в смерти. То, что сделало доброй мою жизнь, сделает доброй и мою смерть.

Если спрятать лодку в бухте, а холм в озере, то покажется, что они надежно укрыты. Но в полночь явится Силач и унесет все на своей спине, а Невежде будет невдомек. Как бы ни было удобно прятать малое в большом, оно все равно может пропасть. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет пропасть. Таков великий закон сбережения всех вещей.

Люди почитают за небывалое счастье родиться в облике человека. Насколько же радостнее знать, что то, что имеет облик человеческий, претерпит тысячи и тысячи превращений и им не наступит предел! Поэтому мудрый пребывает там, где вещи не могут пропасть и доподлинно присутствуют. Для него равно хорошо и погибнуть в молодости, и умереть в старости, и начинать, и заканчивать. Люди охотно берут его за образец. Что говорить о том, кто стоит у начала всего сущего и кем держится Единое превращение мира?

Путь существует доподлинно и внушает доверие, даром что не действует и не имеет облика. Его можно воспринять, но нельзя передать³⁸, можно постичь, но нельзя увидеть. Он сам себе ствол и сам себе корень. Еще до появления Неба и Земли он существовал с незапамятных времен. Он одухотворил божества и царей, породил Небо и Землю. Он выше верхнего края вселенной, а не высок. Он ниже нижнего края вселенной, а не низок. Он родился прежде Земли, а век его не долгий. Он старше самой седой древности, а возраст его не старей. Си-вэй обрел его — и держал в кулаке Небо и Землю. Фу-си обрел его — и постиг Матерь жизненных сил. Полярная звезда обрела его — и не меняет своего положения на небе. Солнце и луна обрели его — и вечно сменяют друг друга. Кань-пэй обрел его — и добрался до горы Кунь-лунь. Пинь-и обрел его — и погрузился в большую реку. Цзянь-у обрел его — и поселился на горе Тай-шань. Желтый Владыка обрел его — и вознесся в заоблачные дали. Чжуань-суй обрел его — и сделал своей обителью Темный Дворец. Юй-цян обрел его — и нашел себе место у северного края земли. Царица-мать Запада обрела его — и воссела на престоле на горе Шао-гуан. Никто не знает, где его начало и где конец. Пэн-цзу обрел его — и жил со времени царствования Шуня до эпохи Пяти властителей. Фу-юэ обрел его — и стал советником у царя У Дина, владел всей Поднебесной, а после смерти попал на небеса и странствовал вместе со звездами.

Цзы-куй из Наньбо спросил Женщину Цзюй: “Вам уже много лет, но выглядите вы еще совсем юной, почему?”

— Я слышала о Пути, — ответила Женщина Цзюй.

— Можно ли научиться Пути? — спросил Цзы-куй.

— О нет, нельзя. Ты для этого не годишься. Знала я одного человека по имени Булян И. Он обладал способностями истинного мудреца, но не знал, как идти праведным Путем. А я знаю, как идти праведным Путем, но не обладаю способностями мудрого. Я попыталась обучить его Пути, ведь он и в самом деле мог стать настоящим мудрецом. В конце концов, совсем нетрудно разъяснить путь мудрого тому, кто обладает способностями мудреца. Я стала оберегать его, чтобы истина открылась ему, и через три дня он смог быть вне Поднебесной. Когда он научился быть вне Поднебесной, я снова поберегла его, и через семь дней он научился быть вне вещей. После того как он смог быть вне вещей, я снова поберегла его, и спустя девять дней он смог быть вне жизни. А научившись быть вне жизни, он в сердце своем стал как “ясная заря”. Став в сердце своем “ясной зарей”, он смог прозреть Одинокое³⁹. А прозревши в себе Одинокое, он смог быть вне прошлого и настоящего. Превзойдя различие между прошлым и настоящим, он смог быть там, где нет ни рождения, ни смерти. Ибо то, что убивает жизнь, само не умирает, а то, что рождает жизнь, само не живет. Что же это такое? Следует за всем, что уходит, и привечает все, что приходит; все может разрушить, все может создать. Поэтому называют его “покойное в превращениях”. “Покойное в превращениях” означает: все достигнет завершенности через превращения.

— Откуда же вы все это узнали? — спросил Цзы-куй. Женщина Цзюй ответила: “Я восприняла это от сына писца, сын писца воспринял это от внука чтеца, внук чтеца перенял это от Ясного Взора. Ясный Взор перенял это от Чуткого Слуха, Чуткий Слух перенял это от Труженика, Труженик перенял это от Сладкоголового, Сладкоголосый перенял это от Глубочайшего Мрака, Глубочайший Мрак воспринял это от Хаоса, а Хаос перенял это от Безначального”.

Четверо — Цзы-Сы, Цзы-Юй, Цзы-Ли и Цзы-Лай — вели между собой такой разговор: “Кто может представить небытие головой, жизнь — хребтом, а смерть — задом и кто понимает, что жизнь и смерть, существование и гибель — это одно тело, тот будет нам другом”. Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. И, не испытывая друг к другу никакой неприязни в сердце, они подружились. Внезапно Цзы-Юй заболел, и Цзы-Сы пошел проведать его. Цзы-Юй сказал: “Поистине, велик творец! Гляди, как он меня скрутил!” Спина его вздыбилась так, что внутренности оказались наверху, лицо ушло в живот, плечи поднялись выше темени, шейные позвонки словно устремились в небеса. Силы Инь и Ян в нем были

спутаны, а сердце невозмутимо-спокойно. Кое-как доковыляв до колодца, он взглянул на свое отражение. “Ого! — снова воскликнул он. — Ну и скрутил меня творец — дальше некуда!”

— Страшно тебе? — спросил Цзы-Сы.

— Чего же тут страшиться? — ответил Цзы-Юй. — Положим, моя левая рука станет петухом — тогда я буду оповещать о ночных часах. Положим, моя правая рука превратится в самострел — тогда я буду добывать ею дичь на жаркое. Положим, мои ягоды станут колесами экипажа, мой дух — лошастью. Тогда я обзаведусь собственным экипажем для выезда! А кроме того, мы получаем жизнь, когда приходит время, и лишаемся ее, когда срок истекает. Так покорись времени, не противься уходу, и тогда ни радости, ни печали не заденут тебя. Вот что древние называли “освобождением от пут”. А того, кто сам себя не может освободить, вещи свяжут еще крепче. Однако ж вещам против Неба не устоять, так чего ради отвергать мне мои превращения?

Вскоре заболел Цзы-Лай, и смерть подступила к нему. Его жена и дети стояли вокруг него и громко рыдали. Цзы-Ли отправился проститься с ним и, войдя в его дом, крикнул тем, кто оплакивал умирающего: “Эй вы, прочь с дороги! Не мешайте свершаться переменам!” Потом он прислонился к двери и заговорил с Цзы-Лаем: “Как грандиозен путь превращения вещей! Чего только не сотворят из тебя нынче! Куда только не заведут тебя перемены! Быть может, ты превратишься в печень крысы? Или в лапку насекомого?”

Цзы-Лай ответил: “Ребенок, имеющий отца-матерь, может пойти на восток и запад, на север и юг — ему достаточно повиноваться родительской воле. А силы инь и ян для человека — больше, чем отец и мать. Если они подвели меня к смерти, а я не захочу слушаться их, то лишь выкажу свое упрямство. На них-то вины не будет. Великий ком вверил мне тело, ниспослал мне бремя этой жизни, сделал легкой мою старость и упокоит меня в смерти. То, что сделало доброй мою жизнь, сделает доброй и мою смерть. Ты только представь: Великий Плавильщик плавит металл, и вдруг капелька этого металла подпрыгивает и кричит ему:

“Хочу быть волшебным мечом Мосе — и ничем другим!” Великий Плавильщик, конечно, счел бы такой металл ни на что не годным. И если бы я, обладающий человеческим обликом, стал бы кричать сейчас: “Хочу быть только человеком! Только человеком!”, творец вещей наверняка сочтет меня никудышным человеком. Если считать Небо и Землю одним плавильным котлом, а превращение вещей — плавкой металла, то могу ли я что-то не принимать в моей судьбе, что бы ни случилось со мной? Свершив свой земной путь, я усну глубоким сном, вернувшись к началу — вновь пробужусь”.

Трое мужей — Цзы-Санху, Мэн Цзыфань и Цзы-Цинь-чжан — говорили друг другу: “Кто из нас способен быть вместе, не будучи вместе, и способен действовать заодно, не действуя заодно? Кто из нас может взлететь в небеса и странствовать с туманами, погружаться в Беспредельное, и вовеки жить, забыв обо всем?” Все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Они дружно прожили вместе некоторое время, а потом Цзы-Санху умер. Прежде чем тело Цзы-Санху было предано земле, Конфуций узнал о его смерти и послал Цзы-Гуна участвовать в траурной церемонии. Но оказалось, что один из друзей покойного напевал мелодию, другой подыгрывал ему на лютне, и вдвоем они пели песню:

Эй, Санху!

Эй, Санху!

Ты возвратился к подлинному,

А мы все еще человеки.

Цзы-Гун поспешно вышел вперед и сказал: “Осмелюсь спросить, прилично ли вот так петь над телом покойного?”

Друзья взглянули друг на друга и рассмеялись: “Да что он знает об истинном ритуале!”

Цзы-Гун вернулся и сказал Конфуцию: “Что они за люди? Правил поведения не блюдут, даже от собственного тела отрешились и преспокойно распевают песни над телом мертвого друга. Уж не знаю, как все это назвать. Что они за люди?”

— Эти люди странствуют душой за пределами света, — ответил Конфуций. — А такие как я, живут в свете. Жизнь вне света и жизнь в свете друг с другом не соприкасаются, и я, конечно, сделал глупость, послав тебя принести соболезнования. Ведь эти люди дружны с Творцом всего сущего и пребывают в едином дыхании Неба и Земли. Для них жизнь все равно, что гнойник или чирей, а смерть — как выдавливание гноя или разрезание чирья. Разве могут такие люди отличить смерть от жизни, предшествующее от последующего? Они подделываются под любые образы мира, но находят опору в Едином Телеселенной. Они забывают о себе до самых печенок, отбрасывают зрение и слух, возвращаются к ушедшему и заканчивают началом, не ведают ни предела, ни меры. Безмятежные, скитаются они за пределами мира пыли и грязи, весело странствуют в царстве недеяния. Ужели станут они печься о мирских ритуалах и угождать толпе?

— В таком случае, учитель, зачем соблюдать приличия самим? — спросил Цзы-Гун.

— Я один из тех, на ком лежит кара Небес, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь спросить, что это значит?

— Рыбы устраивают свою жизнь в воде, а люди устраивают свою жизнь в Пути. Для тех, кто устраивает свою жизнь в воде, достаточно вырыть пруд. А для тех, кто устраивает свою жизнь в Пути, достаточно отрешиться от дел. Вот почему говорят: “Рыбы забывают друг о друге в воде, люди забывают друг о друге в искусстве Пути”.

— Осмелюсь спросить, что такое необыкновенный человек? — спросил Цзы-Гун.

— Необыкновенный человек необычен для обыкновенных людей, но ничем не примечателен перед Небом, — ответил Конфуций. — Поэтому говорят: “Маленький человек перед Небом — благородный муж среди людей. Благородный муж перед Небом — маленький человек среди людей”.

Янь Хой спросил у Конфуция: “Когда у Мэн-сунь Тая умерла мать, он громко рыдал, но не проливал слез, не горевал в душе, а на похоронах не выражал скорби. Но, несмотря на эти три оплошности, он прослыл лучшим знатоком погребального ритуала в своем царстве Лу. Значит, и в самом деле на свете есть люди, которые умеют добиваться славы, не подкрепленной истинными заслугами. Признаться, я пребываю в недоумении”.

— Этот Мэн-сунь Тай достиг совершенства, ибо он пошел дальше обыкновенного знания, — ответил Конфуций. — Упростить дело еще не значит чего-то добиться, а вот покончить с ним вообще — это значит кое-что упростить. Мэн-сунь не знает, отчего он родился и почему умрет. Он не знает, что идет впереди, а что следом, и позволяет свершаться превращениям, полагаясь на Неизменное, которое ему не дано знать. Ибо, пребывая в превращениях, как может знать он то, что не превращается? А будучи захваченным превращениями, как может он знать, что такое перемены? Не похожи ли мы в этом на тех, кто спят и еще не начали пробуждаться? К тому же, хоть тело его меняется, сердце не терпит ущерба. Он меняет свое пристанище с каждым днем, а дух его не рассеивается. Мэн-суню конечно же ведомо, что такое пробуждение. Когда другой человек плачет, он плачет тоже, потому что следует всему, что происходит. Ведь даже когда мы говорим себе: “Вот я”, можем ли мы быть уверены в том, что именуемое нами самое “я” в действительности таковым и является? Во сне мы видим себя птицей и взмываем в поднебесье, а то вдруг видим себя рыбой и погружаемся в пучину вод. И никто не знает, спит или бодрствует тот, кто сейчас говорит эти слова. Чем строить расчеты, лучше смеяться, а отчего мы смеемся — умом не понять. Вверяя себя порядку вещей, действуй заодно с извечным превращением — тогда войдешь в простор Небесного Единства.

Иэр-цзы пришел к Сюй Ю. Сюй Ю спросил: “Каким богатством одарил тебя Яо?”

Иэр-цзы ответил: “Яо сказал мне: “Ты должен со всем тщанием претворять человечность и справедливость и выявлять истинное и ложное”.

— Тогда зачем ты пришел сюда? — сказал в ответ Сюй Ю. — Если Яо уже выжег на тебе клеймо человечности и справедливости и искалечил тебя разговорами об истинном и ложном, как можешь ты странствовать на дорогах, где гуляют беспечно и ходят, как попало?

— И все-таки я хотел бы отправиться в те края, — сказал Иэр-цзы.

— Нет, у тебя ничего не выйдет, — ответил Сюй Ю. — Слепцу не объяснишь очарование ресниц и щечек красавицы, люди с бельмом на глазу не оценят достоинства парадных одежд из желтого и зеленого шелка.

— У-чжуан лишился своей красоты, Цзюй-лян лишился своей силы, Желтый Владыка растерял свою мудрость. Все сущее претерпевает изменения. Откуда нам знать, что Творец всего сущего не захочет стереть с меня мое клеймо и устранить мое увечье, чтобы я снова стал целым и невредимым и мог последовать за вами. Разве не так, учитель?

— Гм, почему бы и нет? Ну хорошо, я тебе скажу вкратце. О, мой учитель! Мой учитель! Он губит все вещи, а не жесток; одаривает милостью тысячи поколений, а не добр; он старше самой седой древности, а не стар; обнимает собой Небо и Землю, высекает все формы, а не искусен. Вот в чем мы должны пребывать!

Янь Хой сказал: “Я кое-чего достиг”.

— Чего именно? — спросил Конфуций.

— Я забыл о ритуалах и музыке.

— Это хорошо, но ты еще далек от совершенства.

На другой день Янь Хой снова повстречался с Конфуцием.

— Я снова кое-чего достиг, — сказал Янь Хой.

— Чего же? — спросил Конфуций.

— Я забыл о человечности и справедливости.

— Это хорошо, но все еще недостаточно.

В другой день Янь Хой и Конфуций снова встретились.

— Я опять кое-чего достиг, — сказал Янь Хой.

— А чего ты достиг на этот раз?

— Я просто сижу в забвении.

Конфуций изумился и спросил: “Что ты хочешь сказать: “сиду в забвении”?”

— Мое тело будто отпало от меня, а разум как бы угас. Я словно вышел из своей брэнной оболочки, отринул знание и уподобился Всепроницающему. Вот что значит “сидеть в забвении”.

— Если ты един со всем сущим, значит, у тебя нет пристрастий. Если ты живешь превращениями, ты не стесняешь себя правилами. Видно, Ты и вправду мудрее меня! Я, Конфуций, прошу дозволения следовать за тобой!

Цзы-Юй и Цзы-Сан были друзьями. Однажды дождь лил не переставая десять дней подряд. Цзы-Юй сказал:

“Как бы Цзы-Сан не заболел!” Он собрал еду и отправился навестить друга. Подойдя к дому Цзы-Сана, он услышал не то пение, не то плач. Это хозяин пел, подыгрывая себе на лютне:

О, отец! О, мать!
Небо ли? Человек ли?

Голос поющего срывался, а слова комкались.

— Почему ты так странно пел? — спросил Цзы-Юй, войдя в дом.

— Я искал того, кто довел меня до этой крайности, и не мог найти, — ответил Цзы-Сан. — Разве мои отец и мать могли пожелать мне такой бедности? Небо беспристрастно укрывает, а земля беспристрастно поддерживает все сущее. Неужто они могли пожелать мне одному такой бедности? Я искал того, кто сделал это, и не мог найти. Выходит, то, что довело меня до такой крайности, — это судьба!

ДОСТОЙНЫЕ БЫТЬ ВЛАДЫКОЙ МИРА ⁴⁰

Беззубый задавал вопросы Ван Ни, задавал их четыре раза, и тот четыре раза не знал, как ответить. Беззубый даже запрыгал от радости и рассказал об этом Мудрецу в Тростниковой одежде. “Неужто ты узнал про это только сегодня? — спросил Мудрец в Тростниковой одежде. — Царствование Ююя не сравнится с царствованием Тая ⁴¹. Наш государь из рода Ююя все еще привлекает к себе людей человечностью, и люди повинуются ему, но он пока что не преступил пределы человеческого. А государь из рода Тай спит без волнений, просыпается без тревог. Он позволяет считать себя то “лошадью”, то “быком”. Его знания подлинны и вырастают из доверия, его добродетель безупречна, и он не запятнал себя людской пошлостью”.

Цзянь-у повстречал безумца Цзе Юя. “Что сказало тебе Полуденное Начало?” — спросил безумец Цзе Юй.

— Оно сказало мне, что государь среди людей сам устанавливает законы, правила, положения и образцы и никто из смертных не отваживается не внимать им и не изменяться благодаря ним! — ответил Цзянь-у.

— Это несправедная власть, — сказал безумец Цзе Юй. — Управлять Поднебесной — все равно, что переходить вброд океан, долбить долотом реку, учить комаров ходить строем или нести гору на спине. Когда мудрый берется за государственные дела, разве он станет управлять внешним? Он сначала выправляет себя, а уже потом действует и делает лишь то, что может сделать безупречно. Ведь и птицы летают высоко, чтобы быть недосыгаемыми для стрелы, а полевая мышь роет себе нору под священным холмом как можно глубже, чтобы никто не мог добраться до нее или выгнать ее оттуда. Неужели люди глупее этих крошечных существ?

Укорененный в Небе скитался к югу от горы Инь и пришел на берег Реки Чистоты. Там ему встретился Безымянный человек, и он спросил его: “Позвольте поинтересоваться, как нужно управлять Поднебесным миром?”

— Поди прочь, низкий ты человек! Зачем ты спрашиваешь меня о таком скучном деле? — ответил Безымянный, — Я как раз собираюсь стать другом Творца всего сущего, а когда мне и это наскучит, я сяду верхом на Птицу Пустоты и умчусь за шесть пределов вселенной, и буду гулять по Деревне, которой нигде нет, поселюсь в Пустыне Безбрежных просторов. Зачем смущать мою душу вопросами о таком ничтожном деле, как управление Поднебесной?

Все же Укорененный в Небе повторил свой вопрос. Безымянный ответил: “Пусть сердце твое погрузится в пресно-безвкусное. Пусть дух твой сольется с бесформенным. Следуй естеству всех вещей и не имей в себе ничего личного. Вот тогда в Поднебесной будет порядок” ⁴².

Ян Цзыцзюй пришел к Лао Даню и сказал: “Предположим, в мире появится человек чуткий, деятельный, знающий, наделенный ясным умом и не ведающий усталости в деле постижения Пути. Можно ли сравнить такого с просвещенными царями былых времен?”

— Для истинно мудрого все это — оковы и путы царской службы, они изнуряют наше тело и понапрасну волнуют наше сердце, — ответил Лао Дань. — К тому же красивый узор на шкуре тигра и леопарда привлекает охотника, а самую ловкую обезьяну и самого усердного пса первыми сажают на поводок. Разве можно сравнить такого человека с просвещенными царями?

— Могу ли я узнать, как управляет просвещенный царь? — спросил Ян Цзыцзюй.

Лао Дань ответил: “Когда правит просвещенный царь, его деяния распространяются на весь мир, но как бы не от него исходят, его власть передается всем вещам, но люди не ищут в ней опоры. Он правит во славе, но никто не воздает ему хвалу, и каждому он дает жить в свое удовольствие. Он укореняется в Безмерном и пребывает в Отсутствующем”.

В царстве Чжэн жил могущественный колдун по имени Ли Сянь, который умел угадывать судьбы людей — будет ли человек жить или умрет, спасется он или погибнет, встретит или не встретит удачу, умрет ли в молодости или доживет до глубокой старости. Еще он умел предсказывать события, называя и год, и месяц, и даже день. Так велико было его искусство, что жители Чжэн, завидев его, обращались в бегство. Когда Ле-цзы увиделся с ним, ему в сердце словно хмель ударил, и он, вернувшись домой, сказал учителю Ху-цзы: “Раньше я думал, учитель, что ваш Путь выше прочих, но теперь я знаю, что есть и еще более высокий”.

— Я изучил с тобой писания о Пути, но не вникнул в существо Пути, — ответил Ху-цзы. — Постиг ли ты Путь воистину? Даже если кур много, а петуха на них нет, откуда же возьмутся яйца? Ты чрезмерно стараешься осуществить Путь в миру, завоевать доверие людей, а потому облик твой слишком выдает твои намерения. Попробуй привести его сюда, пусть он посмотрит на меня.

На следующий день Ле-цзы привел колдуна к Ху-цзы. Когда колдун вышел, он сказал Ле-цзы: “Гм, твой учитель — мертвец, ему не прожить и десятка дней. Я увидел нечто странное, увидел сырой пепел!”

Ле-цзы вошел в комнату учителя, обливаясь слезами, и передал ему слова колдуна.

Ху-цзы сказал: “Я только что показался ему в образе Земли, притаился в незыблемом, но вовеки подвижном. Ему же, верно, привиделось, что жизненной силе во мне прегражден путь. Приведи его ко мне еще раз”.

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а уходя, сказал Ле-цзы: “Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему сегодня намного лучше! Он совсем ожил! Я вижу, что жизненные силы в нем свободны”. Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: “На сей раз я предстал ему зиянием Небес. Ни имя, ни сущность в нем не гнездятся, а жизненная сила во мне исходила из пяток. Он, верно, увидел во мне это истечение силы. Приведи-ка его еще раз”.

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а выйдя от него, сказал Ле-цзы: “Учитель твой так переменчив! Я не могу разгадать его облик. Подождем, пока он успокоится, и я снова осмотрю его”. Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: “Я предстал ему Великой Пустотой, которую ничто не одолеет. И вот он узрел во мне глубочайший исток жизненных сил. Ибо и в стоячей, и в текучей воде есть темные глубины, и насчитывается их всего девять, а показал я только три. Пусть он придет еще раз”.

На следующий день колдун снова пришел к Ху-цзы, но не успел он усесться на своем сиденье, как в смятении вскочил и выбежал вон. “Догони его!” — крикнул Ху-цзы ученику. Ле-цзы побежал за колдуном, да так и не догнал его. А Ху-цзы сказал: “На сей раз я показал ему свой изначальный образ — каким я был до того, как вышел из своего предка. Я предстал перед ним пустым, неосвязаемо-податливым; невдомек ему было, кто я и что я такое, вот и показалось ему, что он скользит в бездну и плывет свободно по лону вод. Поэтому он убежал от меня”.

Тут Ле-цзы понял, что еще и не начинал учиться. Он вернулся домой и три года не показывался на людях.

Сам готовил еду для жены.
Свиной кормил, как гостей.
Дела мира знать не хотел.
Роскошь презрел, возлюбил простоту.
Возвышался один, словно ком земли.
Не держался правил, смотрел в глубь себя.
Таким он прожил до последнего дня⁴³.

Не отягощай себя мечтами о славе.
Не строй корыстных расчетов.
Не бери на себя бремя пошлых дел.
Не пытайся владеть тем, что знаешь.

Соединись до конца с Беспредельным и обрети свой дом в бездонном покое. Исчерпай то, что даровано тебе Небом, и не желай приобретений: будь пуст — и не более того. У Высшего человека сердце что зеркало: оно не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, вмещает все в себя — и ничего не удерживает. Вот почему такой человек способен превзойти вещи и не понести от них урона.

Владыкой Южного Океана был Быстрый, владыкой Северного Океана был Внезапный, а владыкой середины земли был Хаос. Быстрый и Внезапный время от времени встречались во владениях Хаоса, а тот принимал их на редкость радушно. Быстрый и Внезапный захотели отблагодарить Хаос за его доброту. “Все люди имеют семь отверстий, благодаря которым они слышат, видят, едят и дышат, — сказали они. — Только у нашего Хаоса нет ни одного. Давайте-ка продолжим их в нем”. Каждый день они проделывали одно отверстие, а на седьмой день Хаос умер.

ВНЕШНИЙ РАЗДЕЛ

Глава VIII

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ ⁴⁴

Перепонки между пальцами ног или шестой палец на руке даются человеку природой, но ничего не прибавляют к нашей природе. Тот, кто привержен долгу и человечности, пожалуй, сочтет их столь же близкими себе, как и органы тела, но все же не в них воплощаются свойства праведного Пути. Выходит, перепонка между пальцами ног — бесполезный кусочек плоти, а шестой палец на руке — ненужный отросток. Считать истинным назначением телесных органов перепонку и шестой палец — все равно, что судить о поведении людей по законам человечности и долга, полагаясь только на свой ум.

Посему пристрастие к созерцанию затуманивает наше восприятие пяти цветов, смешивает для нас все узоры мира, подобно тому, как многоцветные одеяния ослепляют наш взор. Вы не согласны? Но пример Ли Чжу доказывает это. Пристрастие к сладкозвучию смешивает для нас пять музыкальных нот, подобно тому, как гимны Хуан-чжуан и Да-люй оглушают нас. Вы не согласны? Но пример учителя музыки Куана доказывает это. Заботиться о своей человечности, точно о лишнем отростке на руке, — значит насиловать свои жизненные свойства и ставить препоны своей природе ради того, чтобы стяжать уважение и славу и заставить мир под звуки дудок и гонгов покориться никому не нужным законам. Вы не согласны? Но ученые Цзэн и Ши доказали это. Тот, кто увлекается спорами, строит башни из черепиц и завязывает узлы на веревке, выдумывая мудреные слова и завлекательные суждения, чтобы заставить всех думать о том, что такое “твердость” и “белизна”, “подобное” и “разное”, и восхищаться пустопорожними речами. Вы не согласны? Но примеры Ян Чжу и Мо Ди доказывают это. Все это искусства, прославляющие внешнее и никчемное и далекие от праведного Пути в этом мире.

Тот, кто идет праведным Путем, не отходит от своей природы и судьбы. Поэтому единение с другими для него — не бесполезная перепонка, размежевание с другими для него — не никчемный отросток. Обильное в нем не находится в избытке, скудное в нем не находится в недостатке. У утки короткие лапы, но попытайтесь вытянуть их — и вы сделаете ее несчастной. У журавля длинные ноги, но попробуйте укоротить их — и вы причините ему страдания. Поэтому то, что длинно от природы, нельзя укорачивать, а то, что от природы коротко, нельзя удлинять. В природе не от чего избавляться, в природе ничто не может доставить нам неудовольствие. Но ведь человечность и долг тоже не составляют существа человека. Отчего же наши высоко-нравные мужи так пекутся о них?

А притом попробуйте срезать кому-нибудь перепонки на пальцах — и он будет плакать от боли. Попробуйте кому-нибудь отрубить шестой палец — и он закричит от боли. Среди этих двух у одного конечностей больше, чем положено, но больно им будет одинаково. Благочестивые люди нашего времени в своей слепоте сокрушаются о несчастьях света. Негодяи попирают свою природу и свой удел, чтобы добиться почестей и богатства. А посему, не следует ли заключить, что человечность и долг не составляют сущности человека? Отчего же со времен Трех Династий ⁴⁵ в мире было так много шума вокруг них?

Полагаться на циркуль, отвес и угольник, для того чтобы выправлять вещи, — значит насиловать их природу. Полагаться на веревку, клей и лак, для того чтобы скреплять вещи, — значит покушаться на их жизненные свойства. А кланяться и сгибаться согласно этикету, восхвалять человечность и долг, желая успокоить сердца людей, — значит отказываться от постоянства в себе. В Поднебесной, несомненно, существует постоянство. Но кривизна как постоянное свойство вещей происходит не от циркуля плотника, а прямота как постоянное свойство вещей происходит не от его угольника, сращивание вещей достигается не клеем и лаком, связанность вещей достигается не веревками и узлами. Так все существа в Поднебесном мире живут и не знают, чему обязаны своей жизнью. Все они в равной мере обладают полнотой жизненных свойств, а почему так происходит — не ведают. Посему прошлое ничем не отличается от настоящего, и ничто в мире не сойдет со своего места. Отчего же глашатаи человечности и долга нескончаемой вереницей, словно склеенные или связанные веревками, приходят в этот мир и проповедуют нравственность, внося смуту в умы?

Люди, слегка заблудившиеся, сбиваются с пути. Люди, заблудившиеся всерьез, отворачиваются от своей природы. Откуда нам известно это? С тех пор как род Юй привлек благонравных мужей к управлению Поднебесной, все люди в мире устремились наперегонки за человечностью и долгом. Разве это не означает променять свою природу на человечность и долг? Попробуем разобраться в этом. Со времен Трех Династий каждый человек в мире променял свою природу на что-то иное. Низкий человек жертвует собой ради выгоды, служилый человек жертвует собой ради славы, сановный муж не щадит себя ради семьи, а мудрец приносит себя в жертву всему миру. И как бы ни были различны занятия этих людей, какую бы память они ни оставили о себе, все они были одинаковы в том, что наносили ущерб своей природе и губили себя.

Два пастушка, Цзан и Гу, вместе пасли стадо, и оба потеряли своих овец. Когда их спросили, чем они занимались на пастбище, то выяснилось, что Цзан читал книги, а Гу играл в кости. Занятия пастушков

были неодинаковы, но в том, что они потеряли овец, они были совершенно одинаковы. Бои умер ради славы на горе Шоуян. Разбойник Чжи погиб из-за своей алчности у Восточного холма. Оба они погибли по разным причинам, но в том, что они лишились жизни, они были совершенно равны. Должны ли мы полагать, что Бои был прав, а разбойник Чжи нет? В мире никто не в силах избежать смерти. Того, кто гибнет из-за человечности и долга, простаки зовут благородным мужем. А того, кто гибнет из-за сокровищ, простаки зовут низким человеком. Хотя и тот и другой погибают, один слывет благородным мужем, а другой — низким человеком. Но ведь разбойник Чжи, погубивший себя, ничем не отличается от Бои. Какое же имеет значение, кто из них благородный муж, а кто низкий человек?

Того, кто подчиняет свою природу человечности и долгу, будь он даже умен, как ученые Цзэн и Ши, я не назову великим. И того, кто насилует свою природу в угоду пяти вкусовым ощущениям, даже если он умен, как Юй Эр, я тоже не назову великим. Того, кто насилует свою природу из любви к сладкозвучию, будь он даже искусен в музыке, как учитель Куан, я не назову человеком с хорошим слухом. И того, кто терзает свою природу из любви к цветам, даже если он разбирается в них, как Ли Чжу, я не назову человеком, обладающим острым зрением. Когда я называю кого-нибудь великим, я говорю не о человечности и долге, а о полноте жизненных свойств. Опять-таки, называя кого-нибудь великим, я говорю не об умении различать пять вкусовых ощущений, а о доверии к своей природе и своей судьбе. Когда я называю кого-нибудь человеком с хорошим слухом, я говорю не о том, что он хорошо слышит других, а о том, что он умеет вслушиваться в себя. Когда же я называю кого-нибудь человеком с острым зрением, я говорю не о том, что он хорошо видит других, а о том, что он умеет всматриваться в себя. Смотреть на других и не всматриваться в себя, не постигать себя, а постигать других — значит приобретать то, что принадлежит другим, и не приобретать того, что принадлежит себе. Это значит подлаживаться к тому, что угодно другим, и не подлаживаться к тому, что угодно себе ⁴⁶. Если же жить лишь ради того, что угодно другим, и не жить ради того, что угодно себе, тогда и Бои, и разбойник Чжи, можно сказать, “впали в излишества”. Я склоняюсь перед праведной силой жизни, а потому не желаю ни упражняться в осуществлении человечности и долга, ни жить таким образом, чтобы “впасть в излишества”.

Глава IX

КОНСКИЕ КОПЫТА ⁴⁷

Конь может ступать копытами по инею и снегу, а шкура защищает его от ветра и холода. Он щиплет траву и пьет воду, встает на дыбы и пускается вскачь. Такова настоящая природа коня. И если бы его пустили жить в высокие террасы и просторные залы, он вряд ли возрадовался бы этому.

Но вот пришел Болэ и сказал: “Я умею укрощать коней”. И он стал прижигать и стричь их, прибивать подковы и ставить клейма, стреноживать и запирают в конюшне, а потому два-три коня из каждого десятка погибали. Он стал морить коней голодом и жаждой, заставляя их бегать рысью и галопом, в одной упряжке и друг за другом. Он мучил их уздечкой и шлейфами, нагонял на них страх плеткой и кнутом, и коней погибало больше половины.

Горшечник говорит: “Я умею обрабатывать глину”. И вот он выделывает круглое с помощью циркуля, а квадратное с помощью угольника. Плотник говорит: “Я умею обделывать дерево”. И вот он вытесывает круглые столбы при помощи крюка и прямые доски при помощи отвеса. Но разве глина и дерево по природе своей желают, чтобы их обрабатывали с помощью циркуля и угольника, крюка и отвеса? И тем не менее в мире поколение за поколением твердят: “Болэ искусно управлялся с лошадьми, горшечник и плотник искусно управляют с глиной и деревом”. Вот в чем ошибка тех, кто правит Поднебесной.

Я же полагаю, что те, кто искусны в управлении Поднебесной, поступают иначе. Люди от природы обладают постоянством:

Они ткуют — и одеваются.
Пашут землю — и кормятся.
Это зовется “быть единым в свойствах жизни”.
Они все заодно и не имеют корысти.
Имя этому — Небесная свобода.

Во времена, когда свойства жизни не терпели ущерба, походка у людей была уверенная, а взгляд — непреклонный. В ту пору в горах еще не было тропок, а на озерах — лодок и мостов. Все существа жили сообща, и людские селения лепились друг к другу⁴⁸. Звери и птицы сбивались в стаи, деревья и травы вырастали в полный рост. Поэтому каждый мог приладить поводок к животному или птице и пойти с ним на прогулку или нагнуть дерево и заглянуть в гнездо вороны или синицы. В те времена люди жили вместе с птицами и зверями, словно потомки одного рода. Где уж им было знать, кто благородный муж, а кто низкий человек!

Едины все в незнании,
От силы не отходят.
Подобны в нежелании,
Просты и безыскусны!

В простом и безыскусном обретается человеческая природа.

А потом пришли “прославленные мудрецы”, и люди стали считать человечностью умение ходить, хромая, а следованием долгу — умение стоять на цыпочках. Мир оказался в смятении. Распушенность стала высокочтимой музыкой, суетливость превратилась в торжественный ритуал. Вот тогда в мире начался разброд. Если не расколото цельное древо жизни, откуда возьмется жертвенный сосуд? Если не разбита белая яшма духа, откуда возьмется державная печать? Если Путь и жизненные свойства не отвергнуты, кто возлюбит человечность и долг? Если не презрели мы свое естество, кому нужны будут ритуалы и музыка? Если не перемешаны пять цветов, кто возьмется делать украшения и узоры? Если не перепутаны пять нот, кто захочет настраивать музыкальные инструменты? Разрушать цельное древо для того, чтобы изготовить отдельный предмет, — вот прегрешение ремесленника. Разбить Путь и его свойства для того, чтобы насадить человечность и долг, — вот прегрешение “прославленных мудрецов”.

Ну а кони? Они любят жить на воле, щипать траву и пить ключевую воду. Когда они радуются, то трутся друг о друга шеями. Когда они сердятся, то поворачиваются друг к другу задом и лягают друг друга. Вот в чем состоит их природное знание. А если надеть на коней хомут и накинуть на них узду, они будут дергать головой и кусать удила, упираться и брыкаться. Вот почему если даже у лошадей появляются разбойничьи повадки, то повинен в том сам Болэ.

Во времена царствования рода Хэсюй люди, живя в своих домах, не знали, чем они занимаются, а выехав в путешествие, не знали, куда направляются. Набивали себе рот — и радовались жизни. Хлопали себя по животу — и гуляли в свое удовольствие. Таковы были их природные наклонности. А потом пришли “прославленные мудрецы”, и они сгибались и кланялись по правилам ритуалов и музыки, желая установить правильные формы всех вещей, и заставляли всех тянуться за человечностью и долгом, чтобы вселить в людские сердца покой. Вот тогда люди принялись ходить на цыпочках перед “знающими мужами” и стали соперничать за выгоду для себя, и невозможно было положить этому конец. Таково зло от “прославленных мудрецов”.

Глава X

ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ ⁴⁹

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят в мешках и залезают в комоды, люди обвязывают эти вещи веревками и канатами, навешивают на них замки и засовы. В миру это называют предусмотрительностью. Но если придет большой вор, то он взвалит на себя сундук, подхватит мешок и утащит комод, страшась только, что все эти веревки и замки окажутся недостаточно прочными. И разве то, что прежде называли предусмотрительностью, не окажется на самом деле накоплением богатства для большого вора?

Есть ли среди тех, кого в свете называют предусмотрительными, такие, которые не собирают добро для большого вора? Есть ли среди тех, кто слынут в свете мудрецами, такие, которые не охраняют больших воров? Как мы можем знать, так ли это на самом деле? Когда-то в царстве Ци города располагались в пределах видимости, люди слышали крики петухов и лай собак в соседней деревне, а вокруг столицы на две тысячи ли ставили сети на реках и распахивали землю сохами и мотыгами. Во всех пределах царства строго блюли уложения “прославленных мудрецов” о храмах предков и алтарях духов земли и хлебных злаков, чтити обычаи каждой области и каждой деревушки. И вот однажды Тянь Чэн-цзы убил правителя Ци и присвоил себе его царство. Но разве он украл только государство? Вместе с государством он украл и введенные мудрецами законы. Поэтому у Тянь Чэн-цзы была слава разбойника, но жил он безмятежно, как сам Яо и Шунь. Малые царства не осмеливались его порицать, а большие — карать, и потомки Тянь Чэн-цзы на протяжении двенадцати поколений владели Ци. Не следует ли в таком случае сказать, что Тянь Чэн-цзы украл мудрые установления, чтобы сберечь свои разбойничьи повадки?

Посмотрим теперь, нет ли среди тех, кого в мире зовут самыми мудрыми, таких, которые собирают добро для большого вора? И нет ли среди тех, кого зовут самыми мудрыми, таких, которые охраняют воров и разбойников? Как мы можем знать, так ли это на самом деле? В старину отрубили голову Лунфэну, вырвали сердце у Биганя, вспороли живот Чанхуну, бросили в реку Цзысюя. Все эти четверо были достойнейшими мужами, а не смогли избежать позорной смерти.

Однажды подручный разбойника Чжи спросил у него: “У разбойников тоже есть Путь?”

— Как можно направляться куда-нибудь, не имея Пути? — ответил Чжи, — Уметь догадаться, где в доме спрятаны драгоценности, — это как мудрость. Войти туда первым — это как мужество. Выйти последним — все равно, что верность долгу. Знать, сможешь ли унести награбленное, — это как знание ученого мужа. Разделить добычу поровну — это как человечность. Тот, кто не обладает этими пятью качествами, не станет хорошим разбойником.

Отсюда видно, что добрый человек, не постигнув путь истинно мудрых, не займет славы, а разбойник, не постигнув путь истинно мудрых, не достигнет успеха. В Поднебесной добрых людей мало, а плохих много, поэтому польза от истинно мудрых мала, а вред от них велик. Недаром в народе говорят: “Плохое вино привезли из Лу, а осаде подвергся Ханьдань” ⁵⁰. Когда рождаются мудрецы, плодятся и разбойники. Уберите мудрецов, оставьте разбойников в покое, и в мире воцарится порядок.

Когда высыхает река, пустеет долина.

Когда срывают холмы, заполняются пропасти.

Коли будут мертвы мудрецы, исчезнут и разбойники. Повсюду восторжествует мир, и не будет никаких беспорядков.

Но пока мудрецы не перемрут, не переведутся и разбойники. И если в мире станет вдвое больше мудрецов, то для разбойника Чжи выгода возрастет вдвое. Если вы учредите меры для обмера вещей, он украдет и товар, и вещи, и меры. Если вы поставите весы, чтобы взвешивать вещи, он украдет и вещи, и весы. Если вы учредите печати и клейма, он украдет товар вместе с печатями и клеймами. А если вы провозгласите человечность и долг, чтобы выправлять вещи, он опять-таки украдет все, что можно украсть, вместе с человечностью и долгом. Откуда мы знаем, что так и будет? Укравшего поясную пряжку тащат на плаху, укравший же царство восседает на троне, а у ворот его дворца толпятся любители человечности и долга. Не есть ли это кража человечности и долга, мудрости и знания? Вот так большой разбойник захватывает престол, крадет человечность и долг, меры и весы, печати и клейма и пользуется ими с такой выгодой для себя, что его уже ни колесницей и шапкой знатного вельможи не приманить, ни топором палача не отпугнуть. Для разбойника Чжи тут выгода двойная, и никакими наказаниями людей от нее не отвратить. Вот каково прегрешение “прославленных мудрецов”!

Говорят: “Рыбе нельзя покидать глубины, острое оружие государства нельзя показывать народу” ⁵¹. Те “прославленные мудрецы” как раз и есть острое оружие Поднебесной, и показывать их миру ни в коем случае нельзя. Посему откажитесь от мудрецов, отбросьте знания — и большие разбойники исчезнут. Выбросьте вон яшму, растолките жемчуг — и в стране не будет мелких воров. Сожгите верительные бирки и печати — и народ будет прост и бесхитростен. Разбейте меры и сломайте весы — и люди перестанут соперничать друг с другом. Отмените законы, введенные мудрецами, — и тогда с людьми можно будет говорить о праведной жизни. Расстройте музыкальные созвучия, разбейте свирели и гусли, заткните уши музыканту Куану — и люди, наконец, смогут положиться на свой слух. Уничтожьте узоры, смешайте пять цветов, заклейте глаза Ли Чжу — и люди наконец смогут положиться на свое знание. Разбейте плотницкие

крюки и отвесы, избавьтесь от угольников и циркулей, переломайте пальцы Мастеру Чую — и люди, наконец, смогут положиться на собственное искусство. Ибо сказано: “Великое мастерство похоже на неумение”⁵². Перестаньте завидовать поведению Цзэн и Ши, заткните рот сторонникам Ян Чжу и Мо Ди, отбросьте человечность и долг — и жизненные силы в Поднебесной наконец будут едины в своей сокровенной глубине. Если люди будут полагаться только на свое зрение, в мире не останется ослепленных вещами. Если люди будут полагаться только на свой слух, в мире не останется увлеченных делами. Если люди будут полагаться только на свои жизненные свойства, в мире не останется пристрастных. Цзэн и Ши, Ян Чжу и Мо Ди, Учитель Куан и Мастер Чуй и знаток цветов породили в мире смятение и разброд. Тут уж законы бессильны помочь.

Разве вы не слышали о временах, когда в мире еще была жива истинная добродетель? Некогда, в царствование Жунчэна, Датина, Бохуана, Чжунъяна, Лилу, Лисюя, Сяньюаня, Хэсюя, Цзуньлу, Чжужуна, Фуси и Шэньнуна, люди вместо письма завязывали на веревке узелки, любили свою простую пищу и свое безыскусное платье, не стеснялись своих обычаев и были довольны своими жилищами. Они видели дома соседних селений, слышали, как там кричат петухи и лают собаки, но до самой смерти не ходили туда. Вот так и жили люди в благословенные времена.

А нынче дошло до того, что люди встают на цыпочки и вытягивают шеи, а потом говорят, что в таком-то месте появился достойный муж! Захватив с собой еду, они бегут во всю прыть к этому человеку, позабыв о любви к родителям и долге перед господином. Ноги их так и мелькают на границах царств, экипажи их так и снуют за тысячи ли от родного дома. Вот преступление правителей, ищущих знаний!

Если правитель любит знания, но не следует Пути, в Поднебесной начнется великая смута. Откуда мы знаем, что так и будет? Если наши познания насчет луков и арбалетов, силков и ловушек чересчур велики, то не будет порядка среди птиц в Поднебесье. Если мы знаем чересчур много о крючках и гарпунах, вершах и неводах, то не будет порядка среди рыб в глубине вод. Когда слишком много знают о ямах и капканах, пиках и рогатинах, то не будет порядка среди зверей в лесной чаще. Когда слишком много судят о “твердости” и “белизне”, “подобии” и “различии”⁵³, обыкновенные люди пребывают в замешательстве. Поэтому всякий раз, когда в Поднебесной начинается великая смута, вина лежит на любителях знания.

В мире все знают, как познавать непознанное, но никто не знает, как познавать уже известное. Все знают, как отвергать то, что мы считаем дурным, но никто не знает, как отвергать то, что мы считаем добрым. Вот почему в мире нынче воцарилась великая смута. И вот люди ставят преграды свету солнца и луны вверху, разрушают природу гор и рек внизу и вмешиваются в круговорот времен года. И среди тварей земных, ползающих и летающих, нет ни одной, которая смогла бы сохранить в целостности свою природу.

О, в какую смуту ввергли Поднебесный мир любители знания! И так продолжается уже со времен Трех Династий. Людей достойных презирают, а услужливых негодяев возносят до небес. Людей покойных и безмятежных не ценят, а суетливыми и никчемными восторгаются. Вся эта суета несет гибель Поднебесному миру.

Глава XI

ДАТЬ ВОЛЮ МИРУ ⁵⁴

Я слышал о том, что Поднебесному миру нужно позволить быть таким, каков он есть, но не слышал о том, что миром нужно управлять. Я говорю: “позволить быть”, ибо опасаясь, что природу людей извратят управлением. Я говорю: “быть таким, каков он есть”, ибо опасаясь, что управлением можно насильственно изменить свойства людей. Но если никто не склонен к излишествам и не отрекается от своих жизненных свойств, для чего тогда управлять Поднебесной?

В старину, когда Яо взялся наводить в мире порядок, он сделал так, что каждый человек возлюбил свою природу, и вся Поднебесная ликовала. А когда Цзе завел свои порядки, люди возненавидели свою природу, и вся Поднебесная пребывала в унынии. Но ликовать или печалиться — значит идти против своих естественных свойств, а все, что этим свойствам противоречит, не может быть долговечным.

Люди чересчур радовались? Но это означает, что они слишком склонились к стихии Ян. Когда силы Инь и Ян не находятся в равновесии, нарушается круговращение времен; холод и тепло пребывают в разладе, и здоровье человека терпит ущерб. Тогда люди перестают к месту радоваться и к месту печалиться, лишаются постоянства в жизни, много умствуют, но не могут достичь удовлетворения и бросают дела на полпути. Мир сотрясают необузданные страсти, и в нем появляются, с одной стороны, разбойник Чжи, а с другой — ученые Цзэн и Ши. Тогда, даже если вы призовете весь мир карать зло, оно не исчезнет. Как ни велик мир, у него неостанет сил на то, чтобы вознаградить или карать. Со времен Трех Династий люди только и занимались тем, что кого-то поощряли или наказывали. И что же, помогло это занятие нам утвердиться в нашей природе и в нашей судьбе?

Может быть, лучше искать утех в созерцании красок мира? Но это означает предаваться излишествам в цветах. Напрягать свой слух? Но это означает предаваться излишествам в звуках. Искать удовольствие в человечности? Это погубит жизненные свойства. Любить долг? Это разрушит всеобщий порядок в мире. Любить ритуал? Это приучит нас к неестественности. Любить музыку? Но это значит поддаться соблазнам. Подражать мудрым? Это значит упражняться в никчемных искусствах. Любить знание? Это значит привлекать к себе недоброжелателей. Когда все живое в мире принимает свою природу и судьбу, не имеет значения, существует или не существует в нем восемь названных здесь вещей. Когда же нет возможности принять свою природу и судьбу, тогда эти восемь ложных добродетелей опутывают людские сердца и ввергают мир в смуту, так что люди начинают чтить их и не хотят с ними расставаться. О, как обманут мир! Кто скажет, что люди одолели эти соблазны и избавились от них? Нет, люди постыятся, прежде чем заговорить о них, преклонив колена, оповещают о них царей и в их честь пляшут под торжественную музыку. Что тут поделаешь!

Посему, если благородному мужу приходится взойти на престол, ему лучше всего следовать недеянию. Благодаря недеянию он обретет покой в своей природе и судьбе. Поэтому сказано: “Если ты ценишь себя больше всей Поднебесной, тебе можно доверить судьбу мира. Если ты любишь свою жизнь больше мира, то мир можно оставить на твое попечение” ⁵⁵. И если благородный муж способен не причинять ущерба своему телу и не напрягать Прения и слуха, то, даже сидя недвижно, как труп, он будет иметь драконий облик, и, даже храня глубокое безмолвие, он возьмёт громopodobный глас. Он будет воздействовать духовной силой, и соединиться с Небесным в самом себе. Он будет как бы бездеятелен, а все сущее предстанет ему паром, возносящимся ввысь. К чему тогда думать о том, как лучше управлять Поднебесной?

Цуй Шу спросил у Лао Даня: “Если не управлять Поднебесной, то как исправить сердца людей?”

— Будь осторожен, не тревожь людские сердца! — ответил Лао Дань. — Сердце у человека опускается, когда его унижают, и возносится, когда его хвалят. Человек с опустившимся сердцем — что узник; человек с вознесшимся сердцем — все равно, что палач. Сердце человека, будучи уступчивым и мягким, становится сильным и жестким, оно и острое, и гладкое. Загораясь, оно становится горячим, как пламя. Остывая, оно становится холодным, как лед. Так быстро оно меняется, что не успеешь взгляд перевести, как оно дважды успеет побывать за пределами Четырех морей. Покоясь, оно черпает свой покой из бездны в себе. Действуя, оно змывает к самым небесам. Что может быть более гордым и свободным на свете, чем сердце человека?

В старину Желтый Владыка впервые растревожил сердца людей человечностью и долгом. А потом Яо и Шунь трудились до изнеможения ради благоденствия всего живого на земле, истязали себя ради человечности и долга, не жалели сил ради законов и уложений, а успеха так и не добились. И тогда Яо сослал Хуань Доу на гору Чун, изгнал племя Саньмяо в Саньвэй и отправил Гун-гуна в Юду. Значит, успеха он так и не добился, верно? А когда пришли времена Трех царей ⁵⁶, весь мир был уже объят страхом. Хуже всех были злодеи Цзе и разбойник Чжи, лучше всех были добродетельные ученые Цзэн и Ши. А еще поднялись последователи Конфуция и Мо Ди. С тех пор они то дружески, то враждебно спорили друг с другом, то ловко, то простодушно обманывали друг друга, то мягко, то злобно нападали друг на друга, то благородно, то бесчестно высмеивали друг друга, а жить становилось все хуже. Великое Совершенство перестало объединять людей, природа их была унижена и разорвана на части. В мире возлюбили знания, и все сто фамилий ⁵⁷ погрязли в корыстолюбии. И вот пустили в дело топоры и пилы, чтобы навести порядок, стали казнить по угольнику и отвесу, выносить приговор долотом и шилом. Поднебесный мир был ввергнут

в великую смуту, и преступление поселилось в людских сердцах. С тех пор достойные мужи скрылись от мира в неприступных горах, а земные владыки дрожали от страха в храмах предков. Нынче казненные лежат друг на друге, закованные в колодки теснят друг друга, приговоренные к смерти стоят друг за другом. А между закованными в кандалы и наручники ходят на цыпочках и размахивают руками последователи Конфуция и Мо Ди. Куда уж дальше! Большого позора и бесстыдства придумать нельзя! Неужели не видно, что их мудрость и знание служат долоту и ошейнику? Что их человечность и долг служат кандалам и наручникам? Как знать, не были ли ученый Цзэн и летописец Ши разящей стрелой тирана Цзе и разбойника Чжи? Вот почему говорится: “Покончите с мудростью, отбросьте знания, и в Поднебесной воцарится порядок”⁵⁸.

После того как Желтый Владыка девятнадцать лет управлял Поднебесной, и приказы его исполнялись во всех пределах земли, он прослышал о том, что на горе Пустого Подобия обитает мудрец Гуан Чэн-цзы. Желтый Владыка пришел к нему и спросил: “Я слышал, что вы, уважаемый, постигли высший Путь. Позвольте спросить, в чем суть высшего Пути? Я желаю вобрать в себя тончайшие испарения⁵⁹ Неба и Земли, чтобы помочь вызреванию хлебных злаков и благоденствию народа”.

— То, о чем ты спрашиваешь, — ответил Гуан Чэн-цзы, — это сущность вещей. Но то, чем ты хочешь управлять, это мертвая оболочка вещей. С тех пор как ты управляешь Поднебесной, дождь выпадает, прежде чем соберутся облака, листья и травы увядают, не успев пожелтеть, а солнце и луна тускнеют неотвратимо. Ты слишком мелок душой — как можно удостоить тебя разговором о высшем Пути?

Желтый Владыка ушел восвояси, сложил с себя царский титул, построил себе уединенную хижину, сплел себе циновку из белого тростника и прожил отшельником три месяца. Потом он снова пришел к Гуан Чэн-цзы за наставлением. Гуан Чэн-цзы лежал головой к югу. Желтый Владыка почтительно подполз к нему на коленях и, поклонившись до земли, спросил: “Я слышал, уважаемый, что вы постигли высший Путь. Позвольте спросить: что нужно делать с собой, чтобы долго жить?”

Гуан Чэн-цзы поспешно поднялся и сказал: “Какой прекрасный вопрос! Подойди, я поведаю тебе о высшем Пути:

Семя высшего Пути
Так глубоко! Так сокровенно⁶⁰!
Исток высшего Пути
Так темен! Так неприметен!
Не смотри и не слушай,
Храни свой дух, себя упокой,
И тело твое выправится само.
Будь же покоен, будь всегда чист,
Не изнурай себя трудами,
Не отдавай жизненных сил,
И ты сможешь жить долго.

Пусть глазам твоим будет не на что смотреть, ушам нечего слушать, а сознанию нечего знать. Оберегай духом свое тело, и оно будет вечно жить.

Внимай тому, что хранится внутри, затворись от всего, что приходит снаружи, ибо многознайство сулит погибель.

Умей быть господином Неба и Земли,
Умей вместить в себя и силу Инь, и силу Ян.
Будь осторожен, умей себя уберечь,
И все живое счастье само обретет.

Я оберегаю единство всех вещей и в себе храню вселенскую гармонию. Я совершенствуюсь уже тысячу двести лет, и тело мое до сей поры не одряхлело”.

Тут Желтый Владыка дважды отвесил земной поклон и воскликнул: “Да будет Гуан Чэн-цзы моим “Небом”!”⁶¹

— Подойди и внемли, — отозвался Гуан Чэн-цзы. — Эта вещь безмерна, а люди думают, что у нее есть мера. Тот, кто обретет мой Путь, вверху станет царственным пределом, внизу — грядущим правителем. Тот, кто потеряет мой Путь, вверху прозреет свет, внизу сольется с прахом земным. Ведь все живое в этом мире выходит из праха и в прах возвращается. А потому я покину тебя и войду во врата Бесконечного, буду странствовать в просторах Безбрежного. Я сольюсь со светом солнца и луны, соединюсь с вечностью Неба и Земли. Кто идет ко мне, меня не приметит. Кто уйдет от меня, обо мне не вспомнит. Все люди смертны, я же пребуду вовеки.

Облачный Полководец помчался на восток и у дерева Фуяо⁶² повстречался с Хун Мэном, который прогуливался, подпрыгивая по-птичьи и хлопывая себя по бедрам. Завидев его, Облачный Полководец в смущении остановился и спросил почтительно:

— Кто вы такой? И что вы здесь делаете?

— Вот прогуливаюсь, — отвечал Хун Мэн, продолжая прыгать и хлопать себя.

— Позвольте задать вам вопрос, — сказал Облачный Полководец.

— Ого! — ответил, взглянув на Облачного Полководца, Хун Мэн.

— В небесных парах нет согласия, в земных испарениях — застой, шесть видов энергии вышли из равновесия, в смене времен года нет порядка. Что мне делать, если я желаю упорядочить все силы вселенной, дабы помочь росту всего живого?

— Не знаю, не знаю, — ответил Хун Мэн, все так же подпрыгивая и тряся головой.

Облачный Полководец не посмел спрашивать далее. Прошло три года. Странствуя на востоке и пролетая над сунской равниной, Облачный Полководец снова заметил Хун Мэна и радостно поспешил к нему со словами:

— О, равный Небу, вы не забыли меня?

Засим он дважды отвесил земной поклон и уже хотел задать Хун Мэну вопрос, но тот сказал:

— Что я могу знать?

Странствую, не зная зачем.

Мчусь, не ведая куда.

Скитаюсь привольно,

Вглядываясь лишь в сущностное.

Что же я могу знать?

— Я тоже думаю о себе, что скитаюсь привольно, — сказал Облачный Полководец. — Но люди следуют за мной повсюду, и я ничего не могу с ними поделать. Теперь же, как принято у людей, хочу услышать от вас хотя бы одно слово.

Тут Хун Мэн сказал:

— В том, что порядок Небес поколеблен, природа вещей испорчена, труды небесные не имеют завершения, стада разбегаются, птицы кричат по ночам, огонь сжигает деревья и травы, гибнут даже гады и насекомые, виноваты те, кто взялся устанавливать порядок среди людей.

— Так что же мне делать? — спросил Облачный Полководец.

— Ах! Бросьте все и уходите, — отвечал Хун Мэн.

— С вами, равный Небу, тяжело говорить. Скажите еще хотя бы слово.

— Ах! — отвечал Хун Мэн. — Пестуйте свое сердце, пребывайте в недеянии, и вещи всё свершат сами по себе. Отриньте свое тело, отбросьте свое зрение и слух, забудьте и о людях, и о вещах, слейтесь с беспредельным, освободите свое сердце, отпустите на волю свой дух, исчезните, словно в вас не стало души. “Все сущее сменяет друг друга в неисчерпаемом многообразии, и каждая вещь возвращается к истоку, возвращается к истоку!”⁶³ Пусть не останется в вас ни грана знания, погрузитесь в бездонный хаос и существойте так вовеки. Если ж будете пытаться это понять, отдалитесь от этого. Не спрашивайте же его имени, не допытывайтесь его свойств, и все сущее будет рождаться само собой.

— Вы, равный Небу, ниспослали мне совершенство, наставили меня безмолвием, — сказал Облачный Полководец. С этими словами он дважды поклонился до земли, попрощался и полетел дальше.

Обыкновенным людям нравится, когда другие чем-то на них похожи, и не нравится, когда другие чем-то от них отличаются. Любовь к себе подобным и неприязнь к непохожим на себя рождена желанием выделиться из толпы. Но разве тот, кто жаждет выделиться из толпы, и в самом деле человек выдающийся? Чем добиваться всеобщего одобрения твоего искусства, лучше позволить быть на равных всем искусствам. Но те, кто хотят управлять государством, ищут в порядках Трех Царей только полезное и не замечают того худого, что есть в них. Это означает доверить судьбу царства случаю, а долго ли будет процветать царство, коли судьба его зависит от случая? Шансов сохранить его — один на десять тысяч. А шансов погубить его — более десяти тысяч против одного. Увы, владыки земель того не ведают! Тот, кто владеет землей, владеет одной великой вещью. А кто владеет великой вещью, не может видеть перед собой только вещь. Тот, кто способен не видеть вещи в вещах, способен предоставить каждой вещи быть такой, какая она есть. Кто понимает, что вещь становится вещью благодаря тому, что вещью не является, тот не просто управляет людьми, а выходит за пределы земного мира и в него возвращается, привольно скитаясь по всем Девяти областям Земли⁶⁴. Одиноким он уходит, одиноким приходит, а потому зовется “в одиночестве живущим”. Ценнее же человека, в одиночестве живущего, в мире ничего нет.

Учение Великого Человека — словно тень, отбрасываемая телом, и эхо, вторящее голосу. На любой вопрос откликнется, понимая чувства людей, ощущая сопричастность свою всему свету. Он пребывает в незыблемом покое, а движется, не ведая границ, ведет каждого сообразно его устремлениям и приводит каждого к его изначальной природе. Странствует привольно и бесконечно, выступает, никуда не отклоняясь, и безначален, как солнце, а телом слит с Великим Единством. В Великом Единстве нельзя иметь ничего личного. Не имея же ничего личного, ничем нельзя обладать. Наблюдающие за обладаемым — таковы благородные мужи древности. Наблюдающие за тем, чем обладать нельзя, — таковы друзья Неба и Земли.

Презренны, а в жизни необходимы: таковы вещи. Низменны, а нельзя на них не опереться: таковы простые люди. Утомительны, а нельзя ими не заниматься: таковы мирские дела. Грубы, а нельзя не оповещать о них: таковы законы. Далеко отстоит, а нужно держаться за него: таков долг. Всегда рядом с тобой, а должна быть распространена на всех: такова человечность. Разделяют, а должны свиваться в одну нить: таковы ритуалы. Пребывают внутри, а нужно к ним стремиться: таковы жизненные свойства. Едино, а не может не изменяться — таков Путь. Обладает духовной силой, а не может не действовать: таково Небо.

Поэтому мудрый созерцает Небо, а помощи не предлагает; постигает в себе жизненные свойства, а ничем не связан; исходит из Пути, а не строит планов. Он безошибочно выполняет долг, но не взирает на образцы, в совершенстве владеет ритуалом, но не признает запретов, блестяще разрешает все дела и не отворачивается от них, разумно применяет законы и не вносит путаницы в жизнь, чутко внимает чувствам людей и не презирает их, полагается на вещи и не отбрасывает их. А что касается вещей, то ни одна из них недостойна того, что делается с ней, хотя бы и нельзя не делать этого.

Кто не имеет ясного понимания Неба, не будет чист и в жизненных свойствах. Кто не постиг Путь, не сможет ничего свершить в жизни. Горе тому, кто не прозрел Путь! Что же такое Путь? Есть Путь Неба, и есть Путь Человека. Быть чтимым благодаря недеянию — вот Путь Неба. Совершать действия и быть связанным ими — вот Путь Человека. Путь Неба приличествует господину, Путь Человека — слуге. Нельзя не видеть, сколь далеки друг от друга Путь Неба и Путь Человека.

Глава XII

НЕБО И ЗЕМЛЯ ⁶⁵

Как ни велики Небо и Земля, а превращения их уравниваются. Как ни многочисленны вещи в мире, а порядок их един. Как ни много людей в мире, а все они повинуются государю. Правитель же черпает свою силу в свойствах самой жизни и претворяет свое назначение благодаря Небу. Поэтому говорят: “В глубокой древности миром управляли лишь Недеянием и Небесным Совершенством”.

Судите о словах, исходя из Пути, и правление в государстве будет безупречным. Судите о понятиях, исходя из Пути, и в отношениях между правителями и подданными не будет изъяна. Судите о способностях и событиях, исходя из Пути, и чиновники в Поднебесной будут служить исправно. Смотрите на все, исходя из Пути, и все вещи в мире достигнут совершенства.

То, что проникает собою Небо и Землю, — это Путь. То, что созвучно Земле, — это “полнота жизненных свойств”. То, что претворяется в судьбе вещей, — это “долг” ⁶⁶. То, что вносит порядок в жизнь людей, — это “деяние”. То, в чем проявляется искусство, — это “мастерство”. Мастерство сопрягается с деянием, деяние сопрягается с долгом, долг сопрягается с полнотой жизненных свойств, а полнота жизненных свойств — с Путем Небес. Потому и говорится, что древние пастыри Поднебесного мира не имели желаний, и в мире царило довольство; они ничего не делали, а в мире все свершалось; они были покойны в глубине своего сердца, а народ жил безмятежно. Как сказано в записях: “Постигай Единое, и все деяния обретут завершенность; освободись от своего сознания, и духи покорятся тебе”.

Учитель сказал:

“Путь поддерживает и покрывает все сущее. О, как велик он! Благородный муж благодаря нему не может не открыть сердце. То, что действует недеянием, — это Путь. А то, благодаря чему мы говорим о недеянии, — это полнота жизни. Любовь к людям и польза для вещей зовется человечностью.

Подобие неподобного зовется величием. Поведение, не проводящее границ и различий, зовется великодушием. Обладание тьмой разных вещей зовется богатством. Поэтому держаться полноты жизни — значит иметь основу. Стяжать в себе полноту жизни — значит обрести опору. Следовать Пути — значит иметь всего в достатке. Не менять своих убеждений из-за других — значит достичь завершенности. Если благородный муж поймет эти десять истин, то будет великим и в делах своих, и в помыслах. К нему стекнутся все вещи мира. Тогда он сможет оставить золото сокрытым в горах, а жемчужины схороненными в морской пучине. Он не станет обогащаться товарами, не будет искать знатности и богатства, не будет желать долголетия, не будет печалиться о ранней смерти. Он не радуется благоденствию и не скорбит в бедности, не присваивает себе блага мира, не добивается славы для себя. Он не хочет быть царем Поднебесной, чтобы быть у всех на виду.

Все сущее в мире — одна кладовая. Жизнь и смерть — одна судьба”.

Учитель сказал: “О, как глубок Путь и как покоен он в своей глубине! Как чист! Без него не запоят ни металл, ни камень. А потому нельзя не вслушаться: отчего исторгают звуки камень и металл? Кто же предписывает вещам быть такими, какие они есть?”

Человек, наделенный царственным могуществом, находит себе прибежище в превращениях вещей, но считает для себязорным быть сопричастным мирским делам. Он находит опору в Первозданной Основе и сведущ в духовном, а потому могущество его распространяется широко. То, что исходит из его сердца, все живое принимает. Ибо не бывает форм вне Пути, и жизнь, лишённая силы, не проявит себя. И кто, как не человек, обладающий царственным могуществом, способен сберечь формы и постигнуть жизнь, утвердить власть и явить миру Путь? О, как необозрим, необъятен он! Появляется внезапно, движется неудержимо, и все в мире ему повинуются! Таков человек, обладающий царственным могуществом.

Всматривайся в незримое и вслушивайся в беззвучное. Во мраке прозреешь свет, в тишине услышишь гармонию. Будь глубже глубокого — и сможешь постичь Сущее. Будь духовнее духа — и сможешь слиться с семенем жизни. Принимай все, что есть в мире: сливаясь с Отсутствующим, даешь каждому быть тем, что он есть; ускользя вместе с летучим временем, послужишь каждому опорой. Тогда великое окажется малым, длинное — коротким, а близкое — далеким.

Прогуливаясь к северу от Красных вод, Желтый Владыка взошел на гору Куньлунь и взглянул на юг. Возвращаясь обратно, он потерял Черную Жемчужину. Он послал на поиски жемчужины Знание, но Знание не смогло найти ее. Тогда он послал Зоркое Око, и оно тоже ее не нашло. Он послал Сметливого, но и тот не нашел жемчужину. Наконец он послал Отсутствующего, и тот нашел жемчужину.

— Как чудесно, — воскликнул Желтый Владыка, — что нашел жемчужину Отсутствующий!

Учителя Яо звали Сюй Ю, учителя Сюй Юя звали Беззубым, учителя Беззубого звали Ван Ни, а учителя Ван Ни звали Тростниковая Накидка. Вот однажды Яо спросил у Сюй Юя: “Можно ли Беззубого облечь Небесной властью? Я попрошу Ван Ни передать ему это предложение”.

— Вручать ему бразды правления в Поднебесной опасно! — ответил Сюй Ю.

— Ведь Беззубый сообразителен и умудрен знанием — прочие с ним не сравнятся. Если человеческое в нем восполнить небесным, он сможет запретить преступления, но не сможет понять, откуда происходят преступления. Как же можно облечь такого Небесной властью? Он будет полагаться лишь на человеческое и отринет небесное, поступать по собственному разумению и идти наперекор другим. А еще он чтит знания и скор на поступки, но привязан к обстоятельствам, любит смотреть по сторонам и получать одобрение толпы, переменчив и не имеет постоянства в помыслах. Разве достоин он Небесной власти? Хотя у него есть свой род и предки, и он может быть отцом многих, но ему не под силу быть отцом отца многих. Поистине, он вызовет смуту в мире. Поставь его лицом к северу — навлечет бедствие. Посади его лицом к югу — станет разбойником!

Яо совершал поездку по царству Хуа, и пограничный страж Хуа сказал ему: “Н-да, и в самом деле мудрец! Позвольте поприветствовать мудреца, долгих вам лет жизни!”

— Не желаю! — ответил Яо.

— Да будет мудрый человек богат! — воскликнул пограничный страж.

— Не желаю! — ответил Яо.

— Пусть родится у вас много сыновей!

— Не желаю!

— Но ведь долголетия, богатства и мужского потомства желают все люди, отчего же вам не угодно сие?

— Чем больше сыновей, тем больше волнений, — ответил Яо. — Чем больше богатства, тем больше тревог. Чем дольше живешь, тем больше унижений. Все это не помогает возвращать в себе жизненную силу, поэтому я не хочу это иметь.

— Сначала я подумал, что вы — мудрец, — сказал пограничный страж. — А теперь вижу, что вы — всего лишь благородный муж. Небо, давая жизнь всем людям, каждому предоставляет еще и занятие. Пусть у вас есть сыновья — но если вы подыщите для каждого занятие, к чему волноваться? Пусть вы богаты — но если вы дадите каждому его долю, то о чем вам беспокоиться? Ну а мудрец —

Стоит, как перепел, а ест, как цыпленок,
На своем птичьем пути ⁶⁷ не оставляет следов.

Когда в Поднебесной есть порядок,

Он радуется жизни вместе со всеми.

Когда в Поднебесной нет порядка,

Он пестует Силу в уединении.

За тысячу лет он пресытится миром,

И уйдет из него, и вознесется на небо.

Он сядет в ту облачную колесницу

И умчится в обитель царственных предков.

Тяготы мира его не коснутся,

Несчастья жизни минуют его стороной.

Откуда же тогда взяться унижениям?

Пограничный страж пошел прочь, а Яо побежал за ним следом со словами: “Позвольте вас спросить!”

— Подите прочь! — ответил пограничный страж.

В начале начал было Отсутствие, и не было у него ни свойств, ни имени. Из него появилось Единое. Появилось Единое, но еще не было форм. А то, благодаря чему живут все вещи, называется жизненными свойствами. Когда еще нет форм, различие уже есть. неизбежное, не допускающее разрывов, зовется Судьбой. Благодаря остановке в движении рождаются вещи. Вещь, осуществившая в себе свой жизненный принцип, зовется Formой. Форма хранит в себе Дух. Каждая Форма имеет свои правила, и вместе они зовутся Природой. Кто печется о своей природе, возвращается к жизненной Силе. А кто достиг предела Силы, становится единым с Началом. Становясь единым, мы опустошаем себя; будучи пусты, мы становимся великими, а будучи великими, приводим к согласию щебет всех птиц. Согласие всех голосов согласуется с Небом и Землей.

Это согласие столь безыскусно!

Ты кажешься глупцом, ты кажешься помраченным.

Вот что зовется Глубочайшею Силою,

И в ней мы едины с Великим Движением!

Конфуций спросил у Лао Даня: “Вот есть человек, который ищет истину, прибегая к парам понятий: “возможное” и “невозможное”, “правильное” и “неправильное”. А любители рассуждать говорят: “Отделите твердое от белого, как если бы их можно было развесить в разных местах”. Можно ли таких людей назвать мудрыми?”

— Все это оковы раба и тяготы ремесленника, бесплодное истязание тела и души. Самую сноровистую собаку первой сажают на поводок, самую ловкую обезьяну первой отлавливают в лесу. Сейчас я поведаю тебе такое, о чем нельзя услышать и нельзя рассказать. Среди всех, наделенных головой и ногами, — тех, кто лишен разума и слуха, больше всего. Среди тех, кто имеет зримый облик, нет ни одного, кто существовал бы

вместе с бесформенным и безобразным. Их движения и покой, смерть и жизнь, дряхление и расцвет не есть то, благодаря чему они существуют. Познавать их порядок — это дело людей. Забыть же о вещах, забыть о Небе — это называется “забвение себя”. О людях, забывших себя, как раз и можно сказать, что они пребывают в чертогах Небесного.

Путешествуя по южным землям, Цзы-Гун дошел до царства Чу и уже возвращался во владения Цзинь. Когда он шел северным берегом реки Хань, то заметил человека, который вскапывал огород и поливал его, лазая в колодец с глиняным кувшином. Человек трудился неутомимо, сил тратил много, а работа у него шла медленно.

— Теперь есть машина, которая за один день поливает сотню грядок! — крикнул ему Цзы-Гун. — Много сил с ней тратить не нужно, а работа подвигается быстро. Не желаете ли вы, уважаемый, воспользоваться ею?

Человек, работавший в огороде, поднял голову и спросил: “Что это за машина?”

— Ее делают из дерева, задняя часть у нее тяжелая, а передняя легкая. Вода из нее течет потоком, словно кипящая струя из ключа. Ее называют водяным колесом.

Огородник нахмурился и сказал с усмешкой: “Я слышал от своего учителя, что тот, кто работает с машиной, сам все делает, как машина, у того, кто все делает, как машина, сердце тоже становится машиной. А когда сердце становится, как машина, исчезает целомудрие и чистота. Если же нет целомудрия и чистоты, не будет и твердости духа. А тот, кто духом не тверд, не сбережет в себе Путь”.

Устыдившись своих слов, Цзы-Гун опустил голову и ничего не ответил. Тогда огородник спросил его: “Ты кто такой?”

— Я — ученик Конфуция, — ответил Цзы-Гун.

— Не из тех ли ты многознающих, которые восхваляют мудрецов, чтобы встать над другими? Не из тех ли ты, что в одиночестве щиплют струны и печально поют, торгуя в мире своим именем? Если бы ты забыл про свой дух и освободился от своей телесной оболочки, ты, может быть, и приблизился бы к правде. Но ты ведь сам с собой сладить не можешь, где тебе найти управу на всю Поднебесную. Уходи! Не мешай мне работать.

Пристыженный Цзы-Гун в растерянности зашагал прочь и, лишь пройдя тридцать ли, пришел в себя. Ученики спросили его: “Что это был за человек? Почему вы, учитель, после разговора с ним так бледны и целый день не можете опомниться?”

— Раньше я думал, что в Поднебесной есть только один человек, а теперь узнал, что есть в ней еще один, — ответил Цзы-Гун. — Учитель наставлял меня: в делах будь благоразумен, к успеху стремись неустанно, малыми силами добивайся многого — таков путь истинно мудрого. А этот человек учит по-другому: кто следует Пути, в том жизненные свойства целостны, в ком целостны жизненные свойства, целостно и тело, а в ком тело целостно, дух тоже целостен. Быть целостным в духе — вот Путь истинно мудрого. Вверяясь жизни, мудрый действует заодно со всеми людьми и не знает, почему так поступает. Так помрачен он и так безыскусен! Мысли о заслугах и выгодах, уловках и удаче не тревожат его сердце. Такой человек против своей воли не пойдет, наперекор своим желаниям жить не будет. Добившись успеха, он не станет любоваться собой, даже если весь мир будет хвалить его. Потерпев неудачу, он не смутится, даже если весь мир будет бранить его. Ни хвала, ни хула света ничего ему не прибавят и ничего от него не отнимут. Вот что такое человек, чьи жизненные свойства целостны! Я же из тех, кого носит ветер по волнам.

Вернувшись в Лу, Цзы-Гун рассказал обо всем Конфуцию, и Конфуций сказал: “Тот человек делает вид, будто владеет искусством Хаоса⁶⁸. Он знает лишь одно и не желает знать другого, заботится о внутреннем и не думает о внешнем”.

Сердцем прозрел, душой безыскусен,
Недеяньем живет, вернулся к началу,
Природу постиг, бережет в себе дух,
Чтоб привольно скользить в пошлой жизни мирской.

Ну как тут не подивиться? Но разве дано тебе и мне познать искусство Хаоса?

Цзянлюй Мяннь повстречал Цзи Чэ и сказал ему: “Правитель Лу просил меня дать ему наставление. Я отказывался, но безуспешно, так что пришлось мне дать ему совет. Не знаю, попал ли я в цель. Прошу вас оценить мои слова, а сказал я лускому царю вот что: “Нужно следовать за почтительными и бережливыми, выдвигать справедливых и преданных, отвергать корыстолюбивых и льстивых. Тогда в народе никто не посмеет нарушить порядок””.

Цзи Чэ рассмеялся и сказал: “Вы, уважаемый, с вашими увещеваниями перед царем — все равно, что богомол, преграждающий путь повозке: разве сможете вы добиться желаемого? Ваши советы только навлекут на государя беду, ведь башни его дворца заполнены сокровищами, и, куда бы он ни направился, за ним всюду следует толпа”.

Цзянлюй Мяннь задрожал от страха и сказал: “Мне, уважаемый, слова ваши непонятны. Прошу вас, учитель, пояснить их смысл”.

— Когда великий мудрец правит Поднебесной, — ответил Цзи Чэ, — он воодушевляет сердца людей, желая, чтобы они обратились к просвещению и исправили свои обычаи, подавили свои разбойничьи

помыслы и прониклись возвышенными устремлениями, словно такова их природа и они сами не знают, почему они таковы. Такого человека следовало бы считать старшим братом Яо и Шуня. Сколь велик, сколь беспределен он! Он хочет соединиться с полнотой жизни в себе и вовек пребывать в ней сердцем!

Чжун Ман отправился к Восточной Пучине и там встретил Юань Фэна.

Юань Фэн спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Я лечу к Восточной Пучине.

— Для чего?

— Хочу там погулять. Ведь Великий Океан не переполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не мелеет, сколько бы из него не вытекало.

— Не уделите ли вы внимание нам, “людям с глазами, посаженными вдоль”? Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении служилые люди воздают каждому должное, выдвигают каждого, не упуская его способностей, видят все с одного взгляда, так что все дела сами собой делаются, все слова сами собой произносятся, а Поднебесная благоденствует. Достаточно одного взмаха руки — и люди стекаются со всех сторон. Вот что такое мудрое правление.

— Позвольте спросить: что такое человек жизненной силы?

— Человек жизненной силы в покое не думает, в движении не размышляет, не следует мнениям об “истинном” и “ложном”, “красивом” и “уродливом”. Он находит радость в том, что приносит пользу всем. Он обретает покой в том, что приносит удовольствие всем. Не будь его — и народ растеряется, как ребенок, потерявший мать, или путник, сбившийся с дороги. Всякого добра у него будет в избытке, а откуда — неведомо; еды и питья будет вдоволь, а от кого — неизвестно. Таким выглядит человек жизненной силы.

— Хотелось бы услышать о человеке духовном.

— Человек духовный мчится с лучом света и исчезает вместе с вещами.

Это называется “осветить беспредельное”. Он до конца претворяет свою судьбу и исчерпывает свои чувства, радуется Небу и Земле и возвращается к сущности всех вещей. Это называется “первозданным хаосом”.

Любящий сын не льстит своим родителям, а преданный подданный не обманывает своего государя. Таковы достоинства сына и подданного. Если же соглашаться с каждым словом родителей и одобрять любой их поступок, то даже самые заурядные люди сочтут тебя недостойным сыном. А если соглашаться с каждым словом правителя и одобрять любой его поступок, то те же заурядные люди назовут тебя недостойным подданным. Но понимают ли те люди, что и к ним самим следует относиться таким же образом? Если соглашаться с каждым словом заурядных людей и одобрять каждый их поступок, то они сами не назовут тебя никчемным человеком. Значит ли это, что люди в мире имеют больше влияния, чем родители, и больше власти, чем правитель?

Назови заурядного человека льстецом — и он обидится. Назови его лжецом — и он рассердится. А ведь, возможно, тот человек и в самом деле всю жизнь был льстецом и лжецом. Когда он привлекает к себе толпу с помощью громких слов и напыщенных речей, начало у него не связывается с концом, цели не совпадают с результатом. Он изысканно одевается и вежливо держится, лоя восхищение света, а сам не считает себя ни льстецом, ни лгуном. Они довольствуются положением ученика, твердят об истинном и ложном, а сами не считают себя заурядными людьми. Вот верх глупости.

Тот, кто знает про свою глупость, уже не такой большой глупец. Тот, кто знает про свои заблуждения, заблуждается не так уж глубоко. От глубокого заблуждения не освободишься всю жизнь. От большой глупости не избавишься до конца дней. Если среди трех путников заблуждается лишь один, они все равно дойдут до цели, ибо заблуждающийся среди них в меньшинстве. Но если в заблуждение впадут два человека, то до цели они, как бы ни старались, добраться не смогут, ибо заблуждающиеся будут в большинстве. И сегодня, когда целый мир погряз в заблуждениях, я в одиночку ничего не сделаю, даже указывая всем правильный Путь.

Великая музыка ⁶⁹ не трогает слух простолюдинов, но, слушая песенки, вроде “Ломаем тополь” или “Пышные цветы” ⁷⁰, они приходят в восторг. Оттого же возвышенные речи не задерживаются в сердцах заурядных людей. А когда не звучат слова правды, торжествуют пошлые речи. Звон от пары пустых горшков заглушит благородный колокол, и тогда уже будет поздно ударять в него. Нынче же вся Поднебесная сбилась с Пути, и пусть я показываю верную дорогу — но кто услышит меня? Знать же, что тебя не слушают, и настаивать на своем — это еще одно заблуждение! А потому лучше всего предоставить жизни идти своим чередом и никого не подталкивать. Если я никого не буду подталкивать, никто не будет терпеть от меня неудобства.

После того как Яо уступил престол Шуню, а Шунь сделал своим преемником Юя, Бочэн Цыгао отказался от своего удела и стал пахать землю.

Юй приехал к нему с визитом и застал его работающим в поле. Юй подошел к нему быстро, оказывая хозяину почет, и спросил его: “Прежде, когда Яо правил Поднебесной, вы владели уделом, а после того как

Яо уступил трон Шуню, а Шунь передал его мне, вы отказались от удела и взялись за соху. Позвольте спросить, почему вы так поступили?”

— Прежде, когда Яо правил миром, люди старательно трудились, даже не надеясь на награду, и были послушны, даже не страшась наказания. А теперь вы награждаете и наказываете, но в людях нет доброты. Отныне нравы будут портиться, а наказания — множиться. Вот где сокрыты семена грядущей смуты! Отойдите, уважаемый, не мешайте работать.

И Бочэн Цзыгао продолжил пахоту, даже не глядя в сторону царя.

Мэн Угуй и Чичжан Маньци осматривали дружину царя У.

“Это войско не сравнится с дружиной царя Ююя, вот почему нам сегодня трудно!” — сказал Чичжан Маньци.

— Если бы в мире был порядок, смог ли Ююй водворить в нем спокойствие, или в мире должна была царить смута, чтобы Ююй навел в нем порядок? — спросил Мэн Угуй.

— Если ты мечтаешь о мире, в котором царит порядок, то зачем тебе нужен Ююй? — откликнулся Чичжан Маньци. — Когда Ююй лечил язвы мира, это было все равно, что покрывать париком лысину или звать врача к умирающему. Любящий сын, который подносит лекарство больному отцу, выглядит растерянным. Мудрый человек этого стыдится. Во времена, когда жизненная сила не терпела ущерба в мире, никто не преклонялся перед “достойными” и не звал на службу “способных”. Государь подобен верхушке дерева, простые люди подобны дикому оленю. Они стоят прямо, но не считают это своим долгом, любят друг друга, но не считают это человеколюбием, честны, но не считают это преданностью, верят друг другу на слово, но не считают это доверием. Полагаясь друг на друга и друг друга воодушевляя, словно рой насекомых в весеннюю пору, они не считают это благодеянием государства. А потому они живут, не оставляя следов, и созидают, ничего не передавая потомству.

У Прокаженного в полночь родился сын. Он тут же принес огня и стал вглядываться в младенца, боясь только, чтобы сын не оказался на него похожим.

Столетнее дерево срубили, сделали из его ствола жертвенную чашу и украсили ее черным и желтым узором, а обрубки выбросили в канаву. Сопоставим сосуд и обрубки в канаве, и мы увидим, сколь велика разница между красотой и уродством. Но и сосуд, и обрубки утратили природу дерева. У Разбойника Чжи и ученых Цзэн и Ши разные понятия о справедливости, но они все равны в том, что утратили свою природу. Ведь существует пять поводов для погубления природы: пять цветов расстраивают зрение, пять звуков расстраивают слух, пять запахов расстраивают обоняние, пять вкусов расстраивают вкусовые ощущения, а пристрастия и неприязнь загрязняют наше сознание. Эти пятеро — враги жизни. А теперь еще Ян Чжу и Мо Ди стали изобретать свои частные истины. Я же назвать это истиной не могу.

Ведь если человек обрел одни затруднения, разве можно назвать это обретением истины? Тогда и сова с голубкой, очутившись в одной клетке, могут назвать это приобретением. Пристрастия и неприязнь, звуки и цвета делают человека нечувствительным внутри, а кожаная шапка с перьями зимородка, табличка для записей и широкий пояс ограничивают человека вовне. Внутри — клетка, снаружи — ограда. А тот, кто щеголяет в своих шурах, — это такое же приобретение, как для преступника — веревки, опутывающие плечи, и тиски, сжимающие пальцы, а для тигров и барсов — мешки и загоны.

Глава XIII НЕБЕСНЫЙ ПУТЬ ⁷¹

Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно.

Кто прозрел Небо, стяжал мудрость и познал тайну царственных предков, тот в своих действиях неизменно покоен, даже сам того не замечая. Мудрец покоен не потому, что считает покой добродетелью. Он покоен потому, что ничто на свете не заронит тревогу в его сердце. Стоячая вода так покойна, что в ней отразится каждый волосок на нашем лице, и она так ровна, что послужит образцом даже для лучшего плотника. Если вода, будучи покойной, способна так раскрывать природу вещей, то что же говорить о человеческом духе? О, как покойно сердце мудрого! Оно есть ясный образ Неба и Земли, зеркало всех вещей.

Пустота и покой, отсутствие образов и деяний — вот основа Неба и Земли, предел Пути и его жизненных свойств. Посему царственные предки и истинные мудрецы пребывают в покое. Будучи покойными, они пусты. Будучи пустыми, они наполнены ⁷². Будучи наполненными, они держатся безупречно ⁷³. Будучи пустыми, они покойны, в покое они движутся, в движении обретают непреходящее. Будучи покойными, они предавались недеянию, а тот, кто не действует, целомудрен, а тот, кто хранит целомудрие, избегнет забот и несчастий, и будет жить долго.

Пустота и покой, бесформенность и недеяние — корень всех вещей. Знать это, восседая на троне, — значит быть правителем, подобным Яо. Знать это, стоя лицом к северу ⁷⁴, — значит быть подданным, подобным Шуню. Обладать этим, находясь наверху, — значит иметь власть царственного предка и Сына Неба. Обладать этим, находясь внизу, — значит идти путем Сокровенного мудреца, Неукрашенного государя. Обладай этим, живя в уединении и затворничестве, и мужи рек и морей, гор и лесов склонятся перед тобой. Обладай этим, возложив на себя заботу о мире, и ты возymeешь великие заслуги и приведешь Поднебесную к единству. В покое мудрый, в деяниях царственный, ты ничего не предпринимаешь, но окружен почетом, ты прост и безыскусен, но никто в целом свете не сравнится красотой с тобой.

Прозреть воистину творящую силу Неба и Земли — это и означает быть в согласии с Небом в Великом Корне и Великом Истоке. Так приводится к равновесию мир и достигается согласие среди людей. Согласие с людьми зовется “человеческой радостью”. Согласие с Небом зовется “небесной радостью”. Чжуан-цзы говорил: “О, мой учитель! Мой учитель! Ты сокрушаешь все вещи, а не жесток, одариваешь милостью десять тысяч поколений, а не милосерден, ты старше самой седой древности, а не стар, ты поддерживаешь небо и землю, высекаешь все формы, а не искусен” ⁷⁵. Вот что называется “Небесной радостью”. А потому и сказано, что тот, кто познал радость Небес, —

В жизнь идет вместе с Небом.
В смерти превращается вместе с вещами.
В покое сливается с силой Инь.
В движении сливается с действием Ян.

А потому для того, кто познал радость Небес, —

Нет проклятья Небес.
Нет упреков людей.
Нет бремени вещей.
Нет возмездия духов.

И вот сказано: “В своих движениях — как Небо. В своем покое — как Земля. Твердостью сердца правит всем миром. Дух его непреклонен, душа его вечно бодрствует, и он твердостью сердца покоряет все вещи”. Здесь говорится о том, что мудрый пустотой и покоем овладевает Небом и Землей, постигает природу всех вещей. Это и есть Небесная радость. Небесная радость — это то, благодаря чему сердце мудрого вмещает в себя всю Поднебесную.

Сила державных владык своим истоком имеет Небо и Землю, своим господином — Путь и полноту жизненных свойств, своим образцом — Недеяние. Тот, кто претворяет недеяние, с избытком обладает всем, что потребно для управления Поднебесной. А тот, кто уповает на свои деяния, никогда не возymeет власти над Поднебесной. Вот почему древние столь высоко ценили недеяние. Если верхи претворяют недеяние, а низы им вторят, тогда низы ничем не будут отличаться от верхов. Когда низы ничем не отличаются от верхов, тогда нет и настоящих подданных. Если низы деятельны и верхи им вторят, тогда верхи ничем не будут отличаться от низов. А когда верхи ничем не отличаются от низов, тогда нет настоящего повелителя. Верхи должны недеянием поставить себе на службу Поднебесную, а низы должны делами своими служить Поднебесной. Таков неизменный порядок ⁷⁶.

Посему те, кто в древности управляли Поднебесной, не искали применения своему уму, даже если знания их охватывали Небо и Землю. Они не говорили от себя, даже если постигли до конца природу вещей. Они не предпринимали самочинных действий, даже если могли свершить любое дело в пределах морей. Ведь Небо ничего не рождает, а вещи превращаются; Земля ничего не растит, а вещи вызревают; державный владыка ничего не делает, а в мире все свершается. Поэтому говорят: “Нет ничего одухотвореннее Неба,

ничего богаче Земли и ничего величественнее державного владыки”. И еще говорят: “Могущество державного владыки слито с Небом и Землей”. Вот так можно сделать Небо и Землю своей колесницей, пустить вскачь десять тысяч вещей и приставить к делу всех людей.

Корень занимает высшее положение, а ветви — низшее. Правитель — это главное, подданный — второстепенное. В движении трех армий и войск пяти родов — верхушки добродетели. В наградах и порицаниях, выгоде и ущербе и пяти наказаниях — верхушки воспитания. В ритуалах и законах, числах и мерах, титулах и званиях, сопоставлениях и расследованиях — верхушки правления. В звучании колоколов и барабанов, явлениях птичьих перьев и бычьих хвостов ⁷⁷ — верхушки радости. В плаче и причитаниях и разных траурных одеждах — верхушки скорби. Эти пять верхушек следуют движениям духа и волнению сердца. Учение о верхушках было и у древних, но его не ставили на первое место.

Правитель идет впереди, а подданные за ним следуют. Отец идет впереди, а сын за ним следует. Старший брат идет впереди, а младший за ним следует. Мужчина идет впереди, а женщина за ним следует. Муж идет впереди, а жена за ним следует. Быть благородным или презренным, первым или последним — это порядок Неба и Земли, мудрый берет его за образец. Небо высоко, а Земля низко: их положения определены просветленностью. Весна и лето — впереди, а осень и зима — позади: таков порядок смены времен года. Все вещи в своих превращениях зарождаются, достигают расцвета и гибнут: таков путь перемен. Небо и Земля заключают в себе высшую духовность, а все же устанавливают различия между почтенным и презренным, предшествующим и последующим. Что же говорить о Пути Человека! В родовом храме чтят предков, при царском дворе чтят знатных, в деревнях чтят старейших, а в делах людских — достойных. Таков всеобщий Путь. Говорить о Пути, но отвергать его порядок — значит отвергать и сам Путь.

Поэтому древние мужи, постигшие Великий Путь, сначала прозревали Небо, а Путь и его свойства шли следом. Когда Путь и его свойства были явлены воочию, следом шли человечность и долг, потом — удел каждой вещи, потом формы и имена, потом предписания и обязанности, потом изучение и расследование, потом суждение об истинном и ложном, потом награды и наказания. А после того как стали явными награды и наказания, умные и глупые, благородные и презренные, достойные и ничтожные заняли подобающие им места и каждому был предписан его непреложный удел, соответствующий его способностям. И с той же непреложностью каждому было определено его назначение, соответствующее его званию. Так служили государю, так заботились о подданных, так поддерживали порядок в мире, так совершенствовались себя. К хитрости и расчету не прибегали, ибо в каждом деле уповали лишь на небесное в себе. Это и называлось Великим Равновесием, вершиной правления.

В книгах говорится: “Есть образы, и есть имена”. Хотя образы и имена существовали и в древности, люди в те времена не ставили их на первое место. Когда древние рассуждали о Великом Пути, об образах и именах речь заходила лишь на пятой ступени, а на девятой ступени полагалось говорить о наградах и наказаниях. Начать наставления с образов и имен — значит не понимать основы. Прежде времени толковать о наградах и наказаниях — значит не понимать их истока. Те, кто судят наперекор Пути, должны сами находиться под началом других, разве могут они управлять другими! Прежде времени толковать об образах и именах, наградах и наказаниях — значит обладать лишь орудиями правления, но не Путем правления. Так можно служить миру, но нельзя заставить мир служить себе. О таких говорят: “Искусные спорщики — у каждого свой любимый уголок”. Ритуалы и законы, числа и меры были и у древних людей, но лишь для того, чтобы служить верхам, а не для управления низами.

В старину Шунь спрашивал у Яо: “Какие старания прилагает небесный государь?”

— Я презираю безропотных, не отворачиваюсь от бедных, скорблю об умерших, радуюсь новорожденным и жалею женщин, — ответил Яо.

— Это все хорошо, — сказал Шунь, — а все-таки для истинного величия еще недостаточно.

— Что же я должен делать? — спросил Яо.

— Небесное Совершенство рождает возвышенный покой, солнце и луна излучают свет, и времена года сменяют друг друга, как бегут друг за другом день и ночь. Дождь идет, когда соберутся облака!

— О, как я был суетлив! — воскликнул Яо, услышав эти слова. — Ты соединишься с Небом, я же ищу единения с людьми.

— Древние считали великими Небо и Землю, а достойными восхищения — Желтого Владыку, Яо и Шуня. Что же в таком случае делали те, кто в стародавние времена владели Поднебесной? Они были Небом и Землей — только и всего!

Шичэн Ци встретился с Лао-цзы и спросил его: “Я слышал, что вы, учитель, мудрый человек. Так могли я утратить дальнего пути и не прийти к вам? Я миновал сотню постоянных дворов, натер на ногах мозоли, ни разу не позволил себе отдохнуть. И теперь, увидев вас, я вижу, что вы вовсе не мудрец. У мышиной норки разбросаны объедки, а забывать о своих младших братьях — немилосердно! У вас недостаточно и сырого и вареного, а вы все накапливаете, не умея сдержаться себя”.

Лао-цзы промолчал с равнодушным видом. На следующий день Шичэн Ци снова пришел к Лао-цзы и сказал: “Вчера я посмеялся над вами, а вот сегодня раскаиваюсь, почему это?”

— Я и сам думал, что избавился от тех, кто легко распознает людей одухотворенных и мудрых. Назови ты меня вчера быком, я был бы быком. Назвал бы ты меня лошадыю — и я был бы лошадыю. Если люди

дают имя какой-то сущности, то, не приняв этого имени, навлечешь на себя беду. Я покорился потому, что хотел покориться. Я покорился, не думая о том, чтобы быть покорным.

Шичэн Ци, склонившись, пошел наискось, стараясь не наступить на свою тень, вошел в дом, не сняв сандалий, и спросил о том, как ему лучше совершенствоваться.

— Ты держишься надменно и смотришь дерзко, — ответил Лао-цзы. — Черты лица у тебя грубые, речи дерзкие, вид самодовольный. Кажется, вот-вот помчишься, вскачь, словно конь, а все стараешься удержать себя. Движения у тебя резкие, взгляд придиричивый, ум расчетливый, — уж больно ты в себе уверен. Доверять тебе не будут. Таких, как ты, повсюду много, и зовут их ворами.

В мире Великий Путь ценят благодаря книгам. Но в книгах нет ничего, кроме слов, и, стало быть, ценят в мире слова. Слова же ценят за то, что в них есть смысл. Но смысл откуда-то приходит, а уж это невозможно выразить словами. И все-таки в мире ценят слова и передают их в книгах. Пусть в мире их ценят, я же не считаю их ценными. Ведь ценят их не за то, что есть в них действительно ценного. Ибо видеть глазами можно только образ и цвет. Слышать ушами можно только имена и звуки. Увы! Люди в мире полагают, что образов и цветов, имен и звуков довольно для того, чтобы понять природу другого. На самом же деле образов и цветов, имен и звуков недостаточно для того, чтобы понять природу другого. Поистине “знающий не говорит, говорящий не знает”! ⁷⁸ Но кто в мире может это понять?

Царь Хуань-гун читал книгу в своем дворце, а у входа во дворец обтесывал колесо колесник Бянь. Отложив молоток и долото, колесник вошел в зал и спросил: “Осмелюсь полюбопытствовать, что читает государь?”

— Слова мудрецов, — ответил Хуань-гун.

— А мудрецы те еще живы? — спросил колесник.

— Нет, давно умерли.

— Значит, то, что читает государь, — это всего только шелуха душ древних людей.

— Да как смеешь ты, ничтожный колесник, рассуждать о книге, которую читаю я — единственный из людей? Если тебе есть что сказать, то говори, а нет — так мигом простишься с жизнью!

— Ваш слуга судит об этом по своей работе, — ответил колесник. — Если я работаю без спешки, трудностей у меня не бывает, но колесо получается непрочным. Если я слишком спешу, то мне приходится трудно и колесо не прилаживается. Если же я не спешу, но и не медлю, руки словно сами все делают, а сердце им откликается, я об этом не сумею сказать словами. Тут есть какой-то секрет, и я не могу передать его даже собственному сыну, да и сын не смог бы перенять его у меня. Вот почему, проработав семь десятков лет и дожив до глубокой старости, я все еще мастерю колеса. Вот и древние люди, должно быть, умерли, не раскрыв своего секрета. Выходит, читаемое государем — это шелуха душ древних мудрецов!

Когда Конфуций поехал на запад, чтобы поместить свои книги во дворце Чжоу, его ученик Цзы-Лу советовал ему:

— Я слышал, что среди хранителей исторических записей в Чжоу есть некий Лао Дань, который уже оставил службу и живет в уединении. Если вы хотите поместить в хранилище свои книги, вам лучше обратиться к нему.

— Хорошо, — ответил Конфуций и отправился с визитом к Лао Даню, но тот не дал разрешения принять книги.

Тогда Конфуций стал разъяснять Лао Даню смысл всех двенадцати канонов.

— Ты слишком многословен, — прервал Лао Дань Конфуция. — Я хочу услышать главное.

— Главное заключается в человечности и долге, — сказал Конфуций.

— Позвольте спросить, относится ли человечность и долг к природе человека?

— Конечно! Ведь благородный муж, коли не человек — значит, не созрел; коли не знает долга — значит, в жизнь не вошел. Человечность и долг — это поистине природа настоящего человека. Каким же еще ему быть?

— А позвольте спросить, что вы понимаете под человечностью и долгом?

— В сердце своем находить удовольствие в бескорыстной любви ко всем — вот сущность человечности и долга.

— Ах вот как! — отозвался Лао Дань. — Твои последние слова меня настораживают. В стремлении любить всех подряд есть что-то подозрительное. А в желании всегда быть бескорыстным есть своя корысть. Вы, кажется, хотите, чтобы мир не утратил своей простоты? Так посмотрите вокруг: Небу и Земле свойственно постоянство, солнцу и луне свойственно излучать свет, звездам свойственно составлять созвездия, зверям и птицам свойственно собираться в стаи, деревьям свойственно тянуться вверх. Если бы вы, уважаемый, дали свободу своим жизненным свойствам, вы бы уже давно достигли истины. К чему эта суeta вокруг человечности и долга? Вы похожи на человека, который бьет в барабан, разыскивая беглого сына. Вы вносите смуту в души людей — только и всего!

Учитель сказал: “Путь не имеет конца среди наибольшего и не теряется среди наименьшего. Благодаря ему все вещи становятся такими, какие они есть. Столь обширен он, что вмещает в себя все сущее! Столь

глубок он, что невозможно измерить его! Наказания и добродетели, человечность и долг — только зримые конечности духовного. Кто, как не Высший Человек, расставит их по местам?

Для Высшего Человека владение миром — большое дело, но и оно не обременяет его. Все в мире добиваются власти, он один не соперничает с другими. Он не имеет в себе изъяна и потому не влечется за вещами. Он прозревает подлинное в вещах и потому всегда верен корню всего сущего. Так он может пребывать за пределами Неба и Земли, возноситься над всей тьмой вещей, и дух его никогда не ведает стеснений.

Проникает в сердце Пути.

Соединяется с силою жизни.

Упраздняет человечность и долг.

Забывает о церемониях и музыке.

Сердце Высшего Человека не изменяет своему постоянству!”

Глава XIV

КРУГОВОРОТ НЕБЕС ⁷⁹

Небо движется по кругу,
Земля покоится на месте.
Луна и солнце бегут друг за другом.
Какая сила их толкает? Что за сеть их обнимает?

Кто же он такой, кто пребывает в недеянии, но все приводит в движение? Значит ли это, что в мире есть тайный завод ⁸⁰ и то, что случается в нем, не может не случиться? Значит ли это, что в мире все само собой движется по кругу и не может остановиться? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто столь щедро осыпает милостями? Кто-нибудь, пребывая в праздности и веселясь без удержу, движет миром?

Ветер поднимается с севера
И летит на восток и на запад.
Вихрем кружит в вышине,
Кто вдыхает его, кто выдыхает?
Кто же он, не знающий забот и насылающий ветер?
Дозвольте спросить: где искать этому причину?

Колдун Сянь ⁸¹ говорит: “Подойди, я скажу тебе. На Небе есть Шесть Полюсов и Пять Постоянств ⁸². Государь, сообразующийся с ними, наведет порядок, а идущий против них попадет в беду. Благодаря девяти знакам Ло ⁸³ осуществляются жизненные свойства вещей. В зеркале мудрого правителя отражается вся земля внизу, и вся Поднебесная хранит его в себе. Вот что значит быть державным владыкой”.

Бэймэнь Чэн спросил у Желтого Владыки: “Вы, владыка, с редким искусством исполнили песнь “Сяньчи” ⁸⁴ на просторах у озера Дунтин. Услышав ее, я поначалу испугался, потом успокоился, а под конец пришел в смятение. Взволнованный, я долго молчал, не в силах овладеть собой”.

— Кажется, ты все правильно понял! — воскликнул Желтый Владыка. — Я сложил эту песнь по человеческому разумению, а подобрал ее лад по разумению небесному. Я исполнил ее в согласии с ритуалом и долгом и вложил в нее дух Великой Чистоты. Четыре времени года сменяют друг друга, и вся тьма вещей свершает круг своей судьбы. Расцвет и упадок, начало мировое и начало воинственное чередуются в управлении. Чистое и мутное — сила Инь и сила Ян пребывают в равновесии, и в блуждающем свете звучит их гармония. Раскатами грома я пробуждаю от зимней спячки насекомых. В конце не прекращается, в начале не начинается. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — и так без конца, и ни в чем нет опоры, вот ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, и она выражала гармонию Инь и Ян, блистала сияньем солнца и луны. Звуки ее были то отрывистые, то протяжные, то мягкие, то резкие, и все они сливались в верховное единство. И не было в том единстве ничего постоянного. В долине заполняла она долину, в ущелье заполняла она ущелье. Размах ее зависел от вместимости вещей: закупорь все отверстия, и дух в ней сохранится целиком. Звучание ее раздольное, и слава ее возвышенно-светла. А потому благодаря ней божества и духи пребудут в мире мрака, а солнце, и луна, и звезды будут идти своим путем. Я останавливался там, где надлежало быть покою, и двигался там, где все находилось в движении. Как бы ты ни старался, тебе этого не понять, как бы ни всматривался — не увидеть, как бы ни бежал вдогонку — не догнать. Отрешенный, себя не помнящий, стоял я на путях пустоты всех четырех пределов и, опираясь на платан, пел:

Взор мой исчерпал себя у пределов зримого,
Силы мои исчерпали себя у пределов вещественного,
Я стою у Недостижимого — и довольно!
В теле моем пустота и великий покой!

Ты почувял этот великий покой и потому сам успокоился.

Я снова заиграл, презрев покой, и слил мелодию с неотвратимым течением жизни. Звуки полились беспорядочно и вольно, как сплетаются дикie травы. Разливалась песнь Широко, но не достигала предела, замирала вдали — и не открывалась. Она уносилась в Беспредельное, погружалась в Незримое. Иным казалась она смертью, иным — жизнью, иным — внутренней полнотой, иным — внешним блеском. Так растекалась и рассеивалась она в целом мире, и не было в ней ничего постоянного. Обыкновенные люди слушали ее с недоверием, и лишь мудрые ей внимали. Ибо мудрые проникают в суть вещей и следуют велениям Судьбы. Действие Небесной пружины не проявляется вовне, а пять органов чувств чутко внимают. Слова не звучат, а сердце поет: вот это зовется “Небесной музыкой”. Род Янь воздал ей хвалу в гимне:

Слушай — и звука ее не услышишь.
Смотри — и формы ее не увидишь.
Небо заполнит, заполнит и Землю,
Шесть Полюсов обнимет собою.

Ты захотел послушать ее, не смог сердцем принять ее — вот и пришел в смятение.

Музыка начинается от страха, а страх внушает почтение. Я продолжил спокойно, и ты тоже успокоился. А закончил я смятением, смятение же ведет к помраченности. Тот, кто помрачен, живет по истине. Вот так можно вместить в себя Путь и хранить его в себе.

Когда Конфуций странствовал на западе в царстве Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Цзиню:

— Что вы думаете о поведении учителя?

— Твой учитель дошел до крайности, как прискорбно!

— Что это значит? — спросил Янь Юань.

— Когда, совершая обряд, соломенное чучело собаки еще не показывают собравшимся, его хранят в корзине, покрытой узорчатым платом, а предок и распорядитель церемонии не смеют коснуться ее, не проведя в посте день.

— Когда же обряд совершен, чучело выбрасывают и прохожие топчут его тело, солому же просто забирают на растопку. Если кто-нибудь подберет это чучело, снова положит его в корзину и, странствуя, положит его под голову, ему приснится страшный сон, и у него заболят глаза. Твой учитель из тех, кто подбирает лежалые чучела собак, которыми пользовались еще во времена древних царей, созывает учеников, странствует вместе с ними, да еще и кладет чучело себе под голову. Поэтому на него повалили дерево в царстве Сун, ему пришлось бежать из Вэй, он терпел лишения на границе Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи и чуть не умер с голоду — чем это лучше болезни глаз?

По воде лучше передвигаться в лодке, а по суше — в телеге. В лодке можно без усилий плыть по воде, но толкать лодку на суше — значит, за всю жизнь не продвинуться ни на шаг. Разве древность не отличается от нынешнего времени, как вода от суши? Применять в Лу чжоуские установления — не значит ли пытаться плыть в лодке посуху? Только из сил выбьешься, а проку не будет никакого. Учитель твой не ведает, что такое пребывать в беспредельном и откликаться переменам, вовек себя не исчерпывая. Не приходилось ли тебе видеть колодезного журавля? Хочешь зачерпнуть воду — он опустится, отпустишь его — поднимется. Это человек его нагибает, а сам он не нагибается. Поэтому его движения не могут доставить неудовольствие людям.

Ритуалы и законы, понятия долга и меры древних царей чтили не за то, что они были одинаковы, а за то, что они способствовали доброму правлению. Сравнить их между собою — все равно, что уподоблять друг другу резань и грушу, мандарин и помелон: все это съедобные плоды, однако же, вкус у них разный. Так же и ритуалы, законы, понятия долга и меры меняются со временем. Тщиться ныне, во всем быть подобным древним — все равно, что пытаться обезьяну нарядить в платье Чжоу-гуна — она непременно станет кусаться и рвать платье до тех пор, пока не стащит его с себя. Разница между древностью и современностью подобна разнице между Чжоу-гуном и обезьяной.

В старину красавица Сиши из-за боли в сердце была печальна. Увидела ее некая Уродина и, вернувшись домой, тоже стала хвататься за сердце и охать на виду у всех. Однако богачи, завидев ее, бросались запирать ворота, а бедняки, повстречав ее, убегали прочь вместе с домочадцами. Уродина понимала только, что быть печальной красиво, но не понимала, почему это так. Увы! Учитель твой дошел до крайности!

Конфуций дожил до пятидесяти одного года, но так и не постиг Путь. Он отправился на юг, пришел во владения Пэй и там повстречался с Лао-цзы.

— Ты пришел? — удивился Лао-цзы. — Я слышал, что ты — достойнейший муж северных краев. Ты тоже обрел Путь?

— Еще нет, — ответил Конфуций.

— А как ты искал его? — спросил Лао-цзы.

— Я пять лет искал его в установлениях и числах, но не мог постичь.

— А потом?

— Я искал его в учении об Инь и Ян, но так и не постиг его.

— Иначе и быть не могло, — сказал Лао-цзы. — Если бы Путь можно было вручить как подношение, то не было бы на земле подданного, который не поднес бы его своему правителю. Если бы Путь можно было подарить, то не было бы на земле человека, который не подарил бы его своим родителям. Если бы о Пути можно было поведать, то не было бы на земле человека, который не поведал бы о нем своим братьям. А если бы Путь можно было передать, то не было бы на земле человека, который не передал бы его своим детям и внукам. Однако же сие невозможно, и тут уж ничего не поделаешь. Если в самом себе не обретешь Путь, то удержать его не сможешь. Если делами своими Путь не подтвердишь, он в мире не претворится. Что исходит изнутри, не примут вовне, а потому мудрый себя не раскрывает. Что входит извне, не найдет места внутри, а потому мудрый не таится. Имя — общая принадлежность, им нельзя пользоваться в одиночку. Человечность и долг — временное пристанище древних царей, в них можно скоротать ночь, но нельзя жить долго: если же люди приметят, что ты в них живешь, не оберешься неприятностей.

Настоящие люди древности ради удобства шли дорогами человечности, ночевали в постоянных дворах долга, чтобы потом привольно гулять на просторе. Они кормились простой пищей и жили на земле, не взятой взаймы. Когда ты привольно гуляешь, ты следуешь Недеянию. Когда ты питаешься простой пищей, легко насытиться. Когда живешь на земле, не взятой взаймы, не лишаешься своих сокровищ. Древние называли это “странствием ради обретения подлинного”.

Тот, кто жаждет богатства, не может отказаться от наград. Тот, кто жаждет славы, не может отказаться от известности. Тот, кто жаждет власти, не может дать людям воли. Подбодришь его — и он возгордится. Упрекнешь его — и он расстроится. Такие ничего не замечают вокруг себя и ни на миг не могут обрести покой. Они из тех, на ком лежит кара Небес⁸⁵.

Устрашать и миловать, отбирать и давать, бранить и наставлять, дарить жизнь и казнить — таковы восемь способов исправления людей, и применять их может лишь тот, кто умеет, не стесняя себя, идти за Великим превращением. Потому и говорят, что лишь тот, кто сам прям, выпрямит других. А если нет праведности в его сердце, то и Небесные Врата в нем не откроются.

Конфуций пришел к Лао Даню и стал рассказывать ему о человечности и долге.

Лао Дань сказал: “Когда мякина на току залепляет глаза, земля и небо и все стороны света оказываются не на своих местах. Когда комары и оводы впиваются в наше тело, мы не можем сомкнуть глаз ночь напролет. Человечность и долг терзают наши сердца и не дают нам покоя — нет напасти страшнее! Если вы хотите, чтобы Поднебесный мир не утратил своей изначальной безыскусности, странствуйте по свету привольно, как ветер, и будьте таким, каким делает вас природная сила жизни. К чему эта суета с человечностью и долгом? Вы уподобляетесь человеку, который искал своего беглого сына, стуча в барабан. Лебедю не нужно купаться каждый день, чтобы быть белым. Ворона не нужно мазать грязью, чтобы он был черным. О естественных свойствах белизны или черноты нет нужды спорить. Когда из пруда выпускают воду и складывают рыбу на берегу, рыбы теснее прижимаются друг к другу, увлажняя друг друга своими жабрами. Но они с радостью забудут друг о друге, если снова окажутся в большом озере или реке”.

Конфуций сказал Лао Даню: “Я много лет изучал все Шесть канонов — “Книгу Песен”, “Книгу Преданий”, “Записки о ритуале”, “Записки о музыке” и “Книгу Перемен”. Теперь я досконально постиг их смысл. Обладая этим знанием, я посетил семьдесят два правителя уделов, но ни один из них не усмотрел в моих рассказах ничего полезного для себя. Как трудно заставить мир принять праведный Путь!”

— Вы бы лучше подумали о том, как вам повезло в том, что вы не встретились с мудрыми царями былых времен, — ответил Лао Дань. — Ведь Шесть канонов — это только внешние следы деяний древних мудрецов. Но разве в них заключен смысл этих деяний? Вы же ведете речь только о следах. Следы появляются там, где ступила нога, но сами-то они отнюдь не нога! Белые цапли зачинают, глядя друг на друга немигающим взглядом. У насекомых это происходит, когда самец зовет самку сверху, а самка откликается снизу. Ну, а существо, именуемое Лэй, зачинает само от себя. Природу живых существ нельзя изменить, их судьбу невозможно поправить, время нельзя остановить, а действию Пути нельзя поставить преграду. Если следовать Пути, для себя нет ничего невозможного, если же идти наперекор Пути, ничего не сможешь совершить.

Конфуций не выходил из дома три месяца. Когда он снова пришел к Лао Даню, он сказал: “Вороны и сороки откладывают яйца, рыбы мечут икру, все в мире свершается через мельчайшие метаморфозы. Когда рождается младший брат, старший брат плачет. Слишком долго я не понимал, что значит быть другом перемен в мире. И если человек не умеет быть другом перемен, разве может он изменить других людей?”

— Неплохо, — молвил в ответ Лао Дань. — Вы, кажется, все правильно поняли.

Выделяться тщеславными помыслами и необычными поступками, уходить от мира и жить не так, как все, презрительно рассуждать о людях и насмехаться над ними, быть одержимым собственным величием — таковы нравы мужей гор и ущелий, отвергнувших свет и находящих удовольствие в том, чтобы всячески мучить и терзать себя.

Говорить о человеколюбии и долге, преданности и доверии, быть почтительным и скромным и думать только о собственном совершенстве — таковы нравы мужей, правящих миром и наставляющих людей; они находят удовольствие, будь они дома или на чужбине, в непрестанном учении.

Говорить о великих подвигах и искать славы, требовать от государей и подданных соблюдения правил благопристойности, следить за тем, чтобы каждый занимал предписанное ему место, заботиться только о благе государства — таковы нравы придворных мужей, чтящих правителей и пекущихся о процветании царства; эти находят удовольствие лишь в том, чтобы приносить пользу своей стране.

Скрываться в лесах и болотах, жить на диком просторе, удить рыбу и в покое проводить свои дни — таковы нравы жителей рек и морей, бегущих от мира; эти находят удовольствие единственно в праздности.

По-особенному вдыхать и выдыхать, удалять из себя старое и привлекать в себя новое, ходить по-медвежьей и вытягиваться по-птичьи ⁸⁷, мечтая только о продлении своих лет, — таковы нравы знатоков телесных упражнений, совершенствующих свое тело; эти любят только секреты долголетия Пэн-цзы.

А вот быть возвышенным без тщеславных помыслов, совершенствовать себя без человеколюбия и долга, управлять государством без подвигов и славы, быть праздным, не уходя на реки и моря, жить долго без телесных упражнений, все забыть и всем обладать, быть целомудренным и ничем не ограничивать себя, чтобы все людские достоинства сами собой сошлись в тебе, — таков путь Неба и Земли и его сила, обретающаяся в истинном мудреце.

Безмятежность и покой, пустота и неделание — это равновесие Неба и Земли, сущность Пути и его силы. Мудрый обретает в них успокоение. Будучи покоен, он уравновешен и нескован. Будучи уравновешенным и нескованным, он безмятежен. А если он уравновешен и нескован, то —

Заботы и тревоги в него не войдут,
Духовные болезни в него не проникнут.

Стало быть, его жизненная сила пребывает в целостности и его дух не терпит ущерба. Посему говорится: “В жизни мудрец идет вместе с Небом, в смерти он превращается вместе с вещами, в покое он причастен к силе Инь, в деянии причастен к силе Ян”.

Ради личной выгоды других не опередит,
Избегая несчастья, не сделает первый шаг.
Лишь испытав воздействие, откликнется,
Лишь подвергшись натиску, подвинется.
Лишь по необходимости берется за дело.
Отвергает знания и доводы,
А внемлет лишь истине Небес.
И следовательно, он
Не знает гнева Небес,
Не ведает бремени вещей,
Не навлекает на себя неприязнь людей,
Не подвергается преследованиям духов.
Его жизнь — как плавание по водам,
Его смерть — как отдохновение.
Он свободен от суетных мыслей,
Он не строит планов и расчетов.
Он просветлен, хоть и не озабочен чистотою духа.
Он всем внушает доверие, хоть не дает обещаний.
Он спит без сновидений
И пробуждается, не ведая тревог.
Его дух чист и нежен,
Его душа ничем не отягощена.

В покое и безмятежности соединяется он с Небесным Совершенством. А потому говорят, что печаль и радость — это искажение жизненной силы, веселье и гнев — это нарушение Пути, пристрастия и неприязнь — утраты души. Когда в сердце нет ни радости, ни печали, открывается полнота жизненных свойств. Когда сердце едино и неизменно, сполна достигается покой. Когда никто нас не обременяет, сполна прозревается пустота. Когда мы не связаны вещами, сполна познается безмятежность. Когда мы не препятствуем течению жизни, сполна проявляется утонченность духа. Вот и говорится: “Если тело не отдыхает от напряжения, оно изнашивается. Если дух вечно в заботах, он увядает”.

Вода по природе своей такова, что, если ее не мутить, она сама по себе станет чистой; если ее не взбалтывать, она сама по себе станет ровной. Но если создать преграду ее течению, она никогда не будет чиста. В этом вода являет образ Небесного Совершенства. Посему говорится: “Быть чистым и ни с чем не смешиваться, быть покойным и не изменять своему покою, быть безмятежным и несуетным, действовать, как Небо действует, — вот путь питания духа”.

Тот, кто обладает мечом из страны Гань ⁸⁸ или Юэ, хранит его в ларце и пользуется им с крайней осмотрительностью, ибо такой меч высоко ценится в мире. А духовная сила наполняет вселенную, нигде не встречая преград. Вверху она достигает неба, внизу охватывает землю, вскармливает все сущее и не имеет образа. Ее следует назвать “единой с верховным предком”.

Идя путем Чистоты,
Вечно пребываешь в духе.
Будь в нем, не теряй его вовек,
Храни Великое Единство в себе.

Когда духовная сила едина, она проникает все сущее, сообразуясь с Небесным порядком. Как говорят в народе, “обыкновенный человек ценит выгоду, честный человек ценит славу, достойный муж ценит возвышенные помыслы, но истинный мудрец ценит духовную силу”.

Когда говорят, что духовная сила “проста”, это означает, что она ни с чем не смешивается. А когда говорят, что духовное начало есть “чистота”, это означает, что она не имеет изъяна. Тот, кто стяжал простое и чистое, тот достоин называться Настоящим Человеком.

Любители поправлять природу, гордясь своими пустыми познаниями, хотят восстановить изначальные свойства вещей. Соблазненные пошлыми желаниями, гордясь своими пустыми понятиями, они стараются достичь просветления духа. Таких людей следовало бы называть ослепленными.

Древние, претворявшие Путь, возвращали знание безмятежностью. Знание росло, а к делу его не прикладывали — вот это и называется “возвращать дело безмятежностью”. Знание и безмятежность друг друга укрепляли, а природа всех вещей поддерживала гармонию и истину. Полнота жизненных свойств — это гармония. Путь — это всеобщая истина. Свойства пронизывают все живое в мире — такова их человечность. Путь содержит в себе всякую истину — такова его праведность. Когда праведность явлена миру и все живое по-родственному соседствует, торжествует верность. Когда форма наполнена внутри и не теряет своего естества, тогда звучит подлинная музыка. Когда доверие выражается в облике и запечатлевается в правилах поведения, тогда осуществляется ритуал. Если же ритуал и музыка не претворяются сполна, в Поднебесной царит смута. Пусть каждый будет прям и хранит в себе свои жизненные свойства. Если же свойства проступят наружу, природа вещей понесет урон ⁹⁰.

Люди древности таились в смутно-необозримом, не желая быть на виду у света. В те времена силы Инь и Ян пребывали в покое и согласии, божества и духи не знали тревог, времена года исправно сменяли друг друга, вещи не терпели ущерба, и живые существа не гибли безвременно. Люди имели знания, а применения им не искали. В те времена никто ничего не предпринимал, а все совершалось само собой.

А потом праведность в мире, силы своей лишилась, и за управление взялись Суйжэнь и Фуси. И вышло так, что послушание появилось, а единства не было. Когда же Божественный Землепашец и Желтый Владыка возымели власть в Поднебесной, праведность ослабла еще больше. В мире царило спокойствие, но не было послушания. И совсем погибла жизнь праведная, когда Яо и Шунь взялись управлять Поднебесным миром. Тогда и начались разные усовершенствования в устройении государства, исчезли первоначальная чистота и безыскусность нравов, люди отошли от Пути, гонясь за добродетелями, и отреклись от своих жизненных свойств ради благочестивого поведения. Вот тогда люди отвернулись от своей природы и стали жить собственным разумением. Как ни старались они договориться друг с другом, порядка в Поднебесной им навести не удалось, и они решили упорядочить свою жизнь с помощью наук. Но правила благочестия разрушают наше естество, а науки губят разум. Среди людей начались разброд и смута, и стало уже невозможно вернуть мир к его изначальному состоянию. Нельзя не видеть нынче, что мир погиб для Пути, а Путь погиб для мира. Воистину мир и Путь погибли друг для друга. Если Путь не может вернуть мир к процветанию, а мир не может вернуть к процветанию Путь, то даже величайший мудрец, остающийся среди людей, не в силах явить миру истинную силу жизни. И если мудрец нынче скрывает себя, то не потому, что он сам предпочитает жизнь сокровенную.

То, что в древности называли “сокровенным мужем”, не означало желания скрыться от людских взоров и не показывать себя, замкнуть свои уста и не высказывать суждений прилюдно, спрятать свои знания и не обнаруживать их на людях. Просто слишком уж смутные настали времена. Если бы мудрый встретил свою судьбу и свершил в мире свои великие деяния, он вернулся бы к Единому и следы его сокрылись. Если бы мудрый не встретил своей судьбы и остался бы в мире не у дел, он бы глубже простер свои корни, упокоился бы в Пределе вещей и стал бы ждать. Вот Путь сохранения своей жизни ⁹¹.

Те, кто в древности оберегали свою жизнь, не старались доказательствами украсить свое знание и знаниями своими объять весь мир или постичь первородное Совершенство вещей. Они довольствовались своей долей и наслаждались своей природой. Что они еще могли делать? Ведь Путь — это, конечно, не мелкие дела, а Совершенство жизни — это, конечно, не ограниченные знания. Ограниченные знания губят Совершенство жизни, мелкие дела губят Путь. Поэтому и говорят: “Будь прям — только и всего”. Успехом зовется счастье сознавать себя целым и невредимым.

Древние называли успехом не обладание колесницей и шапкой знатного вельможи, а всего лишь невозможность добавить что-нибудь к своему счастью. Нынче же успехом считается обладание шапкой и колесницей знатного вельможи. Но шапка и колесница не дарованы нам нашей природой и судьбой. То, что дается нам по случаю, задерживается у нас лишь на время, и мы не можем ни привлечь эту вещь, ни удержать ее у себя навеки. А потому не разжигай в себе страстей из-за шапки и экипажа, не подлаживайся под нравы света из-за приобретений или потерь. Будь счастлив всегда и везде и не позволяй житейским волнениям завладеть тобой. Нынче же, когда временно приставшее к нам уходит от нас, мы печалимся. Вот и видно, что мы даже счастьем своим не умеем дорожить. Поэтому говорят: “Тех, кто отрекаются от себя ради вещей и пренебрегают своей природой в угоду свету, следует называть людьми, которые все ставят с ног на голову”.

Глава XVII ОСЕННИЙ РАЗЛИВ ⁹²

Пришло время осеннего разлива вод. Сотни потоков устремились в Желтую Реку, и она разлилась так широко, что на другом берегу невозможно было отличить лошадь от коровы. И тогда Дух Реки Хэбо возрадовался, решив, что в нем сошлась красота всего мира. Он поплыл вниз по реке на восток и достиг Северного Океана. Долго смотрел он на восток, но так и не увидел предела водному простору. В недоумении повертел он головой и, глядя на раскинувшуюся перед ним ширь, сказал со вздохом Духу Океана по имени Жо: “В народе говорят: “Узнал сотую часть Пути и уже мнит, что не имеет себе равных”. Это сказано про меня! Мне приходилось слышать, как свысока судили об учености Конфуция и без почтения отзывались о подвиге Бои, и я не верил этому. Но теперь, видя, сколь вы могучи, я не могу не прийти к воротам вашего дома, иначе мне суждено вовеки быть посмешищем в глазах великих мужей!”

— С лягушкой, живущей в колоде, не поговоришь об океане, ведь она привязана к своей дыре, — ответил Дух Океана Жо. — Летней мошке не объяснишь, что такое лед, ведь она стеснена сроком ее жизни. С ограниченным ученым ⁹³ не поговоришь о Великом Пути — ведь он скован своим учением. Ты сейчас вышел из своих берегов, увидел великий Океан и понял свою ничтожность. Значит, с тобой теперь можно толковать о великой истине.

В мире нет воды большей, чем Океан. Все потоки земли днем и ночью вливаются в него, а он не переполняется. С незапамятных времен через проход Вэйлюй из него выливается вода, а он не мелет. Ни весной, ни осенью не меняется в нем уровень вод, не ведает он ни потопа, ни засухи. Невозможно даже сосчитать, во сколько раз он больше самых больших рек! И если я сам никогда не находил в этом повода для гордости, то потому лишь, что, объятый Небом и Землей и питаемый силами Инь и Ян, я в этом огромном мире — все равно что камешек или кустик на большой горе. Если я столь ничтожен перед лицом мира, как могу требовать многого для себя? Но перед Небом и Землей даже весь мир в пределах четырех морей — все равно, что муравьиная кочка среди огромного болота. А Срединная страна на этом свете — не более чем рисовое зернышко среди просторного амбара. Мы говорим, что вещей в мире “бесчисленное множество”, а человек — лишь одна из них. И перед лицом этого великого разнообразия вещей разве не кажется он всего лишь крохотной волосинкой на теле лошади? Все то, ради чего передавали друг другу власть Пять Царей, боролись за главенство Три Правителя ⁹⁴, чему посвящали свои помыслы человеколюбивые мужи, а мужи ответственные — свои труды, вполне в этом уместается! Бои, отвергнувший эту малость, прославился в веках, а Конфуций, рассуждавший о ней, прослыл великим ученым. Эти люди считали себя величайшими мужами земли. Но не таков ли и ты сам, посчитавший себя величайшей пучиной мироздания?

— В таком случае должен ли я считать великими Небо и Землю, а малым — кончик волоска? — спросил Хэбо.

— Нет, — ответил Дух Океана Жо, — среди вещей мера не имеет устойчивого значения, время не знает остановки, границы вещей непостоянны, начала и концы не установлены раз и навсегда. Вот почему мудрые люди охватывают взором разом далекое и близкое и поэтому не считают малое ничтожным, а большое — великим. Ибо знание меры вещей само не имеет конца. Эти люди досконально постигли и прошлое, и настоящее, а потому привольно странствуют сердцем в беспредельном просторе. Они не таятся за недостижимым, ибо знают, что время не останавливается ни на миг. Зная о незыблемом порядке наполнения и опустошения, они не радуются, обретя что-либо, ибо удел наш непостоянен. Они ясно понимают неизменный Путь, а потому не радуются жизни и не горюют о смерти, зная, что начала и концы спутаны и ненадежны. Прикинь-ка, много ли человек знает? Его знания не сравнятся с тем, что ему неизвестно. А время его существования не сравнится со временем его несуществования. Тот, кто, опираясь на крайне малое, пытается постичь крайне большое, обязательно впадет в заблуждение и останется навеки неудовлетворенным. Если вот так смотреть на вещи, то откуда мне знать, можно ли считать кончик волоска образцом предельно малого, а Небо и Землю — образцом предельно большого?

— В мире любители рассуждать говорят: “Мельчайшее лишено формы, величайшее нельзя охватить” ⁹⁵. Это верно?

— Если на великое смотреть, исходя из малого, то оно покажется беспредельным. А если на малое смотреть, исходя из великого, то оно покажется незаметным. Ведь внутренняя сущность — это неразличимо-мелкое, а внешний предел — это необозримо-великое. Следовательно, различие между ними есть не более чем условность: все зависит от того, с какой стороны посмотреть. И тонкое, и грубое присутствуют в каждой форме. Бесформенное же не поддается делению, а необъятное нельзя исчерпать счетом. То, о чем можно поведать словами, — это грубая сторона вещей. То, что может быть постигнуто мыслью, — это тонкая сторона вещей. А то, о чем нельзя поведать словами и что не может быть постигнуто мыслью, не относится ни к грубому, ни к тонкому.

Посему великий человек деяниями своими не причиняет вреда людям, но и не выделяется пристрастием к человечности и долгу. Он усердствует не ради выгоды и не презирает обязанности даже презренного привратника, к богатству не стремится, но и от дел насущных не бежит; живет, не пользуясь услугами других, но и не стремится непременно кормить себя сам, а на подлых и алчных не смотрит свысока. Поведением своим он не похож на простых людей, но и не мечтает стоять над ними. Он живет “как

все” и не восстает против пустословия и обмана. Все награды и чины мира не вскружат ему голову, все унижения и наказания мира не опозорят его, ибо он знает, что истинное и ложное невозможно отделить друг от друга и невозможно провести границу между великим и малым. Я слышал такие слова: “Человек Пути остается безвестным. Человек совершенных свойств ничем не владеет. Великий человек лишен самого себя”. Вот высшая истина человеческой судьбы.

— Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым — вне вещей или внутри их? — спросил Хэбо.

— Если смотреть на это, исходя из Пути, то вещи не ценны и не ничтожны, — ответил Дух Океана Жо. — А если смотреть на это, исходя из вещей, то сами себя они считают ценными, а всех прочих ничтожными. Если смотреть на это, исходя из обычая, то граница между ценным и ничтожным не зависит от самих вещей. Если смотреть на это, исходя из различий между вещами, и считать великим лишь то, что кажется великим, тогда среди вещей не окажется ни одной, которая не была бы великой. А если считать малым лишь то, что кажется таковым, тогда среди вещей не окажется ни одной, которая не была бы малой. Если знать, что Небо и Земля — как просяное зернышко, а кончик волоска — как высокая гора, тогда станут понятны и различия в величине вещей. Если смотреть на это, исходя из заслуг, и считать имеющими заслуги лишь тех, кто сам себя таковым считает, тогда в мире не будет вещей, которые не имели бы заслуг. А если не считать имеющими заслуги тех, кто сам себя таковым не считает, то в мире не останется вещей, которые имели бы заслуги. Если знать, что восток и запад друг другу противостоят, но не могут быть друг без друга, тогда каждая вещь займет свое место. Если смотреть на это, исходя из наклонностей, и считать правильными тех, кто сам их считает таковыми, тогда в мире не будет вещей, наклонности которых были бы неправильны. А если считать неправильными наклонности тех, кто сам их считает таковыми, тогда в мире не будет вещей, наклонности которых были бы правильны. Если знать, что и мудрец Яо, и злодей Цзе считали себя правыми, а другого неправым, тогда истоки разных наклонностей проявляются воочию.

В стародавние времена Яо по своей воле уступил престол Шуню, и тот стал великим царем, а Куай уступил престол Чжи, и тот бесславно сгинул. Тан и У оспаривали престол и стали правителями, а Богун оспаривал престол — и погиб. Если судить по этим примерам, соперничество за престол или отказ от него, поведение мудрого Яо или злодея Цзе могут быть подходящими или неподходящими в зависимости от обстоятельств, а потому и значение их изменчиво. Тараном можно пробить крепостную стену, но им нельзя заткнуть брешь — стало быть, у этого орудия есть свой особый способ применения. Скакун Хуалю⁹⁶ пробегал за день тысячу ли, но в ловле мышей он, конечно, не сравнился бы с дикой кошкой — стало быть, у этого животного были свои особые способности. Сова ночью поймает даже блоху и увидит кончик волоска, а среди бела дня таращит глаза и не видит даже горы — стало быть, у нее особенная природа. Поэтому сказать: “Почему бы не поступать только по истине и не отвергать неправду, стремиться к порядку и отвергать беспорядок?” — означает не понимать законов Неба и Земли и сущности вещей. Это все равно, что признавать только Небо и отвергать Землю, признавать силу Инь и отвергать силу Ян. Ясно, что так поступать нельзя. А если кто-нибудь все же продолжает на этом настаивать, тот или дурак, или лжец. Древние правители отрекались от престола при разных обстоятельствах, и Три Династии при разных же обстоятельствах наследовали друг другу. Того, кто не умел правильно выбрать время и поступал вопреки тогдашним нравам, люди называли узурпатором. А того, кто правильно выбирал время и следовал обычаю, люди называли человеком долга. Молчи, Хэбо! Откуда тебе знать, где врата к славе и где — к позору, какое учение великое, а какое — ничтожное?

— Но если так, то что же мне делать, а чего не делать? — спросил Хэбо. — На каком основании могу я что-то принимать или отбрасывать, к чему-то стремиться и от чего-то бежать?

— Если смотреть на вещи, исходя из Пути, то окажется, что в мире нет ни ценного, ни ничтожного, а есть только “возвращение к истоку”. Не ограничивай свои устремления, ведь так ты лишь воздвигнешь преграды на своем пути. В мире нет ни малого, ни великого, а есть лишь “уступление в круговороте”. Будь же величественно-строг, словно царь земли, не выказывающий пристрастий. Будь благостен, словно божество земли, не ищущее счастья для себя. Будь всеобъятен, как весь белый свет, и нигде не ставь себе пределов. Обними все вещи одинаково — какая же из них заслуживает прежде других твоей благосклонности? Это называется “быть открытым всем пределам”. Все вещи в мире уравниваются в Едином — какие же из них хуже, а какие лучше?

У Пути нет ни конца, ни начала,
А все живое рождается и умирает.
Неведомо нам совершенство:
Что нынче пусто, завтра будет полным.
Не даны навеки формы вещам.
Не задержать вереницу лет.
Не остановить времени бег.
Упадок и расцвет, изобилие и скудость:
Приходит конец — и снова грядет начало!

Вот слова, раскрывающие смысл великой справедливости мироздания и закон всех вещей! Жизнь всех вещей — как скачка на коне: ни одного движения без перемен, ни одного мига без изменений! Что нам делать и чего не делать? Оставь! Все само собою свершится!

— Но коли так, то что же ценного в Пути?

— Познавший Путь непременно постиг порядок природы, постигший же порядок природы непременно осознает равновесие вещей. А тот, кто осознает равновесие вещей, ничем не навредит себе. Человек совершенных качеств в огне не сгорит и в воде не утонет; ему холод и жара не страшны, его звери и птицы не погубят. Это не значит, что ему все нипочем. Я говорю о том, что он умеет отличать опасное от безопасного, покоен в счастье и несчастье, осмотрителен в сближении и отдалении, и поэтому ничто в мире не может ему навредить. Сказано ведь: “Небесное — внутри, человеческое — вовне”. А жизненная сила пребывает в Небесном. Тот, кто знает деяния Неба и Человека, тот укоренится в Небесном и сам себя обретет:

Вперед и назад, растягиваясь и сжимаясь,
Он вернется к основе и оповестит о великом ⁹⁷.

— Но что же такое небесное и что такое человеческое?

— У быков и коней по четыре ноги — это зовется небесным. Узда на коня и кольцо в носу у быка — это зовется человеческим. Поэтому говорится: “Не губи небесное человеческим, не губи своим умом собственной судьбы, не губи доброе имя своей алчностью”. Строго блюди эти заповеди и никогда от них не отступай, — и ты, что называется, “возвратишься к подлинному”.

Одноногий Куй ⁹⁸ завидовал Сороконожке, Сороконожка завидовала Змее, Змея завидовала Ветру, Ветер завидовал Глазу, а Глаз завидовал Сердцу.

Куй сказал Сороконожке: “Я передвигаюсь, подпрыгивая на одной ноге, и нет ничего проще на свете. Тебе же приходится передвигать десять тысяч ног, как же ты с ними управляешься?”

— А чему тут удивляться? — ответила Сороконожка. — Разве не видел ты плюющего человека? Когда он плюет, у него изо рта вылетают разные капли — большие, как жемчуг, или совсем маленькие, словно капельки тумана. Вперемешку падают они на землю, и сосчитать их невозможно. Мною же движет Небесная Пружина во мне, а как я передвигаюсь, мне и самой неведомо.

Сороконожка сказала Змее: “Я передвигаюсь с помощью множества ног, но не могу двигаться так же быстро, как ты, хотя у тебя ног вовсе нет. Почему так?”

— Мною движет Небесная Пружина во мне, — ответила Змея. — Как могу я это изменить? Для чего же мне ноги?

Змея говорила Ветру: “Я передвигаюсь, сгибая и распрямляя позвоночник, ибо у меня есть тело. Ты же с воем поднимаешься в Северном Океане и, все так же завывая, несешься в Южный Океан, хотя тела у тебя нет. Как это у тебя получается?”

— Да, я с воем поднимаюсь в Северном Океане и лечу в Южный Океан. Но если кто-нибудь тронет меня пальцем, то одолеет меня, а станет топтать ногами — и сомнет меня. Пусть так — но ведь только я могу ломать могучие деревья и разрушать огромные дома. Вот так я превращаю множество маленьких непобед в одну большую победу. Только истинно мудрый способен быть великим победителем!

Чжуан-цзы удил рыбу в реке Пушуй, а правитель Чу прислал к нему двух своих сановников с посланием, и в том послании говорилось: “Желаю возложить на Вас бремя государственных дел”.

Чжуан-цзы даже удочки из рук не выпустил и головы не повернул, а только сказал в ответ: “Я слышал, что в Чу есть священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правитель завернул ее в тонкий шелк, спрятал в ларец, а ларец тот поставил в своем храме предков. Что бы предпочла эта черепаха: быть мертвой, но чтобы поклонялись ее костям, или быть живой, даже если ей пришлось бы волочить свой хвост по грязи?”

Оба сановника ответили: “Конечно, она предпочла бы быть живой, даже если ей пришлось бы волочить свой хвост по грязи”.

— Уходите прочь! — воскликнул Чжуан-цзы. — Я тоже буду волочить хвост по грязи!

Хуэй-цзы был первым советником в царстве Ляп, и Чжуан-цзы захотел навестить его. Кто-то сказал Хуэй-цзы: “К вам едет Чжуан-цзы. Он хочет сменить вас на посту первого советника”. Хуэй-цзы очень испугался и приказал искать Чжуан-цзы по всему царству. И Чжуан-цзы искали три дня и три ночи. Чжуан-цзы приехал к Хуэй-цзы и сказал: “На юге живет птица, которую зовут Юаньчу. Ты знаешь об этом? Она взмывает ввысь в Южном Океане и летит в Северный Океан. Она отдыхает только на вершинах платанов, питается только плодами бамбука и пьет только ключевую воду. Однажды некая сова нашла дохлую крысу. Когда птица Юаньчу пролетала над ней, сова подняла голову и угрожающе заухала. Не хочешь ли ты погрозить мне своим царством?”

Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались по мосту через Реку Хао.

Чжуан-цзы сказал: “Как весело играют рыбки в воде! Вот радость рыб!”

— Ты ведь не рыба, — сказал Хуэй-цзы, — откуда тебе знать, в чем радость рыб?

— Но ведь ты не я, — ответил Чжуан-цзы, — откуда же ты знаешь, что я не знаю, в чем заключается радость рыб?

— Я, конечно, не ты и не могу знать того, что ты знаешь. Но и ты не рыба, а потому не можешь знать, в чем радость рыб, — возразил Хуэй-цзы.

Тогда Чжуан-цзы сказал: “Давай вернемся к началу. Ты спросил меня: Откуда ты знаешь радость рыб? Значит, ты уже знал, что я это знаю, и потому спросил. А я это узнал, гуляя у реки Хао”⁹⁹.

Когда Конфуций был в царстве Куан, люди Сун окружили его в несколько рядов, но он беспрерывно пел и перебирал струны своей лютни.

— Отчего вы, учитель, веселитесь? — спросил его Цзы-лу.

— Подойди, я скажу тебе, — ответил Конфуций. — Давно уже ждал я беды и не смог избежать ее — такова судьба. Давно уже ожидал я удачи, но не достиг ее — такие уж времена. При Яо и Шуне в Поднебесной не было неудачников, успеха же добивались не знаниями. При Чжоу и Цзе не было людей удачливых, и случилось так не из-за отсутствия знаний. Таковы веления времени. На воде не избегать встречи с драконом — таково мужество рыбака. На суше не избегать встречи с тигром — таково мужество охотника. Выйти навстречу протянутому клинку и встретить смерть, как жизнь, — таково мужество героя. Знать, что неудача происходит от судьбы, знать, что успех зависит от времени, и бестрепетно встретить великую беду — таково мужество мудрого. Останься же со мною! Участь моя решена!

Но в скором времени подошел воин, отвесил прощальный поклон и сказал:

— Вас приняли за Ян Ху, поэтому и окружили. Мы снимаем осаду и тотчас уходим¹⁰⁰.

Гуньсунь Лун спросил у вэйского царя Моу:

“Я с детства изучал путь древних царей, а в зрелые годы постиг смысл человечности и долга. Я научился объединять “подобное” и “различное”, разделять “твердость” и “белизну”, превращать утверждение в отрицание, а возможное — в невозможное. Я поверг в смущение все сто школ и превзошел в красноречии всех спорщиков. Я полагал, что никто в целом свете не сравнится со мной в учености. Ныне же я услышал речи Чжуан-цзы и пребываю в великом изумлении. Не могу понять, то ли я уступаю ему в умении рассуждать, то ли знания мои не столь обширны, как у него. Теперь я и рта не смею раскрыть. Позвольте спросить, в чем тут дело?”

Царь Моу облокотился о столик, медленно вздохнул и, глядя в небо, рассмеялся. “Разве ты не слышал про лягушку, которая жила в глубоком колодце? — сказал он. — Эта лягушка однажды сказала черепахе, обитавшей в Восточном Океане: “В моей жизни так много удовольствий! Когда я хочу прогуляться, я вылезая на перила колодца. Вернувшись к себе, я отдыхаю на отвалившейся от стенки черепице. Если я хочу купаться, я прыгаю в воду, и она доходит мне до самой шеи. А когда я выхожу на берег, моя нога погружается в грязь по самую щиколотку. Ни вьющаяся вокруг мошкара, ни крабы, ни жабы не имеют таких удовольствий. Поистине обладать целой лужей воды и глубоким колодцем, в котором я могу делать все, что пожелаю, — это вершина счастья! Почему бы вам не прийти ко мне в гости, не посмотреть, как я живу?”

Не успела черепаха из Восточного Океана ступить в колодец левой ногой, как ее правая нога уже застряла там. Пришлось ей отползти назад, и тут она рассказала лягушке про свой океан:

“Даже расстояние в тысячу ли не даст представления о том, как широк Океан, в котором я живу, а расстояние в восемь тысяч ли не даст представления о том, сколь глубок этот Океан, — сказала она. — Во времена царя Юя за десять лет случилось девять наводнений, но вода в Океане не поднялась. При царе Тане за восемь лет было семь засух, но воды в Океане не убывало. Не быть увлекаемым потоком в часы приливов и отливов, не чувствовать волнения, когда вода прибывает или убывает, — такова радость жизни в Восточном Океане”.

Тут лягушку из колодца прямо оторопь взяла, и она лишилась дара речи. Ну а тебе, не умеющему распознать даже границу между истинным и ложным, пытаться уразуметь слова Чжуан-цзы — все равно, что комару снести на себе гору или сороконожке перебраться через Желтую Реку. Такая задача тебе не по плечу. И тот, кто, не умея распознать смысл утонченнейших речей, старается, как можно выгоднее для себя устроиться в жизни, не похож разве на ту лягушку из колодца?

А еще скажу тебе, что тот человек спускался в страну Желтых источников и возносился до самого неба. Он странствует привольно всюду, не разбирая ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, и проникает в Сокровенное, возвращается к Всепроницающему. Ты же в своей слепоте ищешь по заданным правилам, разделяешь посредством доказательств. Ты подобен человеку, который смотрит на небо через трубочку и целится шилом в землю. Какая мелочность! Уходи прочь от меня! И помни: однажды какой-то парень из Шоулина вздумал подражать ходокам из Хань-дана. Тамошнее искусство он не перенял, а по-своему ходить тоже разучился, так что пришлось ему ползти домой на локтях и коленях. Лучше тебе уйти сейчас, а не то ты чужому искусству не научишься и свое потеряешь!”

Тут Гуньсунь Лун от удивления даже рот раскрыл и язык высунул. Вот так он и побежал прочь.

Глава XVIII

ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ ¹⁰¹

Есть ли в Поднебесном мире высшее счастье? Можно ли сполна прожить свою жизнь? Что нужно делать, на что уповать? Чего избегать, чем заниматься? К чему стремиться, от чего отказываться? Что любить и что ненавидеть?

В Поднебесной ценят богатство, знатность, долголетие и добрую славу, любят покой, изысканные яства, роскошные одежды, красивые цветы и ласкающие слух звуки. Ненавидят же бедность и унижение, преждевременную смерть и дурную славу и страдают, когда нет ни покоя, ни изысканных яств, ни роскошных одежд, ни красивых цветов, ни ласкающих слух звуков. Если люди лишены всего этого, они впадают в уныние и печаль. Но нет ничего глупее, чем угождать лишь прихотям плоти!

Богачи, изнуряя себя тяжкими трудами, накапливают столько сокровищ, что не успевают воспользоваться ими, да и к радостям плоти эти богатства ничего не прибавляют. Знатные мужи днями и ночами пекутся о своей добродетели, но их добродетель и подавно ничего не прибавляет к радостям тела. Человек печалится с самого своего рождения, а прожив долгую жизнь, впадает в помрачение. Как горько столь долго страдать, не умирая! И все, что делает человек в жизни, так чуждо ему!

В Поднебесной высоко ставят доблесть героев, однако их доблесть не помогла им себя уберечь. И я не знаю, воистину ли это доблесть, или она на самом деле неистинна? Если счастье это доблестью, то ее недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не счастье ее доблестью, то ее достаточно, чтобы сохранить жизнь другим. Поэтому говорят: “Когда искренним наставлениям не внемлют, сиди спокойно и не спорь”. Вот и У Цзысуй стал спорить и погубил себя. Но если бы он не соперничал, то и славы бы не заслужил. Так существует ли в действительности доблесть?

Не знаю, является ли на самом деле счастьем то, что люди нынче почитают за счастье. Вижу я, что счастье в мире — это то, о чем все мечтают, чего все добиваются и без чего жить не могут. А я и не знаю, счастье ли это, но также не знаю, есть ли это несчастье. Так существует ли на свете счастье? Для меня настоящее счастье — надеяние, а толпа считает это мучением. Поэтому сказано: “Высшее счастье — отсутствие счастья. Высшая слава — отсутствие славы”.

Хотя в мире, в конце концов, нельзя установить, где истина, а где ложь, в надеянии можно определить истинное и ложное. Высшее счастье — это сама жизнь, и только Надеяние позволяет достичь его. Попробую сказать об этом. Небо благодаря Надеянию становится чистым; Земля благодаря Надеянию становится покойной ¹⁰². Когда Надеяние Неба пребывает в согласии с Надеянием Земли, свершаются превращения всех вещей. Неразличимое, смутное — неведомо откуда исходит! Смутное, необозримое — лишнее образа! Все сущее в своем великом изобилии произрастает из Надеяния. Поэтому сказано: “Небо и Земля ничего не делают, но не остается ничего несделанного”. Кто же среди людей способен претворить Надеяние?

У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакивать. Чжуан-цзы сидел на корточках и распевал песню, ударяя в таз. Хуэй-цзы сказал: “Не оплакивать покойную, которая прожила с тобой до старости и вырастила твоих детей, — это чересчур. Но распевать песни, ударяя в таз, — просто никуда не годится!”

— Ты не прав, — ответил Чжуан-цзы. — Когда она умерла, мог ли я поначалу не опечалиться? Скорбя, я стал думать о том, чем она была вначале, когда еще не родилась. И не только не родилась, но еще не была телом. И не только не была телом, но не была даже дыханием. Я понял, что она была рассеяна в пустоте безбрежного Хаоса. Хаос превратился — и она стала Дыханием. Дыхание превратилось — и стало Телом. Тело превратилось — и она родилась. Теперь настало новое превращение — и она умерла. Все это сменяло друг друга, как чередуются четыре времени года. Человек же схоронен в бездне превращений, словно в покоях огромного дома. Плакать и причитать над ним — значит не понимать судьбы. Вот почему я перестал плакать.

Когда Чжуан-цзы пришел в земли Чу, он наткнулся на голый череп, уже побелевший от времени, но еще крепкий.

Хлестнув череп плеткой, Чжуан-цзы стал расспрашивать его: “Довела ли вас, учитель, до этого безрассудная привязанность к жизни? Или вы служили побежденному царству и сложили голову на плахе? Довели ли вас до этого беспутная жизнь и поступки, опозорившие ваших родителей, жену и детей? Довел ли вас до этого голод и холод? Или, может быть, вас довела до этого тихая смерть, пришедшая после долгих лет жизни?”

Так Чжуан-цзы поговорил с черепом, а потом положил его себе под голову и лег спать. В полночь череп явился ему во сне и сказал: “Ты говорил, как любитель попусту рассуждать. В речах твоих отобразились заботы живых людей. Умершим они неведомы. Желаешь ли ты выслушать глас мертвого?”

— Да, — сказал Чжуан-цзы.

— Ну так слушай. Для мертвого нет ни государя наверху, ни подданных внизу, ни времен года. Безмятежно следует он круговороту Неба и Земли, и даже утехи державного владыки не сравнятся с его счастьем.

Чжуан-цзы не поверил этим словам и спросил: “А хочешь, я велю Владыке судеб¹⁰³ вернуть тебя к жизни, снова дать тебе тело, воскресить твоих родителей, жену и детей, друзей и соседей?”

Череп словно бы нахмурился грозно и сказал: “Да разве сменю я свое царственное счастье на человеческие тяготы!”

Когда Янь Хой уехал в восточное царство Ци, Конфуций выглядел опечаленным. Цзы-Гун поднялся со своего сиденья и спросил: “Ваш ученик осмелится спросить, почему вы, учитель, так печалитесь с тех пор, как Хой уехал в Ци?”

— Ты задал хороший вопрос! — ответил Конфуций. — Когда-то Гуань-цзы произнес слова, которые мне очень нравятся: “В маленький мешочек не вложишь большую вещь. Короткой веревкой ничего не достанешь с глубины”. Это значит, что каждому из нас уготовано свершить в мире столько, сколько мы можем, — и не более того. Боюсь, что Хой станет беседовать с правителем Ци о пути Яо, Шуня и Желтого Владыки и ссылаться на слова царей Суйжэня и Шэньнуна. Государь начнет искать в себе то, чего в нем нет. Не найдя того, что он ищет, он впадет в растерянность. А если человек, у которого вы служите советником, пребывает в растерянности, вам грозит неминуемая смерть.

Не приходилось ли тебе слышать историю о том, как в окрестности столичного города Лу залетела морская птица? Правитель Лу по этому случаю устроил пир у алтарей предков, исполнил мелодии Девять шао, преподнес птице лучшее мясо от жертвоприношения нюйлао. А птица сидела, вытаращив глаза, и не съела ни куска мяса, не выпила ни глотка воды. Через три дня она околела. Так получилось оттого, что правитель Лу на самом деле заботился о себе, а не о птице. Тот, кто действительно хотел сделать птице добро, пустил бы ее на волю в густые леса, позволил бы ей плавать на озерах и реках, кормил бы ее водной живностью, дал бы ей жить так, как ей хочется. Для той птицы не было ничего ненавистнее, чем слышать человеческие голоса — ведь они кажутся ей бессмысленным гомоном! Попробуй сыграть мелодии Сяньчи на просторах озера Дунтин, и птицы, заслышав эту музыку, взметнутся в небеса, звери убегут в лес, рыбы уйдут в глубину. Люди же, наоборот, соберутся послушать. Рыба, находясь в воде, живет в свое удовольствие, а человек, попав под воду, погибает. Они так отличаются друг от друга потому, что у них совсем разные потребности. Вот почему древние мудрецы не думали, что у людей одинаковые способности, и не давали людям одинаковых заданий. В те времена имена зависели от обстоятельств, должное определялось возможным. Вот что означает поговорка: “Как ветви расходятся во все стороны, как спицы сходятся в ступице колеса”.

Отрешенный и Забывчивый осматривали Курган Сокровенной Мудрости, где покоится прах Желтого Владыки. Вдруг на левом локте у Забывчивого вскочила опухоль, и Забывчивый изумленно уставился на нее.

— Страшно тебе? — спросил Отрешенный.

— Нет, чего мне страшиться? — ответил Забывчивый. — Ведь наша жизнь дана нам взаимно. Взяли ее в долг — и живем, а живущие — прах. Жизнь и смерть — как день и ночь. Мы с тобой посетили того, кто уже прошел превращение, а теперь превращение коснулось меня. Чего же мне страшиться?

Путешествуя, Ле-цзы заметил у дороги череп вековой давности. Раздвинув бурьян, он указал на него пальцем и сказал: “Только ты и я понимаем, что нет ни жизни, ни смерти. Нужно ли печалиться о тебе? Нужно ли радоваться обо мне?”

В семенах есть зародыши. Попадая в воду, они становятся ряской, на границе воды и суши они превращаются в “лягушачью кожу”, в полях же они становятся подорожником. Когда подорожник попадает на плодородную почву, он превращается в “воронью лапку”. Корни вороньей лапки превращаются в земляных червей, а ее листья — в бабочек. Бабочки тоже претерпевают превращения и становятся насекомыми, которые плодятся у очага и выглядят так, словно они сбросили свою кожу. Зовут их цюйдао. Через тысячу дней цюйдао превращается в птицу ганьюйгу. Слюна птицы ганьюйгу становится (насекомым) сыми, а сыми превращается в существо илу, живущее в винном уксусе.

Насекомое илу рождается от насекомого хуанхуан, а хуанхуан рождается из насекомых цзюю. Насекомые фу-цюань рождаются из насекомых маожуй. Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, уже не дающим побегов, рождает насекомое циннии. Циннин порождает леопарда, леопард порождает коня, конь порождает человека, а человек снова возвращается в зародыши. “Вся тьма вещей происходит из мельчайших зародышей и в них возвращается”.

Глава XIX

ПОСТИГШИЙ ЖИЗНЬ ¹⁰⁴

Постигший сущность жизни не утруждает себя ничемными делами. Постигший сущность судьбы не утруждает себя делами, не ниспосланными судьбой. Чтобы поддерживать в теле жизнь, нужно опираться на разные вещи, но бывает так, что вещи имеются в избытке, а жизнь в теле поддержать невозможно. Чтобы сохранить себе жизнь, нужно прежде не лишаться своего тела, но бывает так, что тела не лишаются, а жизнь оказывается загубленной. Приход жизни нельзя отвергнуть, ее уход нельзя остановить. Как это прискорбно! Люди в свете полагают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, а ведь, сколько ни питайся, жизнь свою, в конце концов, не сбережешь. Однако же в свете считают, что этого достаточно, и даже не знают, как жить по-другому.

Тому, кто хочет избавиться от забот о своем теле, лучше всего покинуть свет. Кто уйдет от света, тот избавится от тягот. А кто избавлен от тягот, тот душой прям и ровен. Кто душой прям и ровен, умеет жить каждодневным обновлением. А кто живет каждодневным обновлением, тот уже близок к правде. Заслуживают ли земные дела того, чтобы их отбросить, а жизнь — того, чтобы ее оставить? Отбросивший дела не утруждает себя. Оставивший жизнь неувядаем духом. Кто телом целостен и вернулся к полноте духа, тот станет единым с Небом. Небо и Земля — отец-мать всех вещей. Соединяясь, они создают тело. Разъединяясь, они кладут начало новой жизни. Когда и тело, и дух вечно живут, это называется “способностью перенести себя” ¹⁰⁵. В духовном стяжай еще более духовное — и тогда станешь опорой Небес.

Учитель Ле-цзы спросил у Гуань-иня: “Высший человек идет под водой — и не захлебывается, ступает по огню — и не обжигается, воспаряет над всем миром — и не пугается. Позвольте спросить, как этого добиться?”

— Этого добиваются не знаниями и ловкостью, а сохраняя чистоту жизненной силы, — ответил Гуань-инь. — Присядь, я расскажу тебе. Все, что обладает формой и образом, звучанием и цветом, — это вещи. Чем же отличаются друг от друга вещи и чем превосходят они друг друга? Formой и цветом — только и всего! Ведь вещи рождаются в Бесформенном и возвращаются в Неизменное. Какие могут быть преграды тому, кто это постиг? Такой человек пребывает в Неисчерпаемом и хоронит себя в Беспредельном, странствует у конца и начала всех вещей. Он бережет цельность своей природы, пестует свой дух и приводит к согласию свои жизненные силы, дабы быть заодно с творением всего сущего. Небесное в нем сберегается в целостности, духовное в нем не терпит ущерба. Как же могут задеть его внешние вещи?

Вот и пьяный, упавший с повозки, может удариться сильно, а до смерти не убьется. Тело у него такое же, как у других, а ушибется он по-особому — ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с нее, мечты о жизни и страх смерти не гнездились в его груди, и вот он, столкнувшись с каким-либо предметом, не ведает страха. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу? Мудрый хоронит себя в небесном, и потому ничто не может ему повредить.

По дороге в царство Чу Конфуций вышел из леса и увидел Горбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли.

— Неужто ты так искусен? Или у тебя есть Путь? ¹⁰⁶ — спросил Конфуций.

— У меня есть Путь, — ответил Горбун. — В пятую-шестую луну, когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарики. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я не упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти, а если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветки. И в целом огромном мире, среди всей тьмы вещей, меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могут ли я не добиться желаемого?

Конфуций повернулся к ученикам и сказал: “Помыслы собраны воедино, дух безмятежно-покоен...” Не об этом ли Горбуну сказано такое?

Янь Хой сказал Конфуцию: “Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик управлял лодкой, словно всемогущий Бог. Я спросил его: “Можно ли научиться управлять лодкой?” “Можно, — ответил он. — Это легко может сделать хороший пловец, а если он к тому же и ныряльщик, то научится управлять лодкой, даже не видя ее в глаза”. Я спросил его еще, но он не захотел говорить со мной. Позвольте спросить, что это значит?”

— Когда перевозчик сказал, что его искусству легко может научиться хороший пловец, он имел в виду, что такой пловец забывает про воду, — ответил Конфуций. — А когда он сказал, что ныряльщик может научиться его искусству, даже не видя лодку в глаза, он говорил о том, что для такого человека водная пучина — все равно, что суша и перевернуться в лодке — все равно, что упасть с повозки. Пусть перед ним опрокидывается и перевертывается все, что угодно, — это не поколеблет его спокойствия. Что бы с ним ни случилось, он будет безмятежен!

В игре, где ставят на черепицу, ты будешь ловок. В игре, где ставят на поясную пряжку, ты будешь взволнован. А в игре, где ставят на золото, ты потеряешь голову. Искусство во всех случаях будет одно и то же, а вот внимание твое перейдет на внешние вещи. Тот, кто внимателен к внешнему, неискусен во внутреннем.

Конфуций сказал: “Не уходить, а быть неприметным, не выступать вперед, а быть на виду, неколебимо стоять в середине — кто усвоит эти три доблести, стяжает высшую славу. Но перед опасной дорогой, на которой из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья друг друга предостерегают и осмеливаются выступать лишь в сопровождении воинов и слуг. Не есть ли это знание об опасностях, подстерегающих человека? А не знать, что в предостережениях нуждаются и те, кто возлежат на цинковках и предаются чревоугодию, — это тоже большое заблуждение!”

Цзи Син-цзы растил бойцовского петуха для государя. Прошло десять дней, и государь спросил: “Готов ли петух к поединку?”

— Еще нет. Ходит заносчиво, то и дело впадает в ярость, — ответил Цзи Син-цзы.

Прошло еще десять дней, и государь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет, — ответил Цзи Син-цзы. — Он все еще бросается на каждую тень и на каждый звук.

Минуло еще десять дней, и царь вновь спросил о том же.

— Пока нет. Смотрит гневно и силу норовит показать.

Спустя десять дней государь опять спросил о том же.

— Почти готов, — ответил на этот раз Цзи Син-цзы. — Даже если рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали — словно из дерева вырезан. Жизненная сила в нем достигла завершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь.

Краснодеревщик Цин вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была закончена, все изумились: рама была так прекрасна, словно ее сработали сами боги. Увидел раму правитель Лу и спросил: “Каков секрет твоего искусства?”

— Какой секрет может быть у вашего слуги — мастера человека? — отвечал краснодеревщик Цин. — А впрочем, кое-какой все же есть. Когда ваш слуга задумывает вырезать раму для колоколов, он не смеет попусту тратить свои духовные силы и непременно постится, дабы упокоить сердце. После трех дней поста я избавляюсь от мыслей о почестях и наградах, чинах и жалованье. После пяти дней поста я избавляюсь от мыслей о хвале и хуле, мастерстве и неумении. А после семи дней поста я достигаю такой сосредоточенности духа, что забываю о самом себе. Тогда для меня перестает существовать царский двор. Мое искусство захватывает меня всего, а все, что отвлекает меня, перестает существовать для меня. Только тогда я отправляюсь в лес и вглядываюсь в небесную природу деревьев, стараясь отыскать совершенный материал. Вот тут я вижу воочию в дереве готовую раму и беру за работу. А если работа не получается, я откладываю ее. Когда же я тружусь, небесное соединяется с небесным — не оттого ли работа моя кажется как бы божественной?

Плотник Чуй чертил от руки точнее, чем с помощью циркуля и угольника, его пальцы следовали превращениям вещей и не зависели от его мыслей и желаний. Поэтому его сознание всегда было целым и не знало никаких преград. Мы забываем о ноге, когда сандалии нам впору. Мы забываем о пояснице, когда пояс халата не жмет. Мы забываем о “правильном” и “неправильном”, когда наш ум нам не мешает. И мы не меняемся внутри и не влечемся за внешними вещами, когда нам не мешают наши дела. Не иметь дел с самого начала и никогда не иметь их потом — значит не создавать себе помех даже забвением помех.

Конфуций любовался водопадом в Люйляне. Вода в нем низвергалась с высоты тридцати сажень, река вокруг пенилась на расстоянии сорока ли. В те места не осмеливались заплывать ни рыбы, ни черепахи. Вдруг Конфуций увидел в бурных волнах плывущего человека. Решив, что кто-то задумал таким образом покончить с жизнью, он послал учеников спасти несчастного. Но в ста шагах вниз по течению незнакомец сам вышел на берег и пошел вдоль реки, распустив волосы и весело напевая. Конфуций догнал его и спросил:

— Я думал поначалу, что передо мной дух, а теперь вижу, что вы — живой человек. Позвольте спросить, есть ли у вас, великого пловца, свой Путь?

— О нет, у меня нет Пути. Я начал с того, что было мне дано от рождения, вырос в том, что угодно моей природе, и достиг зрелости в том, что является моей судьбой. Я вхожу в воду с течением, увлекающим на середину реки, и выхожу с течением, несущим к берегу. Я следую движению вод и не навязываю волнам свою волю. Вот как я удерживаюсь на плаву.

— Что значит “начать с того, что дано от рождения, вырасти в том, что угодно природе, и достичь зрелости в том, что является судьбой”?

— Я родился на суше и чувствую себя покойно на суше — вот что значит “данное от рождения”. Я вырос в воде и чувствую себя покойно в воде — вот что значит “вырасти в том, что угодно природе”. И я живу так, не ведая, почему я таков, — вот что значит “достичь зрелости в том, что является судьбой”.

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Вэй-гуном, и царь спросил его:

— Я слышал, вы учились у Чжу Шэня. Что узнали вы от него?

— Что я мог узнать от учителя? Я просто стоял с метлой у его ворот!

— Не отпирайтесь, почтенный Тянь. Я, единственный, хочу знать об этом.

— Я слышал от учителя, — сказал Тянь Кайчжи, — что умеющий возвращать жизнь, подобен пастуху: присматривает за отстающими овцами и подгоняет их.

— Что это значит? — спросил Вэй-гун.

— В царстве Лу жил некий Дань Бао. Он обитал в глухом лесу, пил ключевую воду и ни с кем не делился своей добычей. Прожил он на свете семь десятков лет, а обликом был как младенец. На его беду ему однажды повстречался голодный тигр, который убил его и сожрал. Жил там и Чжан И, который обитал в доме с высокими воротами и тонкими занавесями и принимал у себя всякого. Прожил он на свете сорок лет, напала на него лихорадка — и он умер. Дань Бао пестовал в себе внутреннее, а тигр сожрал его внешнее. Чжан И заботился о внешнем, а болезнь сгубила его внутреннее. Они оба не восполняли то, что у них отставало.

Некий жрец, облаченный в церемониальные одежды, вошел в хлев и спросил жертвенную свинью:

— Отчего ты боишься смерти? Я буду откармливать тебя три месяца, семь дней блюсти ритуальные запреты, три дня поститься, а уж потом, подстелив белый тростник, положу тебя на резную скамью.

Некто, заботившийся о свинье, сказал:

— Уж лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Некто, заботившийся о самом себе, сказал:

— Хорошо быть вельможей, который ездит на колеснице с высоким передком и носит большую шапку, а умрет — так его похоронят в толстом гробу, водруженном на погребальную колесницу.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался заботившийся о свинье. Чем же он отличается от свиньи?

Цзи из Восточных степей показывал свое искусство езды на колеснице царю Чжуан-гуну. Он ездил вперед и назад, словно по отвесу, поворачивал вправо и влево, точно по циркулю. Чжуан-гун счел, что искусство Цзи не имеет изъяна, и велел ему сделать сотню поворотов, а потом возвратиться.

Янь Тай повстречался с Цзи на дороге и сказал Чжуан-гуну:

— Цзи загонит коней.

Царь ничего не ответил. В скором времени Цзи вернулся и в самом деле загнав коней.

— Как ты узнал про это? — спросил царь Янь Тая.

— Кони уже выбились из сил, а он их все понукал, — ответил Янь Тай, — вот я и сказал, что они скоро падут.

Некто по имени Сунь Сю пришел к дому учителя Бянь Цин-цзы и, сетуя на свою судьбу, сказал:

— Меня, Сю, в своей деревне никогда не звали ленивым и никогда не звали трусливым. Но на полях моих не родилось зерно, а служба царю не принесла мне славы. И вот меня изгнали из моих родных мест. В чем же я провинился перед Небом? За что мне такая участь!

— Разве не слыхал ты, как ведет себя совершенный человек? — ответил Бянь Цин-цзы. — Он забывает о своей храбрости, о зрении и слухе, странствует привольно за пределами мирской пыли и грязи, скитается беспечно, не обременяя себя делами. Это называется “действовать, не упорствуя, быть старшим, не повелевая”. Ты же выставляешь напоказ свои знания, желая поразить невежд, стремишься к чистоте, чтобы сделать явной грязь других. Ты блистаешь повсюду, словно желая затмить блеск солнца и луны. Между тем тело твоё в целостности и сохранности и участь твоё несравненно счастливее тех, кто погиб безвременно, кто глух, слеп или хром. Чего же ты ропщешь на Небо? Уходи прочь!

Сунь Сю ушел, а Бянь Цин-цзы вошел в дом, сел на свое место, поднял лицо к небесам и сказал ученикам:

— Только что ко мне приходил Сунь Сю, и я поведал ему о свойствах совершенного человека. Боюсь, он очень испугался, а потому может впасть в сомнения.

— О нет! — отвечали ученики. — Если то, что сказал почтенный Сунь, истинно, а то, что сказали вы, ложно, то ложь, конечно, не сможет опровергнуть истину. А если то, что сказал Сунь, ложно, а сказанное вами, учитель, истинно, то Сунь, конечно, усомнится и придет вновь.

— Нет, — ответил Бянь Цин-цзы. — В старину в окрестностях столицы Лу опустилась птица. Луский царь очень обрадовался, велел принести в ее честь обильные жертвы и исполнить песнь “Великое процветание”, дабы усладить ее слух музыкой. А птица загрустила и не могла ни есть, ни пить. Вот что значит кормить другого тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как кормится она сама, нужно позволить ей жить в глухом лесу, скитаться по рекам и озерам, искать пропитание на воле, отдыхать на отмелях — только и всего. Как же мог не испугаться Сунь Сю — человек, мало что видевший в жизни? Рассказывать ему про свойства совершенного человека — все равно, что катать мышь в повозке или веселить перепелку барабанным боем: и та и другая, того и гляди, умрут со страху.

Глава XX

ДЕРЕВО НА ГОРЕ ¹⁰⁷

Однажды Чжуан-цзы гулял в горах и заметил большое дерево с длинными ветвями и густой листвой. Дровосек остановился возле него, но не стал его рубить. Чжуан-цзы спросил дровосека, почему он так поступил, и тот ответил:

“Дерево это ни на что не годно”.

— Это дерево, — сказал Чжуан-цзы, — благодаря тому, что оно бесполезно, сполна проживет отведенный ему Небом срок.

Потом учитель спустился с горы и остановился на ночлег в доме друга. Хозяин был так обрадован, что приказал слуге зарезать гуся и приготовить из него угощение для гостя. “Один из гусей умеет кричать, а другой не умеет. Которого из них резать?” — спросил слуга.

— Зарежь того, который не умеет кричать, — приказал хозяин.

На следующий день ученик спросил Чжуан-цзы:

— Вчера дерево, росшее на горе, сберегло себя благодаря тому, что оказалось ни на что не годным. Гусь же хозяина погиб из-за своей ущербности. А чего бы вы пожелали для себя, учитель?

Чжуан-цзы рассмеялся и ответил:

— Мне, наверное, следовало бы выбрать что-нибудь среднее между пригодностью и непригодностью? Это кажется правильным, но на самом деле это не так, ибо такой выбор не избавляет от обремененности вещами. Только в вольном странствии, сообразуясь безотчетно с Великим Путем и его силой, мы можем стряхнуть с себя бремя мира.

Беги от славы, беги от позора.
Ты то дракон, то змея,
Превращайся вместе со временем.
Не желай никогда быть кем-нибудь.
Будь то вверху, то внизу,
Согласие — вот твоя мера.

Скитайся же привольно у истока всего сущего, принимай вещи, как они есть, но не будь вещью для вещей. Кто тогда сможет навязать тебе бремя? Так поступали Шэньнун и Желтый Владыка. Но когда мы обращаемся к порядкам в этом мире и людским законам, мы видим, что в мире все устроено иначе.

Что соединяют — то распадается.
Где успех — там крушение.
Прямота искривится.
Почет плодит злословие.
Ни одного свершения без упущения.
На умного найдется хитрец.
На глупца найдется обманщик.

Можно ли тут быть уверенным в чем-либо? Как печально! Вы, ученики, должны направить все помыслы к Пути и его силе.

Чжуан-цзы, одетый в залатанный полотняный халат, в сандалиях, обвязанных веревками, проходил мимо правителя царства Вэй.

— Как плохо вам живется, уважаемый! — воскликнул царь.

— Я живу бедно, но не плохо, — ответил Чжуан-цзы. — Иметь Путь и его силу и не претворять их в жизни — вот что значит жить плохо. Одеваться в залатанный халат и носить дырявые сандалии — это значит жить бедно, но не плохо. Вот что называется “родиться в недобрый час”. Не приходилось ли вам видеть, ваше величество, как лазает по деревьям большая обезьяна? Она без труда влезает на катальпу, кедр или камфорное дерево, прыгает с ветки на ветку так проворно, что сам лучник И не успеет прицелиться в нее. Попав же в заросли мелкого да колючего кустарника, она ступает боком, неуклюже и озирается по сторонам, то и дело оступаясь и теряя равновесие. И не в том дело, что ей приходится делать больше усилий или мускулы ее ослабели. Просто она попала в не подходящую для нее обстановку и не имеет возможности показать, на что она способна. Так и человек: стоит ему оказаться в обществе дурного государя и чиновников-плутов, то, даже если он хочет жить по-доброму, сможет ли он добиться желаемого?

Когда Иляо из Шинани повстречался с правителем Лу, тот выглядел очень утомленным.

— Отчего у вас такой утомленный вид? — спросил шинаньский учитель.

— Я изучил Путь прежних царей и готовился продолжать дело моих предков, — ответил правитель Лу. — Я чту духов и оказываю уважение достойным мужам. Я все делаю сам и не имею ни мгновения отдыха, однако так и не могу избавиться от забот. Вот почему я выгляжу таким утомленным.

— Ваш способ избавления от забот, мой господин, никуда не годится, — сказал шинаньский учитель. — Лиса с ее пышным мехом и леопард с его пятнистой шкурой скрываются в лесах и горных пещерах, чтобы иметь покой. Они выходят наружу по ночам и отдыхают днем — настолько они осторожны. Даже

когда им приходится терпеть голод и жажду, они позволяют себе лишь единожды выйти за добычей или на водопой — настолько они сдержанны. И если даже при их осторожности и сдержанности им порой не удается избежать капкана или сети, то разве это их вина? Их мех и шкура — вот источник их несчастий. А разве царство Лу не является для вас такой же шкурой? Я бы посоветовал вам, мой господин, содрать с себя шкуру, очистить сердце, прогнать прочь желания и странствовать привольно в Безлюдном Просторе.

Шэ из Северного дворца по поручению вэйского царя Лин-гуна собирал деньги на отливку колоколов для алтаря за воротами столицы и за три месяца подобрал все нужные колокола с высоким и низким тоном. Царский сын Цин завистливо осмотрел колокола и спросил:

— В чем хитрость твоего искусства?

— Я сосредоточился на одном, мне было не до хитростей, — ответил Шэ. — Я слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусности. Держался тех, кто не имеет знаний, был заодно с как будто неумелыми и косноязычными. Был прост и бесхитроsten. Провожал уходящих и встречал проходящих, не удерживая первых и не чиня препятствий вторым. Сильным следовал, под хитрых подлаживался, и поэтому они сами все отдавали мне. Так я собирал средства с утра до вечера, никого не обижая ни на волосок.

Тем более так должен поступать тот, кто обрел истинный Путь.

Конфуций был осажден на рубеже царств Чэнь и Цай и в течение семи дней не имел горячей пищи. Тай-гун Жэнь пришел к нему выразить свое сочувствие и сказал: “Вам нынче грозит смерть, не так ли?”

— Так, — отвечал Конфуций.

— Страшитесь смерти?

— Да.

— Я хочу поведать вам о Пути, избавляющем от смерти, — сказал Тай-гун Жэнь. — В Восточном Океане живет птица, зовут ее Ии. Птица эта летает низко и небыстро, словно у нее нет сил: летит вперед, словно кто-то тянет ее за собой, взмывает вверх, словно кто-то подбрасывает ее в воздух. Летя вперед, не смеет быть впереди других. Отступая, не смеет быть позади других. Питаясь, не решается брать пищу первой, кормится остатками еды. Вот почему она не выпадает из стаи, и никто из посторонних не может причинить ей вред. Прямое дерево срубают первым. Колодец со сладкой водой осушают первым. Вы же стараетесь приукрасить свои знания, чтобы поразить невежд, самому стяжать совершенство, чтобы выявить низость других, сверкаете, словно солнце и луна на небосводе. Оттого-то вам и не избежать беды. Я слышал, как в старину некий муж, достигший великого совершенства, сказал:

“Восхваляющий сумеет отречься от заслуг и славы и вернуться к обыкновенным людям? Идущий Путем всюду достигает, но присутствие его незримо. Он все свершает, но ему нет имени. Лишенный свойств, совсем обыкновенный, он похож на лишнего рассудка, не оставляет следов, не ищет заслуг и славы. Поэтому он никогда не винит людей и люди ни в чем не винят его. О совершенном человеке ничего не слышат, чему же вам радоваться?”

— Прекрасно! — ответил Конфуций. — Надо порвать все связи, отречься от учеников, бежать на великие болота, одеваться в шкуры и холстину, питаться желудями и каштанами. Тогда, войдя к диким зверям, не потревожишь их стада, придя к птицам, не вспугнешь стаи. Если же меня не испугаются звери и птицы, то что говорить о людях?!

Конфуций спросил Цзы-сан Ху:

— Почему мне пришлось дважды бежать из Лу, на меня повалили дерево в Сун, я заметал следы в Вэй, бедствовал в Шан и Чжоу, был осажден на рубеже Чэнь и Цай? Из-за этих несчастий родичи все больше отдалялись от меня, друзья и последователи все дальше уходили от меня.

— Разве вам не доводилось слышать о бегстве Линь Хоя из Цзя, которому пришлось бросить свою яшмовую печать ценою в тысячу золотых и бежать, подхватив своего малолетнего сына? Кто-то спросил его: “Почему вы взяли с собой сына? Он что, дорого стоит?” “Нет, недорого”, — ответил Линь Хой. “Может быть, с ним мало хлопот?” “Нет, хлопот с младенцем много”, — ответил Линь Хой. “Так почему же вы бросили драгоценную яшмовую печать и захватили с собой младенца-сына?” “Первое имеет отношение к выгоде, а второе — к небесному в нас”, — отвечал Линь Хой.

Те, кого связывает выгода, бросают друг друга в бедности и в несчастии. Те, кого связывает Небо, в бедности и в несчастии сближаются. И различие между теми, кто сближается, и теми, кто отдаляется, неимоверно велико. К тому же благородный муж в общении пресен, как вода, низкий же человек в общении сладок, как молодое вино. Благородный муж и в близости пресен, низкий человек и в разлуке сладок. А тот, кто бездумно сходится, бездумно же и расстанется.

— Благодарю покорно за наставление! — ответил Конфуций и пошел к себе, кружась на ходу. Он прекратил обучать учеников, выбросил книги, не пускал к себе учеников, а их любовь к нему только еще более окрепла.

На другой день Цзы-сан Ху сказал: “Перед смертью Шунь наказал Юю так: “Будь осторожен! С людьми лучше всего быть уступчивым, в чувствах лучше всего быть свободным. Когда люди уступчивы, они не расстаются. Когда люди естественны, они не знают забот. Если ты не расстаешься и не знаешь забот, не будешь думать о благопристойном в обхождении с другими. А если не думаешь о благопристойном в обхождении с другими, не будешь и беспокоиться о вещах”””.

Конфуций, терпя лишения на рубеже царств Чэнь и Цай, семь дней не имел горячей пищи. Опершись левой рукой на высохшее дерево и отбивая такт сухой веткой в правой руке, он пел песню Бяоши. Он подыгрывал себе на струнах, но не соблюдал нот, пел, но не попадал в тон, и все же звуки дерева и человеческого голоса сливались в одно и проникали глубоко в сердце. Янь Хой, почтительно сложив руки, стоял поодаль и смотрел на учителя. А Конфуций, опасаясь, что Хой, переоценив себя, зайдет слишком далеко или, чрезмерно любя себя, навлечет на себя беду, сказал ему:

— Ты, Хой, еще не знаешь, как легко не получить то, что даруется Небом, и как трудно не получить то, что дается людьми. Не бывало еще начала, которое не было бы и концом. Человеческое и Небесное могут совпадать. Кто же тот, кто сейчас поет?

— Осмелюсь спросить, что значат слова: “не знаю, как легко не получить то, что дается Небом”?

— Голод и жажда, жара и холод, нищенская сума и темница и все прочие несчастья — это действие Неба и Земли, и проявляется оно в круговороте явлений. Мы говорим, что уйдем вместе с этими явлениями. Слуга другого не осмеливается не выполнить его приказаний. И если так должен поступать слуга человека, то это тем более относится к слуге Неба.

— А что значат слова: “не знаешь, как трудно не получить то, что дается людьми”?

— Человек в начале своей жизни ищет приобретений повсюду: титулы и награды приходят к нему одновременно, и этому нет конца. Однако эти преимущества не от меня приходят, моя судьба зависит от внешних обстоятельств. Благородный муж не разбойничает, достойный человек не ворует. Как же могу я присваивать это себе? Поэтому говорится: “нет птицы мудрее ласточки”. Когда взгляд ее останавливается на месте, негодном для нее, она больше не смотрит на него. Выронив корм из клюва, она оставляет его и улетает прочь. Она боится людей, но селится рядом с человеческим жильем и вьет гнезда у алтаря духов плодородия.

— Что означает: “не бывало еще начала, которое не было бы и концом”?

— Все сущее непрестанно претерпевает превращения и неведомо чему уступает место. Откуда нам знать, где начало и где конец? Нам остается только покойно ждать превращений.

— А что означает: “человеческое и небесное могут совпадать”?

— В человеческом есть небесное. В небесном же может быть только небесное. Если человек не может обрести небесное в себе, то виной тому ограниченность его природы. Мудрый покойно уходит и в том обретает конечное.

Когда Чжуан Чжоу прогуливался в парке Тяолин, он увидел странную птицу, прилетевшую с юга: крылья — в семь локтей размахом, глаза — с вершок. Пролетая над Чжуан Чжоу, она коснулась его лба и опустилась в каштановой роще.

— Что это за птица? — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а летает с трудом, глаза огромные, а видит плохо.

Подобрав полы платья, он поспешил за птицей, держа наготове лук. Тут он заметил, как цикада, нежась в тени, забыла о том, что ее окружает, а в это время богомол набросился на нее и, упиваясь добычей, забыл обо всем на свете. В тот же миг их обоих схватила странная птица и, любуясь добычей, сама забыла о действительности. Чжуан Чжоу, печально вздохнув, сказал: “Увы! Вещи навлекают друг на друга несчастье, разные существа друг друга губят”. Он бросил лук и пошел прочь, но лесник догнал его и принялся бранить. Вернувшись домой, Чжуан Чжоу три дня не выходил со двора.

— Почему вы, учитель, так долго не показывались? — спросил его ученик Лань Це.

— Я оберегал свой телесный облик, но забыл о подлинном в себе, — ответил Чжуан Чжоу. — Я глядел в мутную лужу и не знал, где чистый источник. А ведь я помню, как мои учителя говорили: “Погрузишься в пошлость — последуешь за пошлостью”. Ныне я бродил по старому парку и забыл о себе. Странная птица пролетела мимо меня, коснувшись моего лба, и забыла о действительности. Лесник же в каштановой роще набросился на меня с бранью. Вот почему я не выходил со двора.

Ян-цзы путешествовал по царству Сун и остановился на ночлег в придорожной харчевне. У хозяина харчевни было две наложницы: одна красивая, другая уродливая. С дурнушкой он обращался почтительно, а с красавицей был груб. Когда Ян-цзы спросил о причине такого поведения, малолетний сын хозяина ответил: “Красавица думает о себе, что она красива, а мы не знаем, в чем ее красота. Дурнушка думает о себе, что она уродлива, но мы не знаем, в чем ее уродство”.

— Запомните это, ученики, — сказал Ян-цзы. — Если вы будете жить мудро, но не считать себя мудрецами, вас всюду будут любить!

Сидя рядом с вэйским Вэнь-хоу, Тянь Цзыфан усердно хвалил Юйгуна.

— Юйгун — ваш наставник? — спросил Вэнь-хоу.

— Нет, — ответил Цзыфан. — Он мой земляк. Речи его часто очень мудры, и земляки его чтят.

— Стало быть, у вас нет наставника? — спросил Вэнь-хоу.

— Нет, есть.

— Кто же он?

— Его зовут Дунго Шунь-цзы.

— Почему же вы, учитель, никогда о нем не упоминали?

— Это настоящий человек! Облик у него человеческий, но сердце его — вместилище Небес. Следует превращениям, а в себе хранит подлинное; душою чист и все на свете приемлет. Людей же неправедных он вразумляет своим безупречным поведением, так что их низкие человеческие понятия сами собой рассеиваются. Разве достоин я хвалить такого?

Цзыфан ушел, а государь так изумился его словам, что за целый день слова не вымолвил. Потом он созвал своих придворных и сказал: “Как далеко мне до мужа совершенных свойств! Прежде я считал пределом совершенства речи мудрых и знающих, поступки человеческих и справедливых. Но с тех пор, как я услышал о наставнике Цзыфана, тело мое стало как бы невесомым, и во мне исчезло желание двигаться, уста же мои сомкнулись, и во мне пропало желание говорить. Те, кто учили меня прежде, просто глиняные куклы! И даже мое царство поистине перестало обременять меня!”

Конфуций пришел к Лао-цзы. Тот только что вымылся и сушил свои распущенные волосы, сидя совсем неподвижно, словно бы и не человек. Конфуций почтительно встал рядом, подождал немного и сказал: “Не лишился ли я зрения? Верить ли мне своим глазам? Только что ваше тело, учитель, было недвижно, как высохшее дерево, словно вы оставили мир людей и утвердились в великом одиночестве”.

— Я странствовал сердцем у начала вещей, — ответил Лао-цзы.

— Что это значит?

— Сердце замкнулось в себе и не может познавать, уста умолкли и не могут говорить. Но я попробую немного рассказать тебе об этом. Сила Инь, достигнув предела, навлекает великий холод. Сила Ян, достигнув предела, создает великий жар. Холод исходит от Неба, жар вырывается из Земли. Воздействуя друг на друга, они создают всеобщее согласие, и в нем рождаются все вещи. Нечто связывает все нити мироздания, но никто не видел его формы. Уменьшаясь и увеличиваясь, переполняясь и опустошаясь, то угасая, то разгораясь, обновляясь с каждым днем и преображаясь с каждым месяцем, оно трудится каждый день, но никто не видит плодов его труда. Все живое из чего-то рождается, все умершее куда-то уходит, начала и концы извечно сплетены в мировом круговороте, и никто не знает, где его предел. Если не это, то кто еще может быть вашим общим пращуром?

— Осмелюсь спросить, что означает ваше странствие?

— Осуществить его — это высшая красота и высшее счастье, — ответил Лао-цзы. — Тот, кто дошел до высшей красоты и пребывает в высшем счастье, тот и есть высший человек.

— Нельзя ли услышать об этом?

— Животные, питающиеся травой, не страдают от перемены пастбища. Водяные твари не страдают от перемены воды. При небольших переменах и те и другие сохраняют великое постоянство своей природы. Да не войдут в тебя ни радость, ни гнев, ни печаль, ни веселье. “Поднебесный мир” — это то, в чем все вещи едины. Постигни это единство, и сам ему уподобишься. Тогда твое брэнное тело станет для тебя как пыль и грязь, а жизнь и смерть, начало и конец, станут как день и ночь. Тогда ничто на свете не нарушит твой покой, и всего менее — мысли о приобретениях и потерях, о счастье и несчастье. Ты отбросишь свой чин, словно стряхнешь с себя грязь, ибо ты поймешь, что все ценное — в нас самих и оно не теряется от перемен нашей жизни. К тому же, если мы никогда не достигаем предела в бесчисленных превращениях мира, с какой стати какое-то одно из них должно волновать нас? Муж, претворяющий Путь, свободен от этого.

— Свойствами своими, учитель, вы равны Небу и Земле, — сказал Конфуций, — но вы прибегаете к возвышенным словам, дабы побудить других совершенствовать свое сердце. Кто из благородных мужей древности мог обойтись без этого?

— Это не так, — ответил Лао-цзы. — Когда вода течет вниз, она сама ничего не делает, ибо стекать вниз — ее природное свойство. Высший человек не совершенствует свои свойства, но люди не отворачиваются от него. Вот и небо само по себе высоко, земля сама по себе тверда, солнце и луна сами по себе светлы. Что же им надлежит совершенствовать?

Конфуций ушел от Лао-цзы и сказал Янь Хою: “В познании Пути я был подобен червяку в жбане с уксусом. Если бы учитель не снял крышку, никогда бы не догадался я о великой целостности Неба и Земли!”

Вэньбо Сюэ-цзы, направляясь в Ци, остановился на ночлег в Лу. Люди Лу хотели повидаться с ним, но Сюэ-цзы сказал: “Это невозможно. Я слышал, что благородные мужи Срединных царств сведущи в исполнении ритуала и долга, но невежественны в познании человеческого сердца”.

Побывав в Ци, Сюэ-цзы на обратном пути вновь остановился в Лу, и люди Лу снова попросили его о встрече. Сюэ-цзы сказал: “Лусцы просили меня о встрече прежде и просят сейчас. Не иначе как они хотят поколебать мою твердость”. Он вышел, принял гостей и вернулся в свои покои печальный. На другой день он снова принял гостей и снова вернулся к себе печальный.

— Почему вы возвращаетесь после встреч с гостями такой печальный? — спросил его слуга.

— Я скажу тебе, — ответил Вэньбо Сюэ-цзы. — Люди Срединных царств сведущи в исполнении ритуала и долга, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, кто навещали меня, входили, словно по циркулю, выходили, словно по наугольнику, вид имели торжественный — точно я видел перед собой дракона или тигра. Они увещевали меня, как сына, наставляли меня, как родной отец. Вот отчего я так печален.

Конфуций повидался с Сюэ-цзы и вышел от него молча. Цзы-лу спросил:

— Почему вы, учитель, ничего не говорите об этой встрече? Ведь вы так давно хотели встретиться с Сюэ-цзы!

— Я-то с одного взгляда понял, что этот человек осуществляет в себе Путь. Словами это не высказать! — ответил Конфуций.

Чжуан-цзы встретился с луским царем Ай-гуном, и тот сказал ему:

— В Лу много конфуцианцев, а ваших последователей мало.

— В Лу немного и конфуцианцев, — ответил Чжуан-цзы.

— Как можно говорить, что их мало? Повсюду можно встретить мужа в одежде конфуцианского ученого!

— Я, Чжоу, слышал, что конфуцианцы носят круглые шапки в знак того, что они познали время Небес; ходят в квадратных сандалиях в знак того, что познали форму земли; подвешивают к поясу нефритовое наперстие в знак того, что быстро разрешают дела. Благородные мужи, постигшие этот Путь, едва ли носят такую одежду, а те, кто носят, едва ли постигли этот Путь.

Вы, государь, верно, полагаете, что это не так. Отчего бы вам не объявить по всему царству: “Те, кто носят такую одежду, не постигнув Путь, будут преданы казни!”

И тогда Ай-гун велел пять дней подряд оглашать такой указ, и в Лу никто больше не смел носить одежду конфуцианцев. Лишь один муж в одежде конфуцианского ученого остановился перед царскими воротами. Царь приказал пустить его во дворец, стал спрашивать его о государственных делах, и тот оказался неистощим в ответах государю.

— В целом царстве нашелся один конфуцианец. Вот это можно назвать много!

В местечке Цзан царь Вэнь-ван повстречал необычного рыбака, который удил рыбу, не имея крючка. Иметь крючок, не имея крючка, — значит обладать “вечным крючком”. Вэнь-ван хотел взять его к себе и вручить ему бразды правления, но, опасаясь неудовольствия своих главных советников и старших родичей, в конце концов, отказался от этого намерения. Все же, страшась, что народ лишится покровительства Неба, он наутро собрал своих сановников и объявил им:

— Ночью я, единственный, увидел доброго человека, с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с жемчужным копытом. Человек этот крикнул мне: “Поручите управление мужу из Цзан. Народ возрадуется этому!”

— Государь, то был ваш предок! — воскликнули воодушевленно сановники.

— В таком случае совершим гадание, — сказал царь.

— Для чего гадать? — отвечали сановники. — Ведь сам царственный предок приказал государю!

Засим сановники отправились к мужу из Цзан и вручили ему бразды правления.

Этот муж, управляя Поднебесной, не менял уложений и обычаев, не оглашал несправедливых приказов. По прошествии же трех лет Вэнь-ван увидел, что лихие молодцы покончили со своим ремеслом и распустили свои шайки; что старшие чиновники перестали заботиться лишь о своих добродетелях; что соседи во всех краях света не смели больше вторгаться в царство, чтобы грабить его. Поскольку лихие молодцы покончили со своим ремеслом и распустили свои шайки, они стали чтить порядок. Поскольку старшие чиновники перестали блюсти лишь собственную добродетель, они занялись общим делом. Поскольку соседи во всех краях света перестали вторгаться через границы с намерением пограбить, то среди владетельных князей не стало измены.

Тут Вэнь-ван призвал к себе мужа из Цзан и, став перед ним лицом к северу, спросил:

— Можете ли вы управлять всем Поднебесным миром? Муж из Цзан смутился и ничего не сказал, а спустя некоторое время с безразличием отказался. Еще утром он отдавал приказания, а вечером уже исчез бесследно. Больше о нем ничего не было слышно. Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве Вэнь-ван не был само совершенство? Зачем он сослался на сон?

— Молчи! — ответил ему Конфуций. — Вэнь-ван имел всего в достатке. Но к чему обсуждать его? Он просто следовал обстоятельствам времени.

Сунский царь Юань захотел иметь у себя картину. К нему пришли все придворные писцы и встали у трона, держа в руках ритуальные таблички, облизывая кисти и растирая тушь. Еще столько же стояли за дверьми зала. Один писец пришел с опозданием, неспешно вошел в зал, взял табличку, но не встал в ряд с другими, а тут же прошел в свои покои. Царь послал человека посмотреть за ним, и тот увидел, что писец снял одежды и голый сидел, раскинув ноги, на полу¹⁰⁹.

— Вот настоящий художник! — воскликнул царь. — Ему можно поручить дело.

Ле Юйкоу показывал Бохуню-Безвестному свое искусство стрельбы из лука: натянул тетиву, поставил на локоть кубок с водой, пустил стрелу, а потом, не дожидаясь, когда она долетит до цели, пустил и вторую, и третью. И все это время стоял не шелохнувшись, точно истукан.

— Это мастерство стрельбы при стрельбе, а не стрельба без стрельбы, — сказал Бохунь-Безвестный. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на скалу и встал на камень, нависший над пропастью в тысячу сажений?

Тут Безвестный взошел на высокую скалу, встал на камень, нависший над пропастью в тысячу сажений, повернулся и отступил назад так, что ступни его до половины оказались над пропастью, а потом подозвал к себе Ле Юйкоу. Тот же, обливаясь холодным потом, упал на землю и закрыл лицо руками.

— У высшего человека, — сказал Безвестный, — дух не ведает смущения, даже если он воспаряет в голубое небо, опускается в мировую бездну или улетает к дальним пределам земли. А тебе сейчас хочется зажмуриться от страха. Искусство твое немногого стоит!

Янь Хой сказал Конфуцию:

— Когда вы, учитель, идете не торопясь, я тоже иду неторопливо. Когда вы спешите, я тоже поспешаю. Когда вы бежите, я тоже бегу вслед. Но когда вы мчитесь так быстро, что исчезаете, прежде чем пыль взлетит из-под ваших ног, мне остается только смотреть вам вдогонку.

— О чем говоришь ты, Хой? — спросил Конфуций.

— “Когда вы идете не торопясь, и я тоже иду неторопливо” означает: то, что вы, учитель, говорите, я говорю тоже. “Когда вы спешите, и я тоже поспешаю” означает: когда доказываете, я доказываю тоже. “Когда вы бежите, я бегу вслед” означает: то, что вы говорите о Пути, я тоже говорю. “Когда вы мчитесь так, что исчезаете, прежде чем пыль взлетит из-под ваших ног, а я только смотрю вдогонку” означает: вам верят на слово, хотя вы не даете обещаний, с вами все дружат, хотя вы никому не угождаете, все ищут встречи с вами, хотя у вас нет титулов, а вы и не знаете, почему это происходит!

— О, с этим все ясно! — воскликнул Конфуций. — В мире нет ничего более прискорбного, чем смерть сердца, даже смерть человека, в конце концов, не так удручает. Солнце восходит на востоке и заходит на западе, и все земные существа устраивают свою жизнь сообразно его движению. Все, кто имеют глаза и ноги, без него не могут ничего сделать: они действуют, когда солнце сияет в небе, и прячутся, когда оно исчезает. Не то ли происходит и со всем сущим в мире? Итак, есть нечто, благодаря чему кто-то рождается или умирает. Получив однажды свой телесный облик, я не меняю его до самой смерти. День и ночь, не прерываясь ни на мгновение, я действую и не ведаю, каковы будут последствия содеянного мной. И о том, что, в конце концов, получится из меня, не догадается даже лучший знаток судеб.

Вот так день за днем «я» становился таким, каков я есть сейчас. Мы с тобой всю жизнь прожили бок о бок — как печально, что ты до сих пор ничего не понял! Боюсь, ты замечаешь только, чем я привлекаю внимание других людей. Но это внешнее в моей жизни уже ушло в прошлое, ты же думаешь, что оно еще существует. Думать так — все равно, что искать сбежавшую лошадь на опустевшем рынке. Я, внимая тебе, обо всем забываю, и ты, внимая мне, должен обо всем забывать. Для чего обременять себя житейскими тяготами? Ведь даже если я забуду, каким я был прежде, во мне все равно останется нечто вовек незабываемое.

Раб из Байли не позволял мыслям о титулах и наградах проникнуть в его сердце, а просто исправно пас буйволов, и буйволы жирели. Поэтому циньский царь Му-Гун, невзирая на его низкое происхождение, доверил ему управление государством. А царь Ююй не позволял думам о жизни и смерти проникнуть в его сердце, поэтому он мог растрогать людей.

Глава XXII

КАК ЗНАНИЕ ГУЛЯЛО НА СЕВЕРЕ ¹¹⁰

Знание, отправившись на Север, поднялось вверх по Мрачным Водам ¹¹¹, взойшло на вершину Сокровенного Могильника и там повстречало Нареченного Недеянием. Знание спросило его:

— Как думать, о чем размышлять, чтобы познать Путь? Где пребывать, что делать, чтобы претворить Путь? Чему следовать, куда стремиться, чтобы обрести Путь?

Так трижды спросило оно, но Нареченный Недеянием не ответил. И не только не ответил, а и не знал, что ответить.

Не получив ответа, Знание возвратилось на Юг по Светлым Водам, взойшло на холм Конца Сомнений и увидало Возвышенного Безумца. Знание обратилось к нему с такими же речами. Возвышенный Безумец сказал:

— Постой! Я это знаю и сейчас поведаю тебе.

Но едва он собрался говорить, как тут же забыл, что хотел сказать.

Не получив ответа, Знание вернулось в Государев Дворец, предстало перед Желтым Владыкой и спросило его. Желтый Владыка ответил:

— Не задумывайся, не размышляй — и ты познаешь Путь. Нигде не находишься, ни в чем не усердствуй — и ты претворишь Путь. Ничему не следуй, никуда не стремись — и ты обретешь Путь.

— Мы с тобой это знаем, а те двое не знают. Кто же из нас прав?

— Нареченный Недеянием воистину прав, Возвышенный Безумец только кажется правым, а мы с тобой очень далеки от правды. Знающий не говорит, говорящий не знает, а потому мудрый поучает без слов.

О Пути поведать нельзя.

Полнота свойств недостижима.

Человечным можно нарочно стать.

Долг лучше не выполнять.

А приличия света — взаимный обман.

Поэтому сказано: “Когда Путь утерян, возникает потребность во Власти. Когда Власть утеряна, возникает потребность в человечности. Когда человечность утеряна, возникает потребность в долге. Когда долг утерян, возникает потребность в приличиях. А приличия — это пустое украшение Пути и начало смуты”. И еще сказано: “Тот, кто претворяет Путь, каждый день теряет. Потеряв и еще потеряв, он приходит к недеянию. В недеянии не остается ничего несделанного”.

Поскольку мы уже вещи, то разве не трудно будет нам повернуть назад и возвратиться к Корню? Такое легко только Великому Человеку!

Жизнь — это преемница смерти, а смерть — начало жизни. Кто знает, куда ведет их цепь? Жизнь человека — скопление жизненной силы. Когда сила собрана воедино, человек живет, а когда она рассеивается, человек умирает. И если даже жизнь и смерть преемствуют друг другу, то о чем мне горевать! Все вещи в мире суть одно. Те из них, что нравятся нам, мы считаем прекрасными, а те, что нам не нравятся, — отвратительными. Однако же отвратительное может обернуться прекрасным, а прекрасное — отвратительным. Поэтому говорится: “Весь Поднебесный мир пронизывает одна жизненная сила”. Оттого мудрый ценит Единое.

Знание сказало Желтому Владыке: “Я спросило Нареченного Недеянием, и Нареченный Недеянием ничего не ответил мне. Потом я спросило Возвышенного Безумца, и Возвышенный Безумец собрался было ответить мне, но так ничего и не сказал. Не то чтобы не хотел, а воистину забыл, что собрался сказать. Тогда я спросило тебя, и ты знал, как ответить. Почему же мы не приближаемся к правде?”

— Первый из них прав воистину, ибо и вправду не знает. Второй кажется правым, ибо забыл познанное. А мы с тобой никогда не приблизимся к правде, потому что знаем.

Услыхав эти слова, Знание решило, что Желтый Владыка и вправду знает.

Небо и Земля обладают великой красотой, а о том не говорят. Четыре времени года имеют ясный закон, а о том не судят. Вся тьма вещей имеет неизменный порядок, а о том не ведет речей. Мудрый вникает в доблести Неба и Земли и постигает существо всех вещей. Поэтому совершенный человек ничего не делает, истинно мудрый ничего не создает. Это значит, что они берут за образец Небо и Землю.

Божественная просветленность и чистейшее семя Неба и Земли претерпевают сотни превращений вместе с вещами, и неведомо, где исток жизни и смерти и всевозможных форм вещей. С незапамятных времен вещи существуют сами по себе, и невозможно устранить их. Вселенная велика, а за пределы мира вещей не выходит. Кончик волоска мал, однако же, составляет законченное тело. В Поднебесном мире нет ничего, что не претерпевало превращений до конца своих дней, и в чередовании сил Инь и Ян, четырех времен года есть непреложный порядок. То сокроются, словно исчезнув, а на деле существуя; то воссияют ярко, не имея телесного образа, но обладая духовной силой. Вся тьма вещей произрастает из этого, а о том не ведает. Это зовется Корнем всего, и прозревается оно в Небесном.

Беззубый спросил о Пути у Наставника в Тростниковой накидке, и тот сказал: “Выправь тело свое, взор свой обрати к Единому, и Небесное согласие придет к тебе. Умерь свои знания, стремись к Единому, и духовность поселится в тебе. Тогда полнота свойств станет твоей доблестью, а Путь — твоей обителью. Смотри на мир простодушно, как только что народившийся бычок, и не доискивайся до причин...” Не успел Наставник договорить, как Беззубый крепко уснул. Наставник в Тростниковой накидке очень тому обрадовался и пошел своей дорогой, напевая:

Телом как иссохшая кость,
Сердцем как остывший пепел.
Подлинный — знание верное в нем,
И не ищет причины вознестись над людьми.
Такой темный, такой помраченный!
Помыслов нет в нем, совета не спросишь.
Что за человек он?

Шунь спросил у Чэна: “Можно ли обрести Путь и владеть им?”

— Ты сам собой не владеешь, как же можешь ты владеть Путем? — ответил Чэн.

— Если мое тело не принадлежит мне, то кому же оно принадлежит?

— Оно лишь форма, доверенная тебе Небом и Землей. Не принадлежит тебе и твоя жизнь — она лишь согласие твоих жизненных сил. Не принадлежат тебе твоя природа и твоя судьба — они лишь течение событий, предначертанное Небом и Землей. Не принадлежат тебе и твои потомки — они лишь новая оболочка твоего тела, вручаемая тебе Небом и Землей. А потому скитайся, не зная, куда идешь, покойся, не зная, за что держишься, и вкушай, не зная вкуса пищи. Ты — живое дыхание Неба и Земли. Как же ты сможешь им владеть?

Конфуций спросил у Лао Даня: “Сегодня, когда вы пребываете в праздности, осмелюсь спросить о верховном Пути”.

— Постом и воздержанием очисти свое сердце, до белизны снегов очисти свой дух, разбей вдребезги свое знание. Путь глубок, и трудно выразить его в словах! Я расскажу тебе о нем вкратце.

Ярчайшее рождается из Сокровеннейшего,
Порядок рождается из Бесформенного.
Семена духа рождаются из Пути.
Формы в корне своем рождаются из семени,
Множатся формы — и появляются вещи.

Вот так существа с девятью отверстиями выходят из чрева, существа с восьмью отверстиями — из яйца. Они приходят, не оставляя следов, и уходят, не зная преград. Не знают они ни ворот, ни внутренних покоев: вот поистине дом без стен, открытый во все стороны. У того, кто пойдет этим ¹¹² Путем, будет крепкое тело, пронизательный ум, зоркий взгляд и чуткий слух. Такой не станет утруждать свой разум, и беспрепятственно будет откликаться всем переменам в мире.

Небу нельзя не быть высоким,
Земле нельзя не быть широкой,
Луне и солнцу нельзя не идти своей дорогой,
Тьме вещей нельзя не множиться:
Вот что такое Путь!

А кроме того, истинно мудрый убирает все ненужное в знании и все плоское в суждениях. Но то, к чему никакие прибавления ничего не прибавят, и то, от чего никакие изъятия ничего не отнимут, мудрый блюдет строго. Бездонно-глубокое, как Океан! Недостижимо-высокое, как Гора! Приходит к концу и тотчас начинается сызнова! В круговороте этом ничего не теряется, но всему обретается мера. Пути благородного мужа вне этого не бывать! Все вещи находят в нем опору, а оно не рушится. Вот что такое Путь!

В Срединном государстве есть человек. Он поселился между Небом и Землей и не склоняется ни к Инь, ни к Ян. Он человек только на время и скоро вернется к своему Предку. Если смотреть, исходя из основы, то все живое — как облачко пара. И пусть одни умирают старыми, а другие молодыми — что в сущности разделяет их? Одно лишь мгновение! Так для чего беспокоиться о том, кто был прав, а кто виноват — мудрец Яо или злодей Цзе? У плодов, созревающих на кустах и деревьях, есть свой порядок. У людей порядок хоть и сложнее, а того же рода. Истинно мудрый, столкнувшись с ним, не идет ему наперекор, а восприняв его, за него не держится. Откликаться обстоятельствам, сообразуясь с ними, — вот истинная Сила. Откликаться миру, будучи с миром заодно, — вот истинный Путь. Таков неизменный исток власти.

Жизнь человека между Небом и Землей — как прыжок скакуна через расщелину: в одно мгновение она промелькнет и исчезнет бесследно. Сами собой, неведомо как, вещи приходят оттуда. Сами по себе, неприметно уходят туда. Одно превращение — и вот она, жизнь. Еще одно превращение — и вот она, смерть. Все живое об этом печалится, род людской об этом горюет. Но то лишь разрывается данный нам Небом чехол, падают наземь ножны Небес. Жизнь рассеивается, жизнь уходит! Наши светлые и темные

души улетают куда-то, и тело влечется за ними. Вот когда наступает для нас Великое Возвращение! Это исчезновение формы в бесформенном и придание бесформенному формы известно всем людям, но человек, устремленный к Пути, о том не заботится. Все люди о том судят, а человек, Путь постигший, не судит. А если судит — значит — Путь не постиг.

Зоркому глазу не увидеть.

Чем спорить, лучше молчать.

Никто не знает про Путь.

Чем слушать, лучше уши заткнуть.

Вот что называют “великим постижением”.

Дунго-цзы спросил у Чжуан-цзы: “Где находится то, что мы называем Путем?”

— Нет такого места, где бы его не было, — ответил Чжуан-цзы.

— А вы все-таки скажите, и тогда я смогу понять.

— Ну, скажем, в муравьях.

— А есть ли он в чем-нибудь еще ниже этого?

— В сорняках и мякине.

— А еще ниже?

— В черепице и кирпиче.

— Ну а в чем-нибудь настолько низко, что дальше некуда?

— В кале и моче!

Дунго-цзы обиженно промолчал, и тогда Чжуан-цзы сказал ему: “Ваши вопросы, уважаемый, совершенно не касались существа дела. Вот так же управляющий рынком Хо определял, насколько жирна свинья, надавливая на нее ногой: чем сильнее надавишь, тем точнее определишь. У вас не было необходимости спрашивать о местопребывании Пути, ибо Путь не отделен от вещей. Таков верховный Путь, такова же и великая речь.

А уж лучше нам отправиться на прогулку по Дворцу Отсутствующего, соединяясь со всеобщим согласованием и вовеки не зная границ и пределов! Почему бы нам не быть заодно в Недеянии? Не быть безмятежными, чистыми, праздными? Рассеем же наши помыслы, не будем никуда направляться и не будем знать, куда придем, будем приходить и уходить, не зная, где остановиться. Я уже пускался в такие странствия и возвращался назад, но все еще не знаю, где положен им предел. Я блуждал в тех безбрежных просторах, но великое знание, там гнездящееся, не имеет границ”.

А Хэгун и Божественный Землепашец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. Как-то днем Божественный Землепашец дремал у себя в комнате, облокотившись о столик. В полдень А Хэгун распахнул настежь двери и вбежал в комнату со словами: “Старый Дракон умер!” Божественный Землепашец схватил свой посох, поднялся, потом с размаху бросил посох на землю и, рассмеявшись, сказал: “Тот, кто был мне Небом, знал, что я груб и темен, вот почему он бросил меня и умер. Все кончено! Учитель умер, не открыв мне безумных своих речей!”

Эти слова услышал Янь Гандяо и сказал: “К тому, кто воплотил в себе Путь, привязаны благородные мужи всего Поднебесного мира. А ныне даже постигший Путь на тысячную долю осеннего волоска и тот понял, что нужно утаить свои безумные речи до самой смерти, что уж говорить о человеке, воплотившем в себе Путь!

Смотришь на него — не имеет он формы.

Слушаешь его — не издает он звуков.

В ученых суждениях земных мудрецов

Зовется он тайной тайн.

Вот так рассуждают о Пути, но это не есть сам Путь”.

Великая Чистота спросила Бесконечность: “Вы знаете Путь?”

— Нет, не знаю, — ответила Бесконечность.

Потом Великая Чистота задала тот же вопрос Недеянию, и Недеяние сказало: “Я знаю Путь”.

— А есть ли у твоего знания число? — спросила Великая Чистота.

— Да, есть.

— Что же это за число?

— Мое знание Пути может возвысить и может унижить, может связать и может разъединить. Вот как можно считать благодаря моему знанию.

Великая Чистота спросила об этих словах у Безначального: “Кто же прав: Бесконечность, которая не знала, или Недеяние, которое знало?”

— Незнание глубоко, знание поверхностно, — ответило Безначальное. — Не знать — это внутреннее, а знать — это внешнее.

Тут Великая Чистота вздохнула и сказала: “Значит, мы знаем благодаря незнанию! А не знаем из-за знания! Кто же знает знание, которое не знает?”

— Путь неслышим, а если мы что-то слышим — значит, это не Путь, — ответило Безначальное. — Путь незрим, а если мы что-то видим — значит, это не Путь. О Пути нельзя ничего сказать, а если о нем

что-то говорят — значит, это не Путь. Кто постиг Бесформенное, которое дает формы формам, тот знает, что Пути нельзя дать имя.

И еще Безначальное сказало: “Отвечать на вопрос о Пути — значит не знать Путь. А спрашивающий о Пути никогда не слышал о нем. О Пути нечего спрашивать, а спросишь о нем — не получишь ответа. Вопросать о недоступном вопрошанию — значит спрашивать впустую. Отвечать там, где не может быть ответа, — значит потерять внутреннее. Тот, кто утратил внутреннее и спрашивает впустую, вокруг себя не видит вселенной, а внутри себя не замечает Великое Начало. Поэтому он никогда не поднимется выше гор Куньлунь и не сможет странствовать в Великой Пустоте”.

Свет спросил у Отсутствия ¹¹³: “Ты есть или тебя нет?” Отсутствие не ответило. Свет вгляделся пристально в его облик — такой темный, такой пустой! Целый день смотри на него — и не увидишь, слушай его — и не услышишь, хватай его — и не поймешь.

— Вот совершенство! — воскликнул Свет. — Кто из нас может достичь этого? Я могу не быть, но не могу не быть даже в своем отсутствии. А вот оно дошло до этого. Как же ему такое удалось?

Некий кузнец, ковавший крюки для предводителя царского войска, в возрасте восьмидесяти лет ничуть не утратил своего мастерства.

— Как ты искусен! — воскликнул военачальник. — Есть ли у тебя Путь?

— Да, есть, и ваш слуга бережно хранит его, — ответил кузнец. — Когда мне было двадцать лет, я полюбил кузнечное ремесло, ни на что другое внимания не обращал, ничего, кроме крюков, не изучал. Я был так поглощен своим делом, что даже не замечал, чем я занимаюсь. Вот так, незаметно для себя трудясь в течение долгого времени, я извлек для себя великую пользу! Так и нужно относиться к любому делу в жизни.

Жань Цю спросил у Конфуция:

— Можно ли знать, существует ли что-нибудь прежде Неба и Земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — Прежде было то же, что и сейчас.

Жань Цю не нашелся, что спросить еще, и ушел. На другой день он снова подошел к учителю и спросил:

— Вчера я спросил, можно ли знать то, что существует прежде Неба и Земли? Вы, учитель, ответили, что прежде было то же, что есть сейчас. Позвольте спросить: почему вчера мне этот ответ был ясен, а сегодня нет?

— Вчера он был тебе ясен потому, что ты был готов духом воспринять его. А сегодня тебе не ясно потому, что ты пытаешься приложить его и к недуховному тоже, верно? В действительности нет ни прошлого, ни настоящего, ни начала, ни конца; прежде чем у тебя появятся дети и внуки, у тебя уже есть дети и внуки. Возможно ли такое?

Жань Цю не ответил, и тогда Конфуций сказал:

— Ты не отвечаешь — и довольно об этом. Мертвое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мертвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет. Может ли то, что существует прежде Неба и Земли, само быть вещью? То, что делает вещи вещами, само не является вещью; вещь, появляясь, не может предшествовать другим вещам. Состояние “прежде вещей” подобно наличию вещей, и это “подобие наличию вещей” неисчерпаемо. И то, что “любовь мудрого к людям никогда не иссякает”, тоже объясняется этим.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Я слышал, как вы, учитель, говорили прежде: “Ничего не принимай, ничего не встречай”. Что означают эти слова?

Конфуций ответил:

— Люди древности изменялись вовне, но не менялись внутри. Нынче же люди изменяются внутри и не меняются вовне. Только тот, кто принимает перемены вещей, способен не меняться сам: в переменах он не претерпевает перемен. Но таких, конечно, немного. Так было в парке рода Шивэй, в угодьях Желтого Владыки, во дворце рода Юй, в домах Тана и У. Даже благородные мужи вроде последователей Конфуция и Мо Ди погрязли в спорах об “истинном” и “ложном”. Что же говорить о современных людях?

Мудрый пребывает среди вещей, но не наносит вещам урона. Поскольку он не наносит урона вещам, вещи тоже не причиняют ему вреда. Только тот, кому ничего не вредит, способен воистину принимать и встречать.

Лес в горах, луг у реки доставляют мне удовольствие и радость. Но не успеешь вдосталь вкушать радости, как на смену ей приходит печаль. Приходу радости или печали мы не в силах помешать, их уход мы не в силах предотвратить. Как печально сознавать, что человек — лишь постоянный двор для вещей! И знает он лишь те вещи, которые посетили его, и не знает прочих. Он знает то, что способен совершить, и не знает того, что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. И не печально ли, что человек пытается избежать того, чего избежать нельзя?

Совершенная речь устраняет слова. Совершенное действие устраняет действия. Как это мелко — знать лишь то, что известно!

Глава XXIII ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лао-цзы был человек по имени Гэнсан Чу, который лучше других постиг его учение. Он поселился у северного склона холма Вэйлэй, прогнал прочь слуг, которые выделялись познаниями, и отослал от себя наложниц, славившихся добротой. Он приближал к себе только грубых и уродливых и брал на службу только дерзких и жестоких. Так прожил он три года, и в Вэйлэй собрали богатый урожай. Люди в округе говорили друг другу:

— Когда господин Гэнсан пришел сюда, он встревожил нас, и мы сочли его странным. На первых порах мы полагали, что от него нельзя ждать ничего хорошего. Теперь же, прожив с ним годы, мы благоденствуем. Как не назвать его великим мудрецом? Почему бы нам всем вместе не воздать ему почести как усопшему предку и не воздвигнуть для него алтарь духов всех злаков?

Услышав об этих разговорах, Гэнсан Чу повернулся лицом к югу и долго не мог прийти в себя. Ученики очень удивились этому, а Гэнсан Чу сказал:

— Чему же вы удивляетесь? С приходом весны все травы расцветают, а в осеннюю пору созревают плоды. Неужели весна и осень оказывают такое воздействие без причины? Сие свершается благодаря действию Великого Пути. Я слышал, что настоящий человек живет беспечно в стенах своего дома, а народ в округе сходит с ума от желания встретиться с ним. Теперь маленькие люди Вэйлэй хотят отдать мне великие почести и поставить меня в один ряд с самыми талантливыми и добродетельными мужами. Неужели я и в самом деле такой человек? Видно, я что-то не понял в словах Лао Даня.

— Это не так! — отвечали ученики. — В придорожной канаве тесно будет даже пескарю, крупную же рыбу туда и не пустишь. За низким холмом не спрятаться даже зверю, поселиться там может разве что лиса-оборотень.

Высокочтимые и умные мужи принимали к себе на службу умелых, ценя первым делом добро, а уже потом выгоду. Если так поступали Яо и Шунь, то мы тем более должны поступить так же. Послушайтесь нас, учитель!

— Подойдите, дети мои, — сказал Гэнсан Чу. — Если зверь, способный проглотить целый экипаж, покинет родной холм, то ему не избежать опасности, которую сулит ему раскинутая сеть. А если рыбу, которая может проглотить целую лодку, оставить без воды, то ей будут опасны даже муравьи. Поэтому птицы не боятся высоты, а рыбы и черепахи не боятся глубины. Тот же, кто печется о собственной безопасности, не может не скрываться в этом мире и не боится глубокого уединения. Что же достойно восхваления в Яо и Шуне? Ведь их умственные ухищрения были подобны бездумному разрушению стен в доме или сажанию бурьяна в поле, расчесыванию лысины или варке риса по зернышку. Разве можно таким способом помочь миру? И тут начали выдвигать “высоконравственных”, а людей стали притеснять; возвысили “умных”, а людей начали грабить. Тот, кто ведет счет вещам, не способен облагодетельствовать народ. Люди же стали добиваться выгоды, сыновья поднялись на отцов, слуги — на своих господ, начались грабежи среди бела дня, при свете солнца роют подкопы. Говорю вам: корень великой смуты — это царствование Яо и Шуня. Верхушки же ее протянутся на тысячи лет, так что через сотню веков люди будут пожирать друг друга!

Тут со своего места быстро поднялся ученик по имени Наньжун Гу и сказал:

— А что должен делать такой старый человек, как я, чтобы достичь совершенства, описанного вами, учитель?

— Сохраняй в целостности свое тело, береги свою жизнь, не допускай в мыслях суеты и через три года сможешь стать таким, — ответил Гэнсан Чу.

— Все глаза выглядят одинаково, я не знаю, каково различие между ними, а слепой себя не видит. Все уши выглядят одинаково, и я не знаю, каково различие между ними, а глухой себя не слышит. Сознание у всех одинаковое, я не знаю, чем оно отличается у разных людей, но безумец себя не сознает. Тела людей подобны друг другу, но есть что-то, что нас разделяет. Я хочу быть подобным вам, но не могу достичь этого. Только что вы сказали мне: “Храни в целостности свое тело, береги свою жизнь, не допускай суеты в мыслях”. Я, Гу, жажду понять эти слова, но они пока что достигли только моего слуха.

— Мне больше нечего сказать тебе, — ответил Гэнсан Чу. — Недаром говорят, что роящиеся мошки не превратятся в куколку, юэская курица не высидит гусиное яйцо. Дело не в том, что жизненные свойства этих птиц различны. Их способности или неспособности обусловлены величиной их таланта. Оказалось, что моих талантов не хватает для того, чтобы просветить тебя. Почему бы тебе не поехать на юг и не встретиться с Лао-цзы?

Наньжун Гу взвалил на спину дорожный мешок с провизией и, проведя в пути семь дней и семь ночей, пришел к дому Лао-цзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — спросил его Лао-цзы.

— Да, — ответил Наньжун Гу.

— А почему ты привел с собой так много людей?

Наньжун Гу в недоумении оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал ему вопрос Лао-цзы.

Наньжун Гу потупился от стыда, потом поднял голову и сказал со вздохом:

— Сейчас я забыл свой ответ вам и поэтому забыл вопрос, с которым хотел обратиться к вам.

— О чем ты?

— Если у меня не будет ума, люди назовут меня глупцом, а если у меня будет ум, он принесет мне несчастье. Если я буду добрым, то принесу вред себе, а если буду недобрым, то принесу вред другим. Если я буду справедливым, то навлеку беду на себя, а если буду несправедливым, то навлеку беду на других. Как же мне избежать этих трех затруднений?

— Я понял тебя, еще только взглянув на тебя, а теперь и слова твои говорят о том же. Ты испуган и растерян, словно дитя, оставшееся без отца и матери, и пытаешься шестом достать до морского дна. Ты сам навлекаешь на себя погибель, идешь против собственной природы и не знаешь, где выход. Как ты жалок!

Наньжун Гу попросил у Лао-цзы разрешения остаться в его доме, старался усвоить все доброе и отринуть все худое, десять дней предавался размышлениям, а потом снова пришел к Лао-цзы. Тот сказал:

— Ты очистился! В душе твоей стало больше жизни! Однако в тебе еще осталось немало дурного. Не позволяй увлеченности внешним связывать себя: поставь ей преграду внутри себя. Однако ж когда чувства внутри стеснены, их тоже трудно обуздать: следует выпускать их наружу. Даже тот, кто управляется и с внешним, и с внутренним в себе, не способен поддержать в себе полноту жизненных свойств Пути, что же говорить о том, кто живет, пренебрегая Путем?

Наньжун Гу сказал:

— Когда в деревне заболевает один человек, его сосед расспрашивает его, и больной может рассказать о своей болезни. Но его рассказ о болезни — это еще не сама болезнь. Когда я спрашиваю вас о Великом Пути, я словно пью снадобье, от которого мой недуг только усиливается. Хотелось бы услышать о том, что есть главное для сбережения жизни?

— Ты хочешь знать о том, как сберегать свою жизнь? — ответил Лао-цзы. — Способен ли ты охватить единое и не терять его? Можешь ли ты, не прибегая к гаданию на панцирях черепах и стеблях трав, узнавать о будущем счастье или несчастье? Умеешь ли ты останавливаться? Способен ли все отринуть? Можешь ли оставить людей и искать самого себя? Можешь ли уйти от всего? Можешь ли быть совершенно непосредственным? Можешь ли стать младенцем? Ведь младенец кричит целыми днями и не хрипнет — таков предел гармонии. Он целыми днями сжимает кулачки — и ничего не хватает — такова всеобщая полнота жизненных свойств. Он целый день смотрит и не мигает — такова его несвязанность внешним ¹¹⁵. Он идет, сам не зная куда; останавливается, сам не зная почему. Он ускользает от всех вещей и плывет вместе с переменами. Таков путь сбережения жизни.

— Значит, таковы свойства совершенного человека? — спросил Наньжун Гу.

— Нет, это еще не все, — ответил Лао-цзы. — Таковы лишь способности к тому, что мы называем “растопить снег, сколоть лед”. Совершенный человек кормится от Земли и радуется Небу, он не будет беспокоиться вместе с другими о выгоде или убытках, не будет вместе с другими удивляться, не будет вместе с другими строить планы, не будет вместе с другими вершить дела. Он уходит, не прилагая усилий, он приходит, не теряя безмятежности. Вот что такое путь сбережения жизни.

— Так это и есть высшая истина?

— Еще нет. Но я поведаю ее тебе. Я спросил тебя: можешь ли ты стать младенцем? Ведь младенец ползет, не зная зачем, тянется, не зная куда.

Телом подобен засохшему дереву, сердцем подобен мертвому пеплу. К такому не придет ни счастье, ни несчастье. Тому, кто не ведает ни счастья, ни горя, все людские беды нипочем!

Из великой упокоенности Всеобъятного исходит Небесный Свет. В Небесном Свете люди опознаются как люди, вещи опознаются как вещи. Только упорный человек обладает постоянством. Кто обладает постоянством, того поддержат люди, тому поможет Небо. Тот, кого поддержат люди, зовется человеком Неба. Тот, кому поможет Небо, зовется Сыном Неба.

Учащийся учится тому, чего не может выучить. Делаящий делает то, чего не может сделать. Доказывающий доказывает то, чего не может доказать. Тот, кто в знании останавливается на неизвестном, достигает совершенства. А кто не желает этого делать, у того небесное равновесие отнимет все лишнее.

Того, кто содеял недоброе явно, покарают люди. Того, кто содеял недоброе тайно, покарают духи. Лишь тот, кто понимает и людей, и духов, может идти путём Одинокого.

Тот, кто заключает договор внутри, остается безымянным. Тот, кто заключает договор вовне, стремится к приобретению. Тот, кто живет без имени, даже в обыденном несет собою свет. Тот, кто стремится к приобретениям, только торгуется с людьми. Люди видят, как он вытягивается на цыпочках, и считают это достижением.

Когда вещи устроены так, чтобы угодить телу, когда готовятся к неожиданностям, чтобы уберечь сердце от гибели, когда внутреннюю почтительность пестуют для того, чтобы она проявилась вовне, а беды, тем не менее, избежать не удастся, то это происходит от Неба, а не от человека. Тогда ничто не может поколебать установленное, ничто не может проникнуть внутрь Духовной Башни¹¹⁶. У Духовной Башни есть свой привратник, который действует без разумения и даже не может быть тем, кем он есть, если имеет понятие о себе. Если кто-то, не имея полной искренности в себе, попытается это выразить, всякая такая попытка порождает обман. Помыслы человека войдут в него, и с каждым разом он будет ошибаться еще больше.

Вещи входят в того, кто старается досконально их постичь. А в того, кто равнодушен к вещам, вещи не могут проникнуть. Тот, кто не выпускает в себя других, не имеет родных. А тот, кто не имеет родных, достигает предела человеческого. Нет оружия более разящего, чем воля. Ей уступит даже меч Мосе. Нет разбойников более опасных, чем силы Инь и Ян, — от них никуда не скроешься в целом мире. Но Инь и Ян не сами лишают нас дарованного нам — наше сердце побуждает их к этому.

Древние достигли предела знания. Где же этот предел? Одни считали, что изначально не существует вещей — вот исчерпывающий предел, и к нему нельзя ничего добавить. Следом шли те, которые считали, что вещи есть, а рождение — это утрата, смерть же — возвращение. Этим различия исчерпывались. Следом шли те, которые считали, что в начале ничего не было, внезапно возникла жизнь, а жизнь внезапно переходит в смерть. Они считали отсутствие вещей головой, жизнь — туловищем, а смерть — хвостом. И они считали себя друзьями того, кто хранил в себе единство бытия и небытия, жизни и смерти. Эти древние мужи говорили по-разному, но принадлежали к одному роду, подобно тому как в царском роде Чу Чжао и Цзин носили царский титул, а Цюй прислуживал им, так что положение их не было одинаковым.

Путь все пронизывает и все объемлет. В нем разделение — это собирание, а собирание — разрушение. В разделении неприемлемо то, что оно придает разделенному завершенность. В завершении неприемлемо то, что оно всему придает законченность. Поэтому устремляться вовне, не зная удержу, — значит, вести жизнь призрака. Устремляться вовне и упорствовать на своем — значит себя погубить. То, что погибло, но продолжает существовать, — это Единое мира призраков. Посредством формы оно являет бесформенное и так обретает устойчивость. Выходит из того, что не имеет корня, и входит в то, что не имеет отверстия. Обладает вещественностью, но ни в чем не пребывает; обладает протяженностью, но не имеет начала и конца. То, что выходит откуда-то, но не имеет отверстий, — это вещественность. Обладающее вещественностью, но ни в чем не пребывающее — таково пространство. Обладающее протяженностью, но не имеющее начала и конца — таково время. Есть нечто, из чего мы выходим при рождении и куда входим в смерти, откуда выходят и куда входят, и не видно его формы. Это зовется Небесными Вратами. Небесные Врата — это отсутствие чего бы то ни было, и оттуда появляется вся тьма вещей. Нечто наличествующее не может стать таковым благодаря тому, что наличествует, но оно должно происходить из отсутствия наличествующего. А это отсутствие остается таковым на все времена. И мудрый хоронит себя в этом.

Жизнь — что сажа, скапливающаяся под котлом. Разъясняя смысл этого суждения, скажем: “перемещение *этого*”. Но сказать, что наша жизнь продлевается в других существах, — значит сказать нечто нелепое. Хотя познать это нельзя, но вот в церемонии “ла”¹¹⁷ желудок и копыта жертвы кладут порознь, но они считаются частями одного существа. А тот, кто осматривает дом, обходит алтарь, потом посещает даже уборную. Вот что можно воистину назвать “перемещением *этого*”.

Как же судят об этой истине? Жизнь считают основой, знание — руководителем, а потому разделяют истинное и ложное и устанавливают имена и сущности. Поэтому себя считают сущностью и заставляют других подражать им. Чтобы отстоять свои взгляды, они готовы даже умереть. Такие люди считают знающими тех, кто могут служить, и невеждами тех, кто бесполезен. Они считают высокое положение славой, а униженность — позором. Для современных людей “перемещение *этого*” подобно различиям, которые делают цикада и горлица, — в их жизни нет различий.

Если кому-то на рынке наступят на ногу, то попросят прощения за неловкость. Если старший брат поступит так по отношению к младшему, то он его пожалеет, и не более того. Недаром говорят: “Кто вежлив воистину, тот не церемонится. Кто справедлив воистину, не разбирает, где свои, а где чужие. Тот, кто знает воистину, не строит расчетов. Тот, кто человечен воистину, не знает жалости. Тот, кто доверяет воистину, не требует в залог золота”.

Отстрани то, что расстраивает волю. Освободись от того, что смущает сердце. Прогони то, что обременяет жизненную силу. Устрани все препятствия для осуществления Пути. Знатность и богатство, почет и чин, слава и выгода — эти шестеро расстраивают волю. Прелести и суетность, похоть и рассудок, кипение в крови и воображение — эти шестеро обременяют жизненную силу. Отрицание и утверждение, присвоение и отречение, знание и умение — эти шестеро создают преграды для Пути. Когда эти три шестерки не тревожат нас, мы покойны. Когда мы покойны, наш разум просветлен.

Когда мы просветлены, мы обретаем пустоту. Когда мы пусты, мы следуем недеянию. И тогда все свершается само собой.

“Путь” — это порядок устройства жизненной силы. “Жизнь” — это излучение жизненной силы. “Природа” — это ее жизненные свойства. Действие, проистекающее из природы, зовется свершением. Свершение, ставшее нарочитым, зовется упущением.

“Знать” — значит воспринимать что-то, “знание” есть выражение этого. А то, что знание не знает, дается через узрение.

То, что вынуждает нас действовать единственно правильным способом, есть “Сила”. Когда наши действия обусловлены не кем-нибудь другим, а нами самими, это зовется “порядком”. Эти названия, казалось бы, друг другу противоречат, а в действительности друг друга обуславливают.

Стрелок И был искусен в стрельбе из лука, но не умел отвлечь людей от хвостовства. Мудрый искусен в небесном, но не искусен в человеческом. Только совершенный человек может быть искусным в небесном и ловким в человеческом. Только животное может быть животным, только животное может сберечь в себе небесное. Совершенный человек не приемлет небесного и не приемлет небесного, сотворенного человеком. Тем более не приемлет он вопросов о том, что в нас от Неба, а что — от человека.

Когда стрелку И попадалась птица, он обязательно сбивал ее стрелой — таково было его искусство стрельбы. Но если всю Поднебесную сделать одной большой клеткой, из нее не ускользнет ни одна птица. Вот так Тан поместил в клетку И Иня, пожаловав ему должность царского повара, а циньский Му-гун завлек Раба из Байли, подарив ему пять бараньих шкур. Но если вы попытаетесь заманить кого-нибудь в клетку, посулив ему то, что ему не нравится, вы никогда не добьетесь успеха.

Человек, у которого в наказание отсекали ногу, не страшится законов и людского суда. Преступники, скованные цепью, восходят на гору, презрев жизнь и смерть. Тот, кто не благодарит за подарки, забыл про людей, а кто забыл про людей, тот стал Небесным человеком. Окажи ему почет — и он не обрадуется. Унизь его — и он не разгневется. Ибо он уподобляет себя Небесному согласию.

Если выказывать гнев, а не гневаться, тогда гнев будет исходить от негневающегося. Если для вида что-то делать, блюдя надеяние, тогда действие будет совершаться недействующим. Хочешь покоя — стань безмятежным. Хочешь быть проницательным, следуй сердцу. Если хочешь действовать без ошибок, то делай лишь то, чего не можешь не делать. Делать лишь то, чего нельзя не делать, — таков Путь истинно мудрого.

Глава XXIV

СЮЙ УГУЙ

Сюй Угуй благодаря рекомендации Нью Шана встретился с вэйским царем У-хоу. Царь учтиво спросил гостя:

— Почему вы, учитель, изъявили согласие встретиться со мной? Может быть, вас утомили ваши труды в лесах?

— Это я могу посочувствовать вам, государь, а не вы мне, — ответил Сюй Угуй. — Ведь вы, государь, погрязли в низменных страстях, а длительная любовь или ненависть делают душу больной. Если же вы отбросите низменные страсти, любовь и ненависть, у вас будут болеть глаза и уши. Тогда уже мне придется выражать вам сочувствие. Отчего же вы, государь, так переживаете за меня?

Царь высокомерно промолчал, и тогда Сюй Угуй сказал:

— Осмелюсь рассказать государю, как я распознаю собак. Худшие собаки думают лишь о том, как насытить брюхо; таковы же и повадки кошки. Собака средних качеств смотрит вверх, словно на солнце. Лучшие же собаки словно бы забывают о себе. Коней я распознаю еще лучше, чем собак. А распознаю я их так: если конь скачет прямо, словно по отвесу, поворот делает, словно по крюку, описывает квадрат, словно по наугольнику, и бежит по кругу, точно по циркулю, то это — конь царства. Однако ж и он уступает коню Поднебесной. У коня Поднебесной талант совершенно необыкновенный: вид у него такой, будто он чего-то страшится, что-то потерял, от самого себя отрешился. Такой конь мчится впереди всех, не поднимая пыли, не зная, куда скачет.

Царю стало смешно, и он громко рассмеялся. Когда Сюй Угуй вышел, Нью Шан спросил его:

— Чем вы, учитель, так развеселили моего государя? Сколько я ни наставлял его, будь то окольным путем, обращаясь к “Книге Песен”, “Книге Преданий”, запискам о ритуале и музыке, или же говоря без обиняков, ссылаясь на записи в Шести шкатулках и на железных табличках¹¹⁸, мне никогда не удавалось сделать так, что государь обнажал свои зубы в улыбке. Чем же вы, учитель, сумели так развеселить нашего государя?

— Я только рассказал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Угуй.

— Только и всего? — удивился Нью Шан.

— Не приходилось ли вам слышать про одного изгнанника из царства Юэ?

Прожив в изгнании несколько дней, он радовался, когда встречал кого-нибудь знакомого из своих земляков. Прожив в изгнании несколько месяцев, он радовался, когда встречал кого-нибудь из земляков, чье имя было ему знакомо. А после того как он прожил в изгнании целый год, он был рад встретить любого человека, который был похож на его земляков. Чем дальше уходил он от людей, тем больше тосковал по людям. Когда же он очутился в пустынных землях и дни напролет бродил в лесной чаще по безлюдным тропам, то был рад, когда слышал что-либо похожее на звук человеческих шагов. И сколь сильнее была бы его радость, если бы он увидел перед собой собственных братьев и родичей! Как же много времени прошло с тех пор, как наш государь слышал речь Настоящего человека!

Сюй Угуй увиделся с царем У-хоу, и тот сказал:

— Вы, учитель, уже давно живете в далеких лесах, питаясь кореньями и плодами. Не наскучили ли вам пырей и лебеда, коль скоро вы пожаловали ко мне, единственному? А может быть, вы пришли потому, что состарились? Или возжелали мяса и вина? Или хотите быть облагодетельствованным от моего алтаря духов плодородия?

— Я, Угуй, вышел из рода бедного и незнатного, а потому никогда бы и не посмел попробовать царского вина и мяса. Но вскоре мне придется позаботиться о вас, государь.

— Что значат эти слова?

— Небо и Земля одинаково вскармливают все живое, — ответил Сюй Угуй. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, пребывающих внизу нельзя считать худшими. Вы, государь, — единственный повелитель десяти тысяч колесниц и ради удовольствия своих ушей, глаз, рта и носа заставляете тяжело трудиться народ всего царства. Но дух удовлетвориться этим не может. Дух любит согласие и ненавидит распушенность. Распушенность — это болезнь духа. Вот я и не могу не сокрушаться о том, что вы, государь, сами навлекаете на себя болезнь.

— Давно уже хотел я повидаться с вами, учитель, — сказал царь. — Желая любить народ и во имя справедливости положить конец войнам. Возможно ли сие?

— Нет, — ответил Сюй Угуй. — В любви к людям — начало гибели людей. В желании ради справедливости положить конец войнам — корень войны. Если вы, государь, начнете так действовать, все пропало. Ибо красивые слова — это орудие зла. Вы ратуете за человечность и долг, а на деле сеете ложь. Всякая форма вызовет к жизни другую форму, всякий успех вызовет противодействие, а всякое изменение вызовет противоборство. Не выставляйте, государь, ряды ваших воинов на галереях и башнях, не приводите лучников и всадников к воротам дворцового храма, не замышляйте измены ради приобретения, не надейтесь хитростью одолеть других, не пытайтесь победить людей ни умом, ни оружием. Убивать всех людей подряд, захватывать чужие земли ради собственной корысти и собственной похоти — кому от этого будет хорошо?

Где находится истинная победа? Если вы, государь, от этого откажетесь и будете жить по закону Неба и Земли, отринув мысли об убийстве и не утесняя других, то разве понадобится вам, государь, ратовать за прекращение войн?

Желтый Владыка поехал на встречу с Великой Глыбой. Не успел он доехать до города Сянчэна, как сбился с пути. Тут повстречался ему мальчик, пасший коней.

— Ты знаешь, где живет Великая Глыба? — спросил его Желтый Владыка.

— Знаю, — ответил мальчик.

— Вот необыкновенный пастушок! — удивился Желтый Владыка. — Знает, где живет Великая Глыба! А позволь спросить тебя: как нужно править Поднебесным миром?

— Поднебесный мир нужно оставить таким, какой он есть. Что с ним еще делать? — отвечал пастушок. — Я с детства скитался по свету, и вот зрение мое омрачилось. Один старец наставил меня: “Броди по равнине вокруг Сянчэна подобно колеснице солнца”. Ныне свет мира вновь воссиял для меня, и я опять пойду скитаться за пределами шести углов вселенной. А Поднебесную надо оставить такой, какая она есть. Зачем что-то делать с ней?

— Управлять Поднебесным миром и вправду не ваше дело. Но все-таки позвольте спросить, как мне быть с ним?

Мальчик не захотел отвечать, но Желтый Владыка повторил свой вопрос, и тогда мальчик ответил:

— Не так ли следует управлять Поднебесной, как пасут лошадей? Устранять то, что вредит лошадям, — только и всего!

Желтый Владыка низко поклонился мальчику, назвал его “небесным наставником” и смиренно удалился.

Если любители знания не видят перемен, которые предполагает их ум, они печалются. Если любители споров не могут выстроить своих суждений по порядку, они печалются. Если те, кто приставлен надзирать, не имеют дел, заслуживающих разбирательства, они печалются. Все эти люди связаны вещами. Мужички, славящиеся в свете, процветают при дворе. Мужички среднего положения славят начальников. Силачи жаждут показать свою силу. Храбрецы ищут случая показать свою храбрость. Воины, облаченные в латы, ищут сражения. Мужички, уподобившиеся высохшему дереву, утешаются своей известностью. Мужички законов пекутся о правильном управлении. Знатки ритуалов и музыки следят за своей внешностью. Любители человечности и долга ценят общение с другими людьми.

Земледельцы, не выпалывающие сорняков на своем поле, не соответствуют своему званию. Купцы, не торгующие на рынке, не соответствуют своему званию. Когда у простых людей есть занятие, они усердно трудятся от зари до зари. Ремесленники, научившиеся обращаться со своими орудиями, работают с еще большим рвением. Если богатство не возрастает, жадные печалются. Если могущество не увеличивается, тщеславные горюют. Приверженцы силы и выгоды радуются изменению обстоятельств — в каждый момент времени они найдут, чем воспользоваться. Они не могут не иметь дел. Вот так они живут круглый год, меняясь вместе с вещами. Они дают волю своим прихотям, погрязают в вещах и до самой смерти не могут вернуться к истине. Как это прискорбно!

Чжуан-цзы сказал:

— Если того, кто попал в цель, не целясь, считать отличным стрелком, то все люди в Поднебесной оказались бы меткими, как стрелок И. Возможно ли такое?

— Возможно, — ответил Хуэй Ши.

— Если бы в Поднебесной не было общей для всех истины, и каждый считал истиной только свое мнение, то в Поднебесной все оказались бы мудры, как Яо. Возможно ли такое?

— Возможно.

— Последователи Конфуция и Мо Ди, Яна и Бина ¹¹⁹ составляют четыре школы, а вместе с вами, уважаемый, — пять. Кто же из них прав? А может быть, истиной обладает Лу Цзюй ¹²⁰? Его ученик сказал: “Я постиг Путь учителя. Я могу зимой приготовить горячую пищу в треножнике, а летом делать лед”. Лу Цзюй сказал: “Это означает посредством силы Ян притянуть Ян, посредством силы Инь притянуть Инь. Мой Путь вовсе не таков. Я покажу тебе, что такое мой Путь”. И тут он настроил два инструмента шэ ¹²¹, один положил в главном зале дома, а другой — в боковой комнате. Тронул струну гун на одном — та же струна зазвучала на другом инструменте, тронул струну цзяо — откликнулась струна цзяо, и так все струны обоих инструментов звучали в согласии. Но можно ли изменить тон одной струны, не нарушив строй пяти тонов, а потом, тронув эту струну, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Такой звук был бы настоящим государем всех тонов. Вот какова должна быть истина!

— Ныне последователи Конфуция и Мо Ди, Яна и Бина спорят со мной, отрицая друг друга и соперничая друг с другом в славе, — сказал Хуэй Ши. — Но никто еще не смог опровергнуть меня. Разве не доказывает это, что я владею истиной?

— Некий житель Ци послал своего сына служить привратником в Ци, не предполагая, что ему могут там в наказание отсечь ногу. Он же, покупая колокола, обвязал их веревкой из опасения, что их поцарапают. Ради же собственного сына он не покинул пределы своего царства. Если житель Чу, странствуя как хромым

привратник, затеет в полночь, когда вокруг никого нет, ссору с лодочником, он едва ли достигнет берега, и ему придется пожалеть о своей запальчивости.

Чжуан-цзы, стоя на похоронах перед могилой Хуэй Ши, повернулся и сказал сопровождающим:

— Среди иньцев был человек, который, посадив на нос пятнышко глины величиной не более крылышка мухи, просил плотника Ши стесать его. Плотник Ши начинал вращать над головой топор так, что поднимался ветер, и, улучив момент, сбрасывал пятно топором, не задев носа, а инец и глазом не успевал моргнуть. Услышал об этом сунский царь Юань, призвал к себе плотника Ши и сказал ему: “Попробуй стесать и у меня”.

“Ваш слуга и вправду мог стесать пятно с носа, — ответил царю плотник, — но мой партнер умер, и теперь у меня нет подходящего материала”.

Так вот, с тех пор как умер учитель Хуэй Ши, у меня тоже не осталось друга, с кем мог бы я оттачивать искусство беседы.

Гуань Чжун заболел, и Хуань-гун сказал ему:

— Болезнь у вас, отец Чжун, тяжелая, и я хочу спросить вас откровенно: если вам станет еще хуже, кому я могу доверить царство?

— А кому бы хотел государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нет! — сказал Гуань Чжун. — Он — человек целомудренный и честный, но всех меряет по себе, а не себя по другим. Если он услышит хоть раз о проступке другого, всю жизнь ему не простит. Если доверить ему управление царством, то вверху он будет навязывать свою волю государю, а внизу — идти наперекор народу. Пройдет немного времени — и он совершит преступление против царя.

— Кому же можно? — спросил Хуань-гун.

— Если меня не станет, то можно Си Пэна, — ответил Гуань Чжун. — Это такой человек, что государь о нем забудет, а народ ему не изменит. Сам он стыдится, что не сравнится с Желтым Владыкой, но печалится о тех, кто не сравнится с ним самим. Тот, кто делится с людьми полнотой жизни в себе, зовется мудрецом. Тот, кто делится с другими богатством, зовется достойным мужем. Тот, кто свои достоинства обращает к вышестоящим, никогда не завоюет их расположения. Тот, кто свои достоинства обращает к нижестоящим, обязательно завоюет их расположение. Си Пэн не слишком известен в царстве и не слишком прославился у себя в роду, поэтому управление можно доверить ему.

Уский царь, плывя по реке, поднялся на Обезьянью гору. Завидев его, обезьяны бросились врассыпную и скрылись в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала вокруг, как бы показывая царю свою ловкость. Царь выстрелил в нее из лука, но она поймала стрелу. Тогда царь велел своим людям стрелять в нее из всех луков, и обезьяна, в конце концов, упала, сраженная стрелой.

Царь обернулся и сказал своему другу Янь Буи: “Эта обезьяна хвасталась своей ловкостью и, в конце концов, нашла свою смерть. Пусть это послужит тебе предостережением. Нельзя хвастаться своими достоинствами перед другими!”

Вернувшись домой, Янь Буи обратился к Дун У с просьбой отучить его гордиться своей красотой, веселиться и искать славы. Прошло три года, и люди царства стали хвалить его.

У Цзы-Ци было восемь сыновей. Выстроив их перед собой, он позвал Цзюфан Янь и сказал ему:

— Узнай по лицам моих сыновей, кого из них ждет счастье!

— Счастье уготовлено Куню, — сказал Цзюфан Янь.

— Какое же это счастье? — спросил изумленный Цзы-Ци.

— До конца своих дней Кунь будет делить трапезу с государем.

— Неужели моего сына постигнет такое несчастье? — спросил Цзы-Ци, и слезы ручьем полились из его глаз.

— Но ведь для того, кто вкушает пищу вместе с государем, милости распространяются на родичей до третьего колена, особенно же — на отца и мать. А вы, уважаемый, услышав мое предсказание, льете слезы и не желаете принимать свое счастье, принимаете его за несчастье.

— Янь, как ты узнал о том, что Куня ждет счастье?

— Благодаря тому, что от него исходит запах вина и мяса.

— А как ты узнал, каково происхождение этого запаха?

— Я никогда не был пастухом, однако овцы ягнились в юго-западном углу моего дома. Я никогда не любил охотиться, однако перепелка вывела птенцов в юго-западном углу дома. Если это не предзнаменования, тогда что это такое?

— Со своими сыновьями я странствовал по всему свету, вместе с ними радовался Небу, вместе с ними кормился от Земли. Я не занимался с ними делами, не строил с ними расчетов, не интересовался чудесами. Я постигал вместе с ними подлинность Неба и Земли и не связывал себя вещами. Вместе с ними я только жил привольно и не совершал того, что требует долг. Теперь я отринул от себя все обыденное. Если есть странные явления, то будут и странные поступки. Нам грозит гибель! Но вина не на мне и не на моих сыновьях. Все это идет от Неба. Оттого-то я и лью слезы!

Вскоре отец послал Куня в царство Янь, а по пути на него напали разбойники. Поскольку продать его целым было трудно, они отсекали ему ногу и продали в Ци. Там Кунь оказался привратником в доме знатного царедворца и до самой смерти питался мясом.

Когда Гоуцзянь и его три тысячи латников укрылись на горе Куйци, только Вэнь Чжун знал, как возродить разбитое царство Юэ. И только Вэнь Чжун не знал, чего он должен опасаться¹²². Вот почему говорят: “Даже глаза совы могут пригодиться”. И еще: “И на ноге аиста есть коленце, отними — будет больно”. Говорится и так: “Даже когда ветер перелетает через реку, не обходится без потерь. Даже когда солнце перейдет через реку, не обходится без потерь”. Это значит, что даже ветер и солнце сдерживают течение реки. Для реки же никаких преград как будто нет, так что она свободно течет от истока до самого моря. Земля держит воду: это рубеж воды. Тень движется за человеком: это рубеж человека. Вещи охватывают другие вещи: это рубеж вещей. Поэтому в ясности зрения таится опасность для глаз. В чуткости уха таится опасность для слуха. В сообразительности ума таится опасность для сознания. И всякая способность, проявившаяся в нас, чревата опасностью. Когда опасность назрела, отвратить ее нет возможности, и беды наши разрастаются, как бурьян. Избавиться от них стоит больших трудов, и притом плодов наших усилий приходится ждать долго. Люди же считают свои опасности сокровищем. Ну не прискорбно ли это? Вот отчего рушатся царства, гибнут люди, но никто не задается вопросом: почему так происходит?

Цзы-Ци из Наньбо сидел, опершись локтем о столик, и дышал, обратив лицо к небу. Яньчэн-цзы вошел и, увидев это, сказал:

— Учитель, вы не имеете себе равных! Может ли тело стать подобным высохшему дереву, а сердце уподобиться мертвой золе?

— Я долго жил в пещере на горе, — ответил Цзы-Ци. — В то время меня заметил Тянь Хэ, и его подчиненные в Ци трижды поздравляли его. Не иначе как я сам привлек к себе внимание — вот почему он заметил меня. Если бы я не начал действовать сам, как бы он узнал обо мне? Если бы я не выставил себя на продажу, разве захотел бы он купить меня? Увы мне! Я скорбел о человеке, потерявшем себя, потом скорбел о скорбевшем, а потом я скорбел о том, что скорбел о скорбевшем. Вот так с каждым днем я все больше отклонялся от Пути!

Конфуций пришел в царство Чу, и чуский царь стал угощать его вином.

Суньшу Ао поднял кубок, Шинань Иляо принял вино и, совершив возлияние духам, сказал:

— Нынче здесь скажет свое слово древний человек!

— Мне доводилось слышать об учении без слов, — сказал Конфуций. — Никогда прежде я о нем не говорил, а сейчас скажу. Шинань Иляо беспечно развлекался игрой, а споры между двумя домами прекратились. Суньшу Ао безмятежно спал с веером из перьев в руках, а люди Ин отложили оружие¹²³. Чтобы это разъяснить, мне нужно обладать клювом длиною в три вершка!

По поводу этих двух мужей можно сказать, что они обладали “Путем, которым нельзя идти”. По поводу Конфуция можно сказать, что он владел “рассуждением без слов”. Посему, когда все свойства вещей постигнуты в единстве Пути, а речь достигает предела знания, мы приходим к совершенству. Однако даже и в единстве Пути, свойства не могут быть все одинаковы, а то, что не может быть охвачено знанием, не может быть и названо словом. Суждений может быть великое множество — как в спорах последователей Конфуция и Мо Ди, — и от этого происходят несчастья. А Океан не отвергает вод, втекающих в него с запада, — вот в чем истинное величие! Мудрый объемлет Небо и Землю, простирает свою милость на весь Поднебесный мир, но неведомо, какого он роду-племени. При жизни не имеет звания, после смерти не получает почетного титула, богатств не накапливает, за славой не гонится. Вот такой и зовется великим человеком. Собаку считают хорошей не за то, что она громко лает. Человека считают достойным не за то, что он красиво говорит. Что же говорить о великом человеке! В мире нет ничего более великого, чем Небо и Земля. А поскольку они велики, они ничего не требуют для себя. Тот, кто познал истинное величие, ничего не добивается, ничего не теряет, ни от чего не отказывается и не меняется из-за других. Он лишь возвращается к себе и не имеет границ, пребывает в древности и вовек не умирает. Воистину, таков великий человек!

Беззубый повстречался с Сюй Ю и спросил его: “Куда вы направляетесь?”

— Бегу прочь от Яо, — ответил Сюй Ю.

— Отчего же вы бежите?

— Яо настолько соблазнил человечностью, что, боюсь, над ним весь мир будет насмехаться. А в будущих поколениях люди станут пожирать друг друга! Ведь завоевать любовь народа нетрудно. Если ты сам любишь людей, то и они будут добры к тебе. Если ты приносишь им выгоду, они соберутся вокруг тебя. Если ты хвалишь их, они будут славить тебя. Если ты сделаешь что-нибудь им неудобное, они разбегутся. Любовь и выгода появляются из человечности и долга. Отвергающих человечность и долг мало, а пользующихся ими — много. Вот только поступки, сообразующиеся с человечностью и долгом, часто неискренни, а случается, ими оправдывают звериную жадность. Человек, в одиночку правящий Поднебесным миром, ограничен не меньше, чем любой другой человек. Яо знает, что достойные мужи

приносят пользу миру, но не знает, что эти же мужи губят мир. Это ведомо лишь тем, у кого кругозор шире, чем у достойных мужей.

Человеческая нога занимает немного места на земле. Но, несмотря на то, что нога мала, человек, ступая там, где еще не проходил, способен уйти далеко. Человеческие познания невелики, но человек, вверяясь неведомому, способен познать то, что зовется Небом. Так он познает великое единство, великий покой, великое созерцание, великое постоянство, великий порядок, великое доверие, великую определенность — вот совершенство!

Великое единство все пронизывает, великий покой все рассеивает, великое созерцание все являет взору, великое постоянство все возвращает к истоку, великий порядок всему придает форму, великое доверие обнажает все подлинное, великая определенность все поддерживает.

Во всеобщем порядке таится Небесное. Следуя ему, стяжешь осиянность духа. В сокровенной глубине хранится Ось бытия. У того, кто постигнет ее, понимание будет выглядеть непониманием, знание будет выглядеть незнанием. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам об этом не может быть конца и не может не быть конца.

В уклончивых словах сокрыта глубокая истина. Эту истину нельзя передать из прошлого в настоящее, но она вовек не увядает. Разве нельзя назвать ее вечно торжествующей?

Почему бы не вопрошать об этой истине, дабы с помощью несомненного развязать все сомнения и возвратиться к безупречной ясности разума? Вот что значит воистину почитать Несомненное.

Глава XXV

ЦЗЭЯН

Цзэян странствовал в Чу. Сановник И Цзе доложил об этом государю, но тот отказался его принять. И Цзе вернулся домой. Вскоре Цзэян увиделся с Ван Го и сказал ему:

— Почему бы вам не представить меня государю?

— Мне не сравниться с Гун Юэсюем, — ответил Ван Го.

— А чем занимается Гун Юэсюй?

— Зимой ловит черепах в реке, а летом отдыхает в горных лесах. А когда прохожие расспрашивают его, отвечает: “Вот мое жилище”. К тому же даже И Цзе не смог добиться для вас аудиенции, что уж говорить обо мне! Ведь я не могу соперничать с И Цзе. И Цзе — такой человек, который достоинств своих не выказывает, а умом не обделен. Он не навязывает другим свою волю, но общается с людьми духовно. Он не отказывается от чинов и богатства, но не помогает людям ни добродетелями, ни дельным советом. Замерзающему весной он даст теплый халат, желающему пить зимой поднесет холодный ветер. Чуский же царь обликом надменен и строг, к провинившимся беспощаден, словно тигр. Люди, не искушенные в хитростях и не обладающие великой праведностью, вряд ли смогут повлиять на него.

Мудрый, даже нуждаясь, заставляет домашних забыть о своей бедности. Он так возвышен, что в его присутствии цари и знатные люди забывают о чинах и наградах и превращаются в скромников. Он умеет наслаждаться вещами. А что касается людей, то он с теми, кто умеют наслаждаться жизнью, беречь себя. Поэтому он не говорит ни слова, а насыщает людей гармонией, всегда рядом с людьми и побуждает их быть самими собой.

Словно любящий отец, каждого отводит в родной дом, чтобы все люди на свете жили одной дружной семьей.

Столь возвышен мудрец в делах, касающихся души человеческой. Вот почему я говорю: “Лучше попросить об аудиенции Гун Юэсюя”.

Мудрый охватывает взором все тонкости мироздания, постигает до конца единство всех вещей и сам не знает, почему это так, ибо такова его природа. Он принимает все превратности судьбы и берет себе в учителя само Небо. Люди же повинуются ему и называют его мудрецом. Печально, что послушание их долго не живет и скоро приходит к концу. Почему так получается? Кто красив от природы — тому спешат поднести зеркало. Если бы ему не сказали, что он красив, он бы и не знал об этом. Узнал бы он или нет, услышал бы он или нет, только он все равно радовался бы жизни до конца своих дней. И люди тоже любовались бы им без пресыщения — такова их природа. Мудрый любит людей — и люди зовут его мудрецом. Если бы его так не называли, он бы и не узнал, что любит людей. Узнал бы он про это или нет, а только его любовь к людям все равно вовек не прервалась бы, и спокойствие людей при нем тоже не исчезло бы вовек, ведь такова человеческая природа.

Родное царство, родная столица: взглянешь на них издали — и чувствуешь прилив радости! Пусть даже от них остались одни могильные курганы, поросшие лесом, все же девять из десяти возвратившихся в родные места будут счастливы, тем более, если увидят уже когда-то виденное и услышат уже слышанное. Для него это как башня высотой в сотню сажений, которой любитесь весь народ.

Царь Жаньсян обрел ту Ось мира, вокруг которой вращается все сущее.

Следуя круговороту вещей, он не ведал ни конца, ни начала, ни мгновений, ни часа. Превращаясь вместе с вещами, он один не менялся. Отчего же он не остановился на этом? Ведь тот, кто хочет сделать своим учителем Небо, не сможет учиться у Неба. Кто превращается с вещами, с вещами и погибает. Что же следует из этого? Мудрый не владеет ни небесным, ни человеческим. Он пребывает в начале, которое еще не началось и в котором еще нет вещей. Он движется вместе со временем и ничего не подменяет. В деяниях своих он безупречен и не знает поражений. Вот какова его целостность!

Тан вручил бразды правления начальнику дворцовой стражи Дэнхэну и сделал его своим наставником. Он следовал за учителем, но не утеснял себя из-за него, а потому обрел способность достигать завершенности вместе с вещами. Хотя учитель имел звание, оно было пустым добавлением к законам. Так проявились две стороны его правления. Конфуций же считал, что призвание наставника — развить до конца свои мысли. А царь Жунчэн сказал: “Без дня не будет и года; без внутреннего не будет и внешнего”.

Вэйский царь Ин заключил клятвенный союз с царем Моу из Ци. Потом Моу нарушил договор, и Ин в гневе хотел послать человека убить его. Об этом узнал командующий войском Гунсунь Янь и стал его увещевать:

— Государь, вы владеете десятью тысячами колесниц, а хотите поручить месть какому-то простолюдину. Прошу вас, государь, дать мне двести тысяч воинов, и я нападу на его царство, заберу в полон его людей, угоню его буйволов и коней. Ему от меня так жарко станет, что спина сгорит! Я захвачу его царство, а когда он в страхе обратится в бегство, я настигну его и переломлю ему хребет.

Услышал эти слова Цзи-цзы и пристыдил воеводу:

— Строили высококую-высокую стену, а теперь, когда стена построена, решили ее ломать. Это чересчур хлопотно. У нас уже семь лет не было войны — вот в чем опора для царя. Янь сеет смуту, его нельзя слушать.

Услышал об этих словах Хуа-цзы и обругал обоих, сказав:

— Тот, кто предлагает напасть на Ци, — смутьян, и тот, кто предлагает не нападать, — тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Вы, государь, должны искать свой Путь, только и всего.

Хуэй-цзы, услышав об этом, представил царю Дай Цзиньжэня, который спросил:

— Знаете ли вы, государь, что такое улитка?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство Бодливых, на правом рожке улитки расположено царство Диких. Эти царства вечно воюют друг с другом. Тела убитых валяются десятками тысяч, разбитого врага преследуют десять и еще пять дней, а потом только возвращаются из похода.

— Что за чепуха! — воскликнул царь.

— Тогда позвольте вашему слуге рассказать нагляднее. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах света — есть ли ему предел?

— Нет предела.

— Познав, как можно странствовать духом в беспредельном, обратитесь теперь снова к известным царствам: они вроде бы существуют и вроде не существуют?

— Так, — ответил царь.

— Среди известных вам царств есть и Вэй, в Вэй находится столица Лян, а в стольном городе пребываете вы, государь. Чем отличаетесь вы от рода Диких?

— Выходит, ничем, — отвечал царь.

Гость вышел вон, а царь остался сидеть на троне в великом смятении. Когда же к нему подошел Хуэй-цзы, он сказал:

— Этот гость — великий человек. Ни один мудрец не сравнится с ним.

— Если подуть в отверстие флейты, слышится музыка, — сказал Хуэй-цзы. — Если подуть в отверстие ножен, послышится шипение. Люди восхваляют Яо и Шуня, а ведь Яо и Шунь перед Дай Цзиньжэнем — все равно что шипение перед музыкой.

Князь Чанью сказал Цзы-Лао:

— Не должен ли государь в своих делах не быть подобным землепашцу, который не разрыхляет почву, а в управлении народом не быть подобным тому, кто без разбору вырывает ростки? Прежде, когда я обрабатывал свое поле, я оставлял почву невзрыхленной, и всходы были редки. Пропалывая посевы, я вырывал много хороших ростков, и урожай мой был скуден. Тогда я стал делать иначе: пахал глубоко, тщательно рыхлил землю, и зерно уродилось обильно. Мне с избытком хватило пищи на целый год.

Услыхал эти слова Чжуан-цзы и сказал:

— Нынче многие обращаются со своим телом и сердцем, как князь Чанью обращался со своим полем: пренебрегают небесным в себе, отклоняются от своей природы, разрушают свои чувства, губят свой дух. У того, кто небрежно ухаживает за своей природой, в душе прорастают семена зла — похоть и ненависть. Эти пороки прорастают в нас, как сорняки заглушают посевы: сначала они как будто и не искажают нашего облика, но потом прорываются наружу в самых разных видах, образуя нарывы и язвы, источая зловонный гной. Вот так становится явной внутренняя болезнь!

Бо Гу учился у Лао Даня, а потом попросил у него позволения постранствовать по свету.

— Оставь эту затею, — сказал Лао Дань. — Поднебесная всюду одинакова.

Но Бо Гу снова попросил его о том же, и тогда Лао Дань спросил его:

— С каких же краев ты начнешь свои странствия?

— С царства Ци, — ответил Бо Гу. — Приду в Ци, увижу казненного, уложу его тело надлежащим образом, накрою его парадной одеждой и стану плакать над ним, взывая к Небу и говоря: “О, сын мой! Сын мой! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты стал его первой жертвой. Говорят: “Не будь разбойником и убийцей”. Но с того времени, как установили славу и позор, появились и пороки. С того времени, как появились товары и имущество, появились и тягбы. Нынче же возвели в закон то, что порождает пороки, приманивают людей тем, что порождает тягбы. Людей довели до крайности, не дают им ни часа отдыха. Разве можно сейчас отвратить это великое зло?”

Древние государи за все доброе благодарили народ, а во всех бедах винули себя; все истинное видели в народе, а все заблуждения находили в себе. Поэтому, если погибал хотя бы один человек, они отрекались от власти и каялись. Теперь же не так. Правители скрывают свои деяния и называют тех, кто об этом не ведает, глупцами. Они отдают невыполнимые приказания и наказывают тех, кто не осмеливается выполнять их. Они устанавливают тяжкие обязанности и карают тех, кто с ними не справляется. Они посылают в дальний путь и укоряют тех, кто приходит с опозданием. Люди же, зная, что не могут выполнить приказ, подменяют старание притворством. Если правители день ото дня становятся все больше лицемерами, как могут не быть

лицемерными их подданные? Когда не хватает сил, притворяются; когда не хватает знаний, обманывают; когда не хватает состояния, пускаются в разбой. Как же тогда можно обвинять за кражу?

Говорят, Цюй Боюй к шестидесяти годам переменялся шестьдесят раз и то, что поначалу утверждал, впоследствии отрицал. Кто знает, не придется ли нам пятьдесят девять раз отрицать то, что сегодня мы почитаем за истину? Все вещи из чего-то рождаются, но невозможно узреть их корень, откуда-то выходят, но нельзя разглядеть те врата. Все люди чтят то, что они знают благодаря своему знанию, но никто не знает, что такое знать, опираясь на то, что не знаешь. Как не назвать это великим сомнением? Но довольно, довольно! От этого никуда не убежать. Вот что называется “быть самим собой в другом”.

Конфуций спросил у придворных летописцев Да Тао, Бо Чанцзяня и Чживэя:

— Почему покойный вэйский царь получил имя Лин — Разумный? Ведь он пьянствовал, предавался разврату и не вникал в дела правления. Он выезжал на охоту с собаками, силками и арбалетами, но избегал встреч с другими государями.

— Именно поэтому он и получил имя Лин, — ответил Да Тао.

— У этого царя было три жены, — добавил Бо Чанцзянь, — и он принимал ванну вместе с ними. Когда же туда пришел летописец Ю с подарками для царя, тот велел слугам поддержать его за локти. Хотя он был беспутен до крайности, а при виде достойного мужа тут же проявил высшую учтивость. Поэтому после его смерти ему дали имя Лин — Разумный.

Когда он умер, гадание о захоронении на родовом кладбище было несчастливым, гадание же о захоронении на Песчаном Холме было счастливым. Когда там рыли могилу, глубоко в земле нашли каменный гроб. Очистили его от земли и увидели на крышке надпись: “Эта могила не годится для потомков. Царь Лин-гун займет ее сам”. Выходит, имя Лин давно уже было предназначено для этого царя. Но как те двое могли знать об этом?

Конфуций пришел в Чу и остановился в доме торговца рисовым отваром у Муравьиного Холма. По соседству все домочадцы — муж и жена, слуги и служанки — поднялись на крышу.

— Что делают там эти люди? — спросил Цзы-Лу.

— Это челядь мудреца, — ответил Конфуций. — Тот человек похоронил себя среди людей, скрылся в пустынных полях. Его голос оборвался, но помыслы его беспредельны. Хотя уста его открываются, сердце его вечно безмолвствует. Ибо он бежит от света и сердцем не хочет быть заодно с людьми. Не из тех ли он, кто “утонули на суше”?

Цзы-Лу спросил разрешения позвать его, но Конфуций сказал: “Полно! Он знает меня лучше, чем я сам. Он знает, что я пришел в Чу, и думает, что я буду добиваться приглашения от чуского царя. Он считает меня хитрецом и, конечно, сочтет позором для себя слушать речи хитреца и тем более с хитрецом встречаться. Разве останется он жить рядом со мной?”

Цзы-Лу пошел в соседний дом, но он уже был пуст.

Мало-Знаю спросило у Всех-Примиряющего:

— Что значат “речи кварталов и селений”?

— По обычаю, в кварталах и селениях объединяются по десять фамилий и сто имен. В них различное соединяется в одно и рассматривается как подобное. Если ты, к примеру, выделишь в лошади сто частей, самой лошади у тебя не получится. Но ведь лошадь воочию стоит перед тобой, и ты можешь вывести из сотни наименований одно общее имя: “лошадь”. Так холмы и горы, набирая понемногу высоты, превращаются в заоблачные пики, а реки и озера, набирая понемногу воды, становятся необъятной водной ширью. Великий же человек, усваивая одно за другим частные мнения, становится беспристрастным. Он остается господином всякому приходящему извне суждению и ни к одному из них не склоняется. Внутри него есть как бы управляющий, который не позволяет исходящему из него мнению быть пристрастным. Четыре времени года имеют свойственную им погоду — Небо не выказывает пристрастия ни одному из них, и годовой круг приходит к завершению. Каждое из Пяти дворцовых ведомств имеет предписанные ему обязанности, и государь ни одному из них не оказывает особенных милостей, а в результате в государстве сохраняется порядок. Состояние войны или мира предполагает сопутствующие им деяния. Великий человек не благоволит ни тому, ни другому, и в результате его жизненная энергия сохраняется в целостности. Каждая вещь имеет свой закон. Путь никому не дает преимуществ и не оказывает предпочтения какому-нибудь имени. Не навязывая никому своей воли, он не предпринимает действий, и благодаря этому Недеянию в мире не остается ничего не сделанного.

Времена имеют начало и конец, века имеют свои перемены и превращения. Счастье и беда приходят неразрывно переплетенными, и явление их соотнобразится со всеобщим порядком. Все в мире идет своим путем, и то, что один считает правильным, другие считают ошибочным. Представь себе дремучий лес, где у каждого дровосека своя мера. Или вообрази, что смотришь на большую гору, где камни и деревья имеют общую основу. Вот что такое “речи кварталов и селений”.

— В таком случае можно ли сказать, что это и есть Путь? — спросило Мало-Знаю.

— Нет, — ответил Всех-Примиряющий. — Допустим, ведя счет всем вещам в мире, мы не останавливаемся на числе “десять тысяч”, и все же мы условно говорим: “десять тысяч вещей”. Такое число

обозначает у нас бесчисленное множество. И вот Небо и Земля — это самая большая вещь в мире, силы Инь и Ян — это самые общие в мире виды энергии, а Путь объемлет их беспристрастно. Если мы воспользуемся этим словом для того, чтобы обозначить наибольшее в мире, то это позволительно. Но, раз приняв такое название, можем ли мы уподобить его чему-нибудь? Если мы будем делить его на все более мелкие части, то сделаем из него только еще один пример “собаки” или “лошади”¹²⁴ и еще дальше отойдем от истины.

— Где же среди четырех сторон и шести полюсов света располагается то, из чего рождаются все вещи?

— Инь и Ян все освещают, все охватывают и направляют; четыре времени года сменяют друг друга, всему давая жизнь и все убивая. А вслед за ними являются людские пристрастия и отвращения, любовь и ненависть. Вот тогда посредством соития самца и самки продлевается жизнь.

Покой и опасность друг друга сменяют.

Несчастье и счастье друг друга рожают.

Неспешность и спешность все держат друг друга.

И все живет собиранием и распадом.

Таковы вещи, чьи имена и сущность можно определить, чьи самые утонченные свойства можно вообразить.

Идя друг за другом, они обретают свой принцип.

Вращаясь по кругу, они порождают друг друга.

Достигнув предела — вернутся обратно.

Придут к концу — и начинаются сызнова.

Таков порядок, которым обладают вещи, о котором можно сказать словами и который можно постичь знанием. Он пронизывает мир вещей — и только. Тот, кто обрел Путь, не стремится разыскать его конец или его начало. Здесь лежит предел всякому обсуждению.

— Среди двух школ Цзи Чжэнь учил, что “ничто не действует”, а Цзе-цзы утверждал, что “нечто свершает”¹²⁵. Какое из этих суждений истинно, а какое неполно?

— Все люди знают, как кричит петух или лает собака, — ответил Всех-Примиряющий, — но, сколь бы ни были велики их познания, они не могут словами определить то, откуда выходят эти звуки, и постигнуть мыслью то, во что они превращаются. Если устанавливать в понятии все более тонкие различия, вы придете к чему-то слишком утонченному для того, чтобы иметь для него меру, или к чему-то слишком великому, чтобы иметь нечто помимо него. С понятиями “ничто не действует” и “нечто свершает” мы все еще остаемся в мире вещей, но сами полагаем, что уже превзошли его.

“Нечто свершает” — это сущее.

“Ничто не действует” — это пустое.

Когда “есть имя”, “есть сущность”, то это пребывает среди вещей. Когда “нет имени”, “нет сущности”, то это пребывает в пустоте между вещами. То, о чем можем сказать или помыслить, уводит нас все дальше в сторону. О том, что было прежде рождения, мы знать не можем. О том, что будет после гибели, мы судить не в силах. Жизнь и смерть недалеко от нас, но смысл их сокрыт.

“Нечто свершает”, “ничто не действует” — это суждения, к которым мы прибегаем в сомнении. Вглядимся в исток их: он уходит вдаль без конца. Устремимся к концу их: поиску не будет предела. О том, что не имеет конца и предела, нельзя ничего сказать, однако это существует вместе с вещами. “Ничто не действует” и “нечто свершает” — это основа речей, и она начинается и кончается вместе с вещами.

Путь не есть нечто сущее, а то, что есть воистину, не может не быть. “Путь” обозначает то, чем мы идем. “Нечто свершает” и “ничто не действует” — это только две стороны вещей, как могут они быть Великим Простором? Если осмысленно говорить, то, сколько ни скажешь, все будет относиться к Пути. Если же говорить неосмысленно, то, сколько ни скажешь, все будет касаться только вещей. Предел же Пути и вещей не высказать ни словом, ни молчанием.

Где нет слова, нет и молчания,

Там все суждения исчерпывают себя.

Глава XXVI

ВНЕШНИЕ ВЕЩИ

Что происходит вовне, нельзя предвидеть. Поэтому Лунфэн был казнен, Бигань был разрезан на куски, Цзи-цзы притворился сумасшедшим, Элай умер, а Цзе и Чжоу погибли. Каждый правитель требует преданности от своих подданных, но преданность правителю, не обязательно внушает ему доверие. А потому тело У Цзыся три дня плыло по реке, а Чан Хун сложил голову в Шу. Его кровь хранили три года, и она превратилась в лазурную яшму. Каждый отец требует почтительности от сыновей, но почтительность сына не обязательно внушает отцу любовь. Поэтому Сяо Цзи имел много печалей, а Цзэн-цзы — скорбей.

Когда дерево трет о дерево, оно загорается. Когда металл кладут в огонь, он плавится. Когда нет согласия сил Инь и Ян, Небо и Землю охватывает великое возмущение: гремит гром, в потоках воды вспыхивает огонь, который может спалить могучее дерево. А у человека положение еще хуже: он мечется между двух бездн и нигде не находит выхода. Охваченный тоской и печалью, он ничего не может свершить, сердце его словно подвешено между Небом и Землей. То утешаясь, то оплакивая себя, душа человека вечно чувствует себя в опасности. Когда же польза и вред сталкиваются друг с другом, огонь разгорается еще сильнее и сжигает покой человеческих сердец. Лунному свету, конечно, не затмить блеск огня. Люди все больше уклоняются в сторону, и Путь теряется окончательно.

Семья Чжуан Чжоу была бедна, и он пошел к Смотрителю реки занять немного зерна. Смотритель сказал ему: “Я скоро соберу подати с моей деревни и тогда дам тебе в долг триста монет серебром, хорошо?”

Чжуан Чжоу гневно посмотрел на него и сказал:

— Вчера, когда я шел по дороге, кто-то окликнул меня. Я оглянулся и увидел в придорожной канаве пескаря. “Что ты делаешь здесь?” — спросил я пескаря. Он ответил мне: “Я надзираю за водами Восточного океана. Не найдется ли у вас, уважаемый, хотя бы немного воды для меня — она спасет мне жизнь!” А я ответил ему: “Конечно! Я как раз направляюсь к правителям царств У и Юэ, и я попрошу их прорыть от Янцзы канал для тебя. Годится?” Пескарь посмотрел на меня гневно и сказал: “Я потерял привычное для меня место обитания, и у меня нет выхода. Если бы мне удалось раздобыть хотя бы несколько пригоршней воды, наверняка бы остался в живых. Вместо того чтобы делать мне такое предложение, лучше бы сразу искать меня в лавке, где торгуют сушеной рыбой”.

Сын правителя удела Жэнь сделал огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пять десятков бычков, уселся на горе Куйцзи и забросил свою удочку в Восточном море. Так удил он день за днем, но за целый год не поймал ни одной рыбы. Наконец какая-то гигантская рыба заглотнула приманку, утащила крючок на самое дно, потом помчалась по морю, вздымая плавниками высокие, как горы, волны. Все море взволновалось, и на тысячу ли вокруг все твари были напутаны громом, словно исторгнутым божественными силами.

Поймав эту рыбу, сын правителя Жэнь разрезал ее, высушил и накормил всех, кто жил на восток от реки Чжэ и на север от гор Цанью. И предание об этом событии восторженно рассказывали из поколения в поколение все рассказчики, даже самые неискусные.

Если, взяв бамбуковую палку и тонкую леску, ходить на ловлю рыбы к придорожной канаве, то добудешь не гигантскую рыбу, а разве что пескарика. Так и тем, кто придумывает красивые истории ради благосклонности местного начальника, далеко до великих свершений. Тому, кто не слышал истории о сыне правителя Жэнь, далеко до управления миром.

Конфуцианцы, занимавшиеся изучением “Песен” и “Преданий”, разрывали могильный холм. Старший среди них, стоя вверху, говорил им: “Вот уж и солнце встает. Как идет работа?” А люди помоложе отвечали внизу: “Мы не сняли еще нижнее платье покойника, а во рту у него жемчужина”. В песне недаром поется:

Зеленая, зеленая пшеница
На склоне могильном растет.
При жизни не жаловал никого,
Зачем ему жемчужина во рту?

Тут конфуцианцы потянули за бороду и волосы на висках покойника, а их старший проткнул железным шилом щеки и медленно разнял челюсти.

Ученик Лао Лай-цзы ходил за хворостом и встретил Конфуция. Вернувшись, он рассказал учителю о том, кого встретил в лесу:

— Там есть человек с длинным туловищем и короткими ногами, стоит сутулясь, уши вывернуты назад. Вид у него такой, словно весь мир в его власти. Не знаю, какого он рода.

— Это Конфуций, — сказал Лао Лай-цзы. — Позови его ко мне.

Когда Конфуций пришел, Лао Лай-цзы сказал ему:

— Откажись от своих церемоний и умного вида, и ты станешь благородным мужем.

Склонившись, Конфуций отступил на шаг и торжественно сказал: “Продвинется ли в таком случае мое дело?”

— Ты не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на десять тысяч поколений, — ответил Лао Лай-цзы. — Ты бездумно держишься за старое и не способен постичь правду. Упиваться собственной добротой — это позор на всю жизнь! Так ведут себя лишь заурядные людишки, щеголяющие друг перед другом своей славой, связывая друг друга корыстными помыслами. Вместо того чтобы восхвалять Яо и порицать Цзе, лучше забыть о них обоих и положить конец их славе. Ведь стоит нам повернуться — и мы тут же причиним кому-нибудь вред, стоит нам пошевелиться — и кому-то станет из-за нас плохо. Мудрый как бы робко берется за дело — и каждый раз добивается успеха. А как быть с тобой? Неужели ты так и не изменишься до конца жизни?

Сунскому царю Юаню однажды ночью приснился человек с всклокоченными волосами, который вышел из боковой двери зала и сказал:

— Я — чиновник бога реки Хэбо и прибыл по его повелению из пучины Цзайлу, но меня поймал рыбак Юй.

Проснувшись, царь Юань велел разгадать смысл этого сна. Гадание гласило: “Это божественная черепаха”.

— Есть ли среди рыбаков человек по имени Юй? — спросил царь.

— Есть, — ответили ему.

— Повелеваю этому Юю явиться ко двору.

На другой день рыбак Юй явился во дворец, и царь спросил его:

— Что ты поймал давеча?

— В мои сети, государь, попалась седая черепаха, телом круглая, величиной в пять мизинцев.

— Покажи мне эту черепаху, — приказал царь. Когда черепаху доставили во дворец, царь не мог решить, что лучше: умертвить ее или оставить в живых. Гадание же гласило: “Убить черепаху для гадания — будет счастье”. Черепаху убили, а потом семьдесят два раза прижигали ее панцирь, и всякий раз гадание подтверждалось.

— Божественная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню, но не сумела избежать сетей рыбака Юя, — сказал Конфуций. — Ее знаний хватило на семьдесят два гадания, но не хватило на то, чтобы избежать собственной гибели. Выходит, что даже знания не избавляют от трудностей и даже божественная сила чем-то ограничена. Даже того, кто обладает совершенным знанием, толпа перехитрит. Рыба не боится сетей, а боится пеликана. Устрани малое знание — и воссияет знание великое. Не старайся делать добро — и будешь сам по себе добр. Младенец от рождения может научиться говорить и без учителя. А может он это потому, что живет среди умеющих говорить.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы:

— Твои речи бесполезны.

Чжуан-цзы ответил:

— Только с тем, кто познал ценность бесполезного, можно говорить о пользе. Земля велика и обширна, но, чтобы ходить по ней, человеку требуется не более того, на что опирается его нога. И если мы уберем все те клочки земли, на которые он наступит, прежде чем придет в страну Желтых Источников, будут ли они полезны ему?

— Нет, пользы от них не будет, — отвечал Хуэй-цзы.

— Вот тогда станет очевидной и польза бесполезного! — сказал Чжуан-цзы.

Чжуан-цзы сказал:

“Может ли не странствовать человек, рожденный странствовать! Может ли странствовать человек, не рожденный странствовать! Увы! Уйти от света, порвать с людьми — это вовсе не вершина мудрости и не претворение своих жизненных свойств. Такие люди словно валятся с ног и не могут подняться, идут сквозь огонь и не желают посмотреть назад. Хотя среди людей есть цари и слуги, положение их неустойчиво: сменится поколение, и не останется в мире прежних слуг. Вот почему говорят: “Мудрый не держится за былые свершения”. Почитать старину и презирать современность — это обычай ученых людей. Но если смотреть на современность глазами людей времен Сивэя, пожалуй, у любого дух захватит. Только мудрец способен скользить в мире и не наталкиваться на преграды, следовать другим и не терять самого себя, не изучать чужих учений, но и не чураться иных взглядов.

Острое зрение делает нас прозорливыми, чуткий слух делает нас внимательными, хорошее обоняние делает нас разборчивыми, утонченный вкус делает нас восприимчивыми к сладкому, пронизательное сердце делает нас сообразительными, а исчерпывающее знание возвращает нам жизненную силу. Путь не терпит преград, ибо преграды порождают запоры, а длительные запоры вызывают расстройство. Все одушевленные существа живут благодаря дыханию, и если дыхание у них затруднено, то не вина Неба. Отверстия, созданные Небом, не закрываются ни днем, ни ночью, и только сами люди закупоривают их. В утробе главное — пустота, а для сердца главное — небесное странствие. Если в доме тесно, то свекровь и сноха вечно ссорятся. Если сердце не может отдаться небесному странствию, то органы чувств друг друга ущемляют.

Избыток жизненной силы становится славой. Избыток славы порождает жестокость. Замыслы появляются от срочной нужды, знание проистекает из борьбы. Закоснелость вырастает из упрямства. Успех в управлении приходит к тому, кто сведущ в потребностях людей. Под теплыми весенними дождями буйно всходят все травы. Их срезают серпами и мотыгами, но больше половины поднимаются вновь и не ведают, отчего так.

Покоем можно исцелить больного. Потирая углы глаз, можно взбодрить старого. Отдых помогает унять волнение. Но это все занятие для тех, кто проводит свою жизнь в трудах. Тот, кто живет в праздности и не пробовал этого, об этом и не спрашивает. Божественный человек не знает, каким образом мудрец держит в повиновении всю Поднебесную. Мудрец не ведаёт, каким образом достойный муж держит в повиновении своих современников. Благородный муж не ведаёт, каким образом простой люд сообразуется с обстоятельствами своей жизни.

У стража ворот Янь умер отец, и он так извелся в трауре, что получил титул “наставника служащих”. Тогда его сородичи тоже бросились мучить себя в трауре, и половина из них даже умерла.

Яо хотел передать Поднебесную Сюй Ю, а Сюй Ю от него убежал. Тан отдавал Поднебесную Угуану, а Угуан на него рассердился. Услышал об этом Цзи Та, увел своих учеников и уселся на берегу реки Хэ. Все удельные князья оплакивали его три года, а Шэньту Ди с горя даже бросился в реку.

Вершей пользуются при ловле рыбы. Поймав рыбу, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают про слова. Где бы найти мне забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

Глава XXVII

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

Девять из десяти — речи от другого лица. Семь из десяти — речи от лица почтенных людей. И еще речи, как переворачивающийся кубок, вечно новые, словно брезжащий рассвет, и ведущие к Небесному Единству. Речи от другого лица — это суждения, вложенные в чужие уста. Ведь родному отцу негоже быть сватом собственного сына, и лучше, если сына хвалит не отец, а чужой человек: вина-де не моя, а чужая. Речи от лица почтенных людей — это речи уже как бы высказанные, и принадлежат они уважаемым людям былых времен. Но если те люди не обнаружили знания главного и второстепенного, начала и конца вещей, то их нельзя считать истинными нашими предками. Если человек не опередил других людей, он — вне человеческого Пути. Такого называют “бренными останками человека”. А речи, как переворачивающийся кубок, вечно новые, словно брезжащий рассвет, и ведущие к Небесному Единству, следуют превращениям мира и вмещают вечность.

Когда нет слов, согласие не разрушается. Согласие со словами не согласуется. И слова с согласием не согласуются. Поэтому сказано: “говори, не говоря”. Речь без слов — это когда всю жизнь говорят и ничего не скажут. Или всю жизнь не говорят — и не останется ничего не сказанного. Каждый имеет свое мнение о возможном и невозможном, об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно потому, что считается истинным. Почему неистинно? Неистинно потому, что считается неистинным. Почему возможно? Возможно потому, что считается возможным. Почему невозможно? Невозможно потому, что считается невозможным. У каждой вещи есть свое “истинное” и свое “возможное”. Нет вещи, не имеющей своего “истинного” и своего “возможного”. Без речей, подобных переворачивающемуся кубку, вечно новых, словно брезжащий рассвет, и приводящих все к Небесному Единству, можно ли постичь вечно существующее? Все вещи хранят в себе семена жизни и приходят друг другу на смену. Их начала и концы сливаются в кольцо, и исток его невозможно постичь. Назовем это Небесным Равновесием. Небесное Равновесие и есть Небесное Единство.

Яньчэн Цзыю сказал Дунго Цзыши: “С тех пор как я стал внимать вашим речам, по прошествии года я совсем опростился, через два года — научился следовать переменам, через три года — слился воедино с миром, через четыре года — уподобился другим, через пять лет — привлек к себе других, через шесть лет — проник в мир духов, через семь лет — обрел Небесное в себе, через восемь лет — перестал различать жизнь и смерть, а спустя девять лет постиг Великую Утонченность”.

Чжуан-цзы сказал Хуэй-цзы:

— Конфуций учил людей шесть десятков лет, а в шестьдесят лет переменился. То, что прежде он считал истинным, под конец объявил ложным. Он и сам не знал, не отрицал ли он пятьдесят девять лет то, что ныне счел истинным.

— Конфуций честно трудился и преклонялся перед знанием, — ответил Хуэй-цзы.

— Все же Конфуций в душе отрекся от своей жизни, но не говорил об этом вслух, — сказал Чжуан-цзы. — Он говорил, что человек получает свои таланты от Великого Истока и должен возвратиться к изначальной одухотворенности. Его пение должно соответствовать музыкальным тонам, а речь должна соответствовать приличиям. Если я пекусь о пользе и долге, то своими суждениями о добре и зле, истине и лжи покоряю лишь людские уста. Но чтобы заставить людей покориться в своем сердце, не вступая с ними в противоборство, упорядочить все порядки в Поднебесной — такое, увы, мне не под силу!

Цзэн-цзы дважды поступал на службу и каждый раз изменялся в душе. Он сказал:

— Я служил, когда были живы мои отец и мать, получал только три меры зерна, а сердце мое радовалось. Впоследствии я получал три тысячи пудов зерна, но не мог разделить их с родителями, и потому сердце мое печалилось.

Ученики спросили Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэн-цзы, считать бескорыстным?

— Он был корыстен, — ответил Конфуций. — Если бы он был свободен от корысти, могла ли печаль гнездиться в его сердце? Истинно бескорыстный человек смотрел бы на три фу или три тысячи чжунов, как орел смотрит на пролетающего мимо комара.

Жизнь неотвратимо влечет нас к смерти. Думаем об общем для всех, а умираем в одиночку. Люди думают, что для смерти есть причина, а для жизни, выходящей из силы, нет причины. Но так ли это на самом деле? Почему жизнь или смерть случаются в тот момент, а не в другой?

На небесах есть периоды, которые можно исчислить. На земле есть области, где обитают люди. Но как же найти Великую Утонченность? Мы не знаем, где и когда окончится жизнь. Как можем мы узнать, что наша смерть не предопределена извне?

И если мы не знаем, где и когда она начинается, как можем мы узнать, что наше рождение не было предопределено извне? Если есть отклики на наши поступки, как может не быть душ предков? А если откликов нет, как могут быть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а нынче смотрите вверх; раньше связывали волосы, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь стоите; раньше двигались, а теперь покойны?

Тень ответила:

— К чему спрашивать о мелочах? Я двигаюсь — вот и все. Я обладаю этим, но почему — не ведаю. Может быть, я подобна коже змеи или чешуйке цикады, а может быть, и не подобна. В темноте и по ночам я исчезаю, а днем и при свете я появляюсь. Не от них ли я завишу? А они сами от чего зависят? Они приходят — и я прихожу. Они уходят — и я ухожу. Когда довлеет сила, я тоже ей уподобляюсь. Поскольку мы все происходим от силы, какая вам нужда спрашивать меня?

Ян Цзыцзюй на юге дошел до города Пэй. Лао-цзы, идя на запад, пришел в Цинь, и оба встретились в уделе Лян.

Стоя посередине дороги, Лао-цзы обратил взор к небесам и сказал:

— Я раньше думал, что тебя можно научить, а теперь вижу, что это невозможно. Ян Цзыцзюй промолчал. Когда же они вошли на постоялый двор, он подал Лао-цзы воды для умывания, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, он подполз к нему на коленях и сказал:

— Мне уже давно хотелось попросить у вас, учитель, наставления, но мы шли без отдыха, и я не посмел беспокоить вас. Ныне у нас есть досуг, так позвольте спросить вас: в чем моя вина?

— У тебя вид самодовольный, взгляд высокомерный, — ответил Лао-цзы. — С кем же ты сможешь ужиться? Ведь “великая непорочность кажется позором, великая полнота жизни кажется ущербностью”.

Ян Цзыцзюй изменился в лице и сказал:

— С почтением принимаю ваше повеление. Прежде на постоялом дворе его приветствовали все проезжающие, хозяин выносил ему сиденье, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали ему место, гревшиеся пускали к очагу. А теперь, когда он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке.

Глава XXVIII

УСТУПЛЕНИЕ ПОДНЕБЕСНОЙ

Яо хотел уступить престол Сюй Юю, а тот отказался. Тогда Яо стал предлагать престол Цзычжоу Цзыфу, и тот сказал: “Мне стать Сыном Неба? Пожалуй, можно. Правда, одолела меня хворь, и править Поднебесным миром мне недосуг”.

На свете нет ничего важнее всей Поднебесной, а этот муж не захотел из-за нее вредить своему здоровью. Только тому, кто не заботится о Поднебесной, можно доверить власть над нею. Шунь хотел уступить престол Шань Цюаню, а Шань Цюань сказал: “Пространство и время — это двор, в котором я обитаю. Зимой одеваюсь в кожи и шкуры, летом одеваюсь в холст и полотно. Весной я пашу и сею и даю телу вволю потрудиться. Осенью жну и закладываю зерно в закрома и даю себе хорошенько отдохнуть. С восходом солнца выхожу работать, в закатный час ухожу отдыхать. Я привольно скитаюсь между Небом и Землей, и в моем сердце царит довольство. Что значит для меня Поднебесный мир? Жаль, что вы совсем не понимаете, кто я такой!” Вот так он отказался от престола, а сам ушел далеко в горы, и никто в мире не знал, куда лежал его путь.

Правитель Лу прослышал о том, что Янь Хэ обрел Путь, и послал к нему гонца с богатыми дарами. Янь Хэ жил в бедной деревушке, носил холщовый халат и сам кормил быков. Увидев царского гонца, Янь Хэ сам вышел к нему навстречу.

— Это дом Янь Хэ? — спросил гонец.

— Да, это дом Хэ, — ответил хозяин.

Гонец поднес подарки, но Янь Хэ сказал в ответ: “Боюсь, вы что-то перепутали, и вас за это накажут. Лучше удостовериться еще раз, что ошибки нет”.

Гонец вернулся во дворец и выяснил, что ошибки не было. Но когда он еще раз приехал к Янь Хэ, тот уже исчез.

Мужи, подобные Янь Хэ, воистину презирают богатство и знатность. Недаром говорят: “Подлинное в Пути — это совершенствование себя, излишки в нем — это радение о государстве, а сор в нем — это управление в Поднебесной”. Посему достижения земных царей — это отбросы свершений истинно мудрых, и пользы личному совершенствованию они не принесут. Ну не прискорбно ли, что нынче так много достойных мужей подвергают себя опасности и рискуют жизнью ради внешних вещей! Мудрец всегда знает в точности, как и что он должен делать. Положим, кто-нибудь зарядит свой арбалет огромной жемчужиной для того, чтобы выстрелить в воробья, парящего высоко в небесах. Весь мир будет смеяться над таким человеком. Почему? Потому что он не жалеет ценного ради того, чтобы добыть ничтожное. А разве жизнь не ценнее самой большой жемчужины?

Шунь хотел уступить Поднебесную своему другу, землепашцу из местечка Шиху.

— Что за суетный человек наш царь! — воскликнул Землепашец. — Он из тех, кто не может не трудиться изо всех сил. Тут он решил, что духовная сила в Шуне не была полноценной. Он и его жена взвалили на себя свои пожитки — он сам на спину, жена на голову — и, взяв за руку сына, отправились за море. Больше их никто не видел.

Когда великий царь Даньфу поселился в городе Бинь, на него напали племена ди. Он поднес им шкуры и шелка, но те не приняли, поднес им коней и собак — не приняли, поднес жемчуг и яшму — не приняли. Люди ди требовали землю. Тогда Даньфу сказал:

— Я не в силах видеть, как младшие братья и сыновья моих близких отправляются на смерть. Живите счастливо на этой земле. Не все ли равно, чьи вы будете подданные: мои или людей ди? Я слышал, что средства оказания помощи не должны вредить тому, ради чего помощь оказывается.

И вот он взял в руки дорожный посох и пошел прочь, а люди потянулись за ним. В конце концов, они основали свое царство у подножия горы Цишань.

О царе Даньфу можно сказать, что он умел ценить жизнь. Тот, кто умеет ценить жизнь, будь он всех знатнее и богаче, не позволит заботой о себе причинить себе вред. И он, даже будучи бедным и униженным, не станет навязывать себе бремя даже ради мирской славы. Ныне же ни один из тех, кто носят знатные титулы и занимают высокие посты, не понимает этой истины. Разве не ослеплены они, когда из корысти и невежества навлекают на себя погибель?

Люди Юэ убили трех царей подряд, и царевич Шоу в страхе бежал в пещеры Дань, так что в Юэ не стало государя. Юэсцы долго искали царевича и, в конце концов, нашли. Но царевич не захотел выйти к ним. Тогда юэсцы подожгли вокруг траву, заставили его выйти из пещеры и подняться на царскую колесницу. А царевич, взойдя на колесницу, воскликнул, обратив лицо к небу: “О, царский титул! Царский титул! Неужели я не мог тебя избегнуть?” Царевич Шоу говорил так не из ненависти к царскому титулу, а из

страха перед опасностью, грозившей ему. Такой человек не стал бы губить свою жизнь из-за царства. Оттого-то юэцзы и хотели поставить его своим царем.

Правители Хань и Вэй воевали друг с другом, и каждый царь стремился захватить земли противника. Хуа-цзы пришел к вэйскому царю Чжаоси и застал его крайне опечаленным.

— Положим, — сказал Хуа-цзы, — кто-то даст вам такую клятву: “Если ты схватишь это левой рукой, то потеряешь правую руку, а если схватишь правой рукой, то потеряешь левую. Но какой бы рукой ты ни схватил, ты станешь повелителем всего мира”. Сделаете ли вы так?

— Нет, я так не сделаю, — ответил царь.

— Очень хорошо. Из этого можно заключить, что для вас обладать двумя руками важнее, чем обладать Поднебесной. А все ваше тело еще важнее, чем ваши руки. Царство же Хань, в конце концов, далеко не так важно, как весь мир. Земли же, из-за которых вы враждуете с Хань, еще менее важны. Так будете ли вы вредить себе, печальясь из-за того, что не можете завладеть какими-то землями?

— Прекрасно! — воскликнул царь. — Много было у меня советников, но никто прежде не говорил мне так.

Мы можем сказать, что Хуа-цзы знал о том, что в жизни важно, благодаря незначительному.

Учитель Ле-цзы жил в нужде и вечно голодал. Какой-то человек рассказал об этом чжэнскому царю Цзыяну. “Разве государь, — добавил он, — не будет опозорен в целом свете, если столь достойный муж, живущий в его царстве, бедствует?”

Царь немедленно велел одарить Ле-цзы зерном. Учитель вышел к царскому гонцу, дважды отвесил поклон, но подарка не принял. Когда Ле-цзы вернулся к себе, его жена стала бить себя кулаками в грудь, причитая:

— Я слышала, что в семье того, кто претворяет Путь, все благоденствуют, мы же вечно голодаем. Государь прислал тебе зерно, а ты его не принял. За что мне такая доля!

Ле-цзы улыбнулся в ответ и сказал:

— Царь шлет мне зерно, но ведь он меня не видел и судит обо мне с чужих слов. Вот так же с чужих слов он может обвинить меня и в преступлении. Вот почему я не принял даров.

А народ и вправду восстал, и казнили Цзыяна.

Когда чуский царь Чжао лишился престола, в изгнание за ним последовал мясник, забивавший баранов, по имени Юэ. Когда царь вернул себе царство, он стал награждать всех, кто помог ему. Дошла очередь и до мясника Юэ.

— Великий государь лишился царства, а я, Юэ, лишился скотобойни, — сказал мясник. — Ныне великий государь вернул себе царство, а я вернул себе скотобойню. Ко мне вернулись и мой прежний ранг, и жалованье. Какая же еще награда мне нужна?

Царь же в ответ велел заставить мясника принять награду.

— Не по вине вашего слуги великий государь лишился царства, поэтому я не смею принять от казны. Не благодаря заслугам вашего слуги великий государь вернул себе царство, поэтому я не смею принять и награды, — отвечал мясник.

— Привести мясника ко мне, — приказал царь.

— По законам царства Чу предстать перед государем можно, лишь получив награду за большие заслуги. Но у вашего слуги не хватает мудрости, чтобы управлять царством, не хватает смелости, чтобы выйти на бой с разбойниками. Когда воины царства У захватили нашу столицу, я, Юэ, бежал от разбойников, а не последовал за государем по своей воле. А теперь великий государь в нарушение всех законов и клятв желает, чтобы я предстал пред его очами. О таком приказании вашему слуге еще и слышать не доводилось.

Тогда царь обратился к главному конюшему с такими словами:

— Мясник Юэ — человек презренного звания, а рассуждает на редкость возвышенно. Передай ему от меня, чтобы он занял свое место среди главных советников.

А мясник велел передать царю:

— Я знаю, сколь почетно звание главного советника царя для такого человека, как я. Известно мне и то, насколько жалованье в десять тысяч чжунов больше доходов мясника. Но если я позволю себе иметь такой ранг и жалованье, моего государя станут называть безрассудно расточительным. Уж лучше я вернусь на рынок и буду забивать баранов.

Так мясник и не принял царской награды.

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, с прохудившейся дверью, которая была сплетена из хвороста и поддерживалась ветками тутовника. Окном в доме служило горлышко кувшина. Заткнув окно рогожей, он сидел с женой, поджав под себя ноги, и перебирал струны, а в комнате его было сыро внизу и капало сверху.

К Юань Сяню приехал в гости Цзы-Гун в колеснице, запряженной холеными конями, с высоким передком и такой большой, что она не помещалась в переулке. Цзы-Гун был одет в пурпурный халат и белую накидку, а Юань Сянь встретил его в шапке из бересты и соломенных сандалиях, опираясь на посох.

— Ах, учитель! — воскликнул Цзы-Гун. — Уж не заболели ли вы чем?

— Я, Сянь, нынче не болен, а беден, — отвечал Юань Сянь. — Я слышал, что бедным называют того, кто не имеет богатства, а больным называют того, кто, много учившись, не может осуществить выученное.

Цзы-Гун, устыдившись, остановился, а Юань Сянь продолжал с улыбкой:

— Поступать, в надежде снискать похвалу людей, всем угождать, со всеми дружить, учиться ради того, чтобы блеснуть перед другими, а поучать, чтобы извлечь выгоду для себя, и, прикрываясь рассуждениями о человечности и долге, ездить в богато украшенной колеснице — вот чего я, Сянь, не могу терпеть.

Цзэн-цзы жил в царстве Вэй, носил холщовый халат без подкладки, лицо его опухло, руки и ноги покрылись мозолями, по три дня он не разводил в доме огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — завязки оторвутся, возьмется за ворот — и локти вылезают из протертых рукавов, схватится за сандалии — и задники оторвутся. Но, шаркая сандалиями, он распевал древние гимны, и голос его, подобный звону металла и яшмы, наполнял Небо и Землю. Сын Неба не мог сделать его своим подданным, удельные владыки не могли сделать его своим другом. Ибо пестующий в себе волю забывает о своем теле, пестующий тело забывает о выгоде, а взыскующий Пути забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Хою:

— Хой, подойди ко мне! Твоя семья бедна, положения в обществе у тебя нет. Почему ты не идешь на службу?

— Не хочу служить, — отвечал Янь Хой. — У меня есть за городской стеной поле в пятьдесят му, и урожая с него мне хватает на кашу. А еще у меня есть десять му земли на краю города, и этого мне хватает на полотно. Я играю в свое удовольствие на лютне, и мне доставляет радость изучать ваш Путь, учитель. Нет, я не пойду на службу!

Лицо Конфуция стало серьезным.

— Твоя решимость превосходна! — воскликнул он. — Я слышал, что человек, знающий, где остановиться, не обременяет себя соблазнами; человек, знающий, откуда приходит довольство, не боится потерь; человек, поглощенный совершенствованием, не боится потерять положение. Давно уже я распеваю эти слова, и сегодня, наконец, я увидел в тебе, Хой, их олицетворение. Как ты порадовал меня!

Царевич Моу с гор Чжуншань сказал Чжань-цзы:

— Мое тело находится здесь, на берегах рек и морей, а сердцем я пребываю у городских башен царства Вэй. Как мне быть?

— Цени жизнь, — ответил Чжань-цзы. — Тот, кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Это я знаю. Но я не могу побороть себя, — ответил царевич.

— Если не можешь побороть себя, тогда живи, как живется, и не насилуй дух, — сказал Чжань-цзы. — Не уметь себя побороть и притом насильно себя удерживать означает “быть раненным дважды”. А тот, кто “ранен дважды”, долго не проживет.

Моу был сыном царя Вэй, владевшего десятью тысячами колесниц. Для него скрыться в пещере среди гор было труднее, чем простолюдину, но хотя он и не обрел Путь, можно сказать, что он кое-что знал о нем.

Терпя лишения на границе царств Чэнь и Цай, Конфуций в течение семи дней не имел горячей пищи и пил отвар из лебеды, не приправленный крупой. Он осунулся в лице, но играл на лютне и пел в своей комнате. Пока Янь Хой собирал овощи, Цзы-Лу и Цзы-Гун так говорили между собой: “Учителя дважды изгоняли из Лу, ему пришлось бежать из Вэй, на него повалили дерево в Сун, он бедствовал в Чжоу, а теперь он окружен врагами здесь, на границе Чэнь и Цай. Он не в состоянии защитить свое достоинство и жизнь, но как ни в чем не бывало играет и поет, не прерываясь ни на минуту. Может ли благородный муж быть настолько равнодушным к своему позору?”

Янь Хой не знал, что им ответить. Тогда он пошел к Конфуцию и поведал ему об этом разговоре. Конфуций отложил лютню, вздохнул и сказал: “Цзы-Лу и Цзы-Гун — ничтожные люди. Позови их, я хочу поговорить с ними”.

Когда оба ученика вошли, Цзы-Лу сказал:

— Мы, можно сказать, попали в беду!

— Что за речи? — возмутился Конфуций. — Для благородного мужа постичь Путь — значит добиться успеха, а не ведать Пути и значит попасть в беду. Ныне мне, хранящему Путь человечности и долга, приходится нелегко в наш век всеобщей смуты, но разве это значит попасть в беду? Глядя внутрь себя, я не отхожу от Пути. Сталкиваясь с трудностями, я не теряю в себе силы. Лишь когда приходит зима и выпадает снег, познается красота вечнозеленых сосен и кипарисов¹²⁶. Поистине, испытания, выпавшие мне на границе Чэнь и Цай, — счастье для меня!

Конфуций снова взял в руки лютню и запел. Цзы-Лу с воинственным видом поднял щит и пустился в пляс, а Цзы-Гун сказал:

— Я и не знал, что небо так высоко, а земля так низка. Мужички древности, обретшие Путь, были преисполнены радости независимо от того, хорошо или плохо приходилось им в жизни, ибо радовались они не успехам или неудачам. Где есть Путь и его Сила, там успехи и неудачи неотделимы от круговорота жары

и холода, ветров и дождей. Вот почему Сюй Ю радовался жизни на берегу реки Ин, а Гунбо был доволен собой, живя на горе Гун.

Шунь хотел уступить Поднебесную своему другу, человеку с севера У Цзэ.

— Ну и странный у нас государь! — сказал У Цзэ-северянин. — Он покинул свою деревню и пришел ко двору Яо, но и это еще не все. Теперь он хочет, чтобы я разделил с ним его позор. Мне противно даже видеть его.

И он бросился в воды реки Цинлин.

Тан собрался идти походом на Цзе и пришел за советом к Бянь Сую. Бянь Суй сказал:

— Это не мое дело.

— У кого же мне искать совета? — спросил Тан.

— Не знаю, — ответил Бянь Суй.

Тогда Тан обратился к У Гуану, а тот сказал:

— Это не мое дело.

— С кем же мне посоветоваться? — спросил Тан.

— Не знаю.

— А что можно сказать об И Ине?

— Он необыкновенно умеет унижать других, а о прочем я не ведаю, — ответил У Гуан.

Тан посоветовался с И Инем, пошел походом против Цзе и победил его. Тут он стал уступать Поднебесную Бянь Сую, а тот отказался принять власть, сказав:

— Вы, государь, собираясь в поход против Цзе, пришли за советом ко мне, хотели подтолкнуть меня к мятежу. Победив Цзе, уступаете мне Поднебесную, так что меня могут счесть корыстолюбцем. Хотя я живу в смутное время, но не могу стерпеть, когда человек во второй раз приходит ко мне с унижительным предложением.

С этими словами он бросился в воды реки Чжоу и утонул.

Тогда Тан стал уступать Поднебесную У Гуану, говоря ему:

— Сей поход затевал знающий, осуществил отважный, человеческий же воспользуется плодами его: таков Путь древних. Почему бы вам, уважаемый, не встать во главе всех?

У Гуан же отказался, сказав:

— Низложить государя — значит нарушить долг. Убивать людей — значит погрязнуть в человеческой грязи. Если другой человек, пренебрегая опасностью, пошел на преступление, то мне воспользоваться плодами его поступка — значит опозорить свое имя. Я слышал, что “нарушивший свой долг не получает своего жалованья; в земли, где нет Пути, входить нельзя”. Тем более же нельзя требовать уважения к себе. Нет, я не в силах этого вытерпеть!

С этими словами У Гуан обнял большой камень и бросился в воды реки Лу.

В старину, когда возвысилось царство Чжоу, в местечке Гучжи жили два брата, которых звали Бои и Шуци. Братья сказали друг другу:

— Мы слышали, что на западе живет человек, будто бы постигший Путь. Давай пойдем туда и поглядим на него. Когда братья пришли к южному склону горы Чжи, о них услышал чжоуский У-ван и послал Чжоу-гуна на встречу с ними, Чтобы он заключил с ними клятвенный союз, гласивший: “Примите должность первого ранга, жалованье выдаю на две ступени выше. В подтверждение принесем жертву и зароем ее”.

Братья посмотрели друг на друга и сказали:

— Вот странно! Это совсем не то, что мы называем Путем. В старину, когда Поднебесной владел Шэньнун, он в надлежащий срок приносил жертвы со всем почтением, но не молил о благоденствии. Он был предан людям и доверял им, все содержал в порядке и ничего не требовал для себя. Те, кому нравилось помогать ему в управлении, управляли. Кому нравилось наводить порядок, занимались этим. Он не возвышал себя ценой унижения других, не искал выгоды для себя, пользуясь удобным моментом. А нынче чжоусцы, видя, что у иньцев смута, стали сами управлять миром. Верхи плетут заговоры и занимаются торговлей, скликают войска и держат всех в страхе. За доверие выдают клятву, данную на крови жертвенного животного. Превозносят себя, дабы уговорить толпу. Ради выгоды убивают и подвергают карам. Все это означает “смуту заменить жестокостью”. Мы слышали, что древние мужи во времена порядка не уклонялись от своего долга, а во времена смуты не цеплялись за жизнь. Ныне же Поднебесная ввергнута во мрак, доблести Чжоу померкли, и стоять рядом с ними — значит запачкаться самим. Уж лучше этого избежать и сохранить свое достоинство.

И оба брата отправились на север, на гору Шоуян, где и умерли от голода.

Такие люди, как Бои и Шуци, равнодушны к богатству и почестям, но они не должны поступать дурно в угоду своим возвышенным помыслам, удовлетворять лишь собственные желания и не служить миру. Таков был долг тех двух мужей.

Глава XXIX

РАЗБОЙНИК ЧЖИ

Конфуций дружил с Люся Цзи, чей младший брат был известен всем под именем Разбойника Чжи. Этот Разбойник Чжи со своими девятью тысячами воинов скитался по всей Поднебесной, грабя знатных особ, врываясь в дома, отнимая у людей коней и буйволов, уводя в плен их дочерей и жен. В своей ненасытной жадности он забывал даже о родичах, не заботился ни об отце с матерью, ни о братьях и не приносил жертвы предкам. Поистине он был сущим бедствием для всех людей.

Конфуций сказал Люся Цзи:

— Полагается, чтобы отец, какой бы он ни был, воспитывал сына, а старший брат учил младшего. Если отец неспособен воспитывать сына, а старший брат — обучать младшего, тогда родственные узы между ними теряют смысл. Вы — самый талантливый муж нашего времени, а ваш младший брат Разбойник Чжи наводит страх на весь мир, и вы не можете вразумить его. Я осмелюсь выразить вам свое недоумение по этому поводу, и позвольте мне поговорить с вашим братом.

— Вы говорите, уважаемый, что отец должен воспитывать своего сына, а старший брат должен поучать младшего. Но если сын не желает слушать наставлений отца или поучений брата, то что тут можно поделаться даже с красноречием, подобным вашему? К тому же у Разбойника Чжи сердце — словно кипящий ключ, а мысли — как могучий вихрь. У него достаточно воли, чтобы не уступить вашим упрекам, и достаточно красноречия, чтобы всякое зло представить благом. Если вы будете соглашаться с ним, все будет хорошо, но если вы заденете его, он впадет в ярость и непременно оскорбит и унижит вас. Вам не следует идти к нему.

Но Конфуций не послушался этого совета. Посадив Янь Хоя на место кучера, а Цзы-Гуна — рядом с собой в экипаже, он отправился к Разбойнику Чжи.

В это время Разбойник Чжи, расположившись на отдых со своими людьми на солнечном склоне горы Тайшань, пожирал печень убитых им людей. Конфуций вышел из экипажа и доложил о себе слуге разбойника: “Явился человек из Лу Кун Цю, прослышавший о высокой честности военачальника”. И он дважды вежливо поклонился слуге.

Тот сообщил о госте своему хозяину. Разбойник Чжи был вне себя от гнева: глаза его сверкали как молнии, волосы вздыбились так, что шапка подскочила вверх.

— А, так это тот искусный лжец Конфуций из царства Лу? — заорал он. — Передай ему от меня: “Ты придумываешь умные слова и изречения, безрассудно восхваляешь царей Вэня и У. Нацепив на себя шапку, похожую на развесистое дерево, обмотавшись поясом из шкуры дохлого быка, ты зарабатываешь себе на жизнь красивыми речами и лживыми рассуждениями, а сам не пахнешь землю и не ткнешь пряжу. Шлепая губами и молотя языком, ты судишь об истине и лжи, как тебе заблагорассудится. Ты обманываешь правителей Поднебесной и отвлекаешь ученых мужей от главного. Ты придумал “сыновнюю почтительность” и “братскую любовь”, чтобы удобнее было домогаться богатства и почестей. Ты повинен в тягчайшем преступлении! Убирайся отсюда поживее, а не то твоя печень тоже пойдет к моим поварам!”

Конфуций передал другое сообщение: “Я имею честь прибыть сюда по рекомендации Цзи и надеюсь издалека увидеть вашу ногу под занавесом”.

Получив это послание. Разбойник Чжи сказал: “Пусть он войдет!”

Конфуций вошел нарочито торопливо, не стал садиться на сиденье, отступил назад и дважды поклонился. А Разбойник Чжи, разъяренный, широко расставив ноги, с горящими глазами, зарычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди ко мне, приятель. Если твои слова мне понравятся, ты будешь жить, а если нет — умрешь.

— Я слышал, — сказал Конфуций, — что в мире есть три уровня достоинств. Вырасти стройным и красивым, как никто другой, чтобы все в мире, стар и млад, знатные и презренные, любовались тобой, — вот высшее достоинство. Иметь знание, охватывающее целый мир, уметь на все лады судить о вещах — вот среднее достоинство. Быть смелым и решительным, собирать вокруг себя людей преданных и удалых — вот низшее достоинство. Всякий, кто обладает хотя бы одним из этих достоинств, способен восседать на троне лицом к югу и носить титул Сына Неба. В вас, уважаемый военачальник, сошлись все три достоинства. У вас рост больше восьми локтей, лицо сияет, губы — чистая киноварь, зубы — перламутр, голос — настоящая музыка, но зовут вас “Разбойник Чжи”. Пребывая в недоумении, уважаемый военачальник, я возьму на себя смелость не одобрить это прозвище. Если вы соблагovolите выслушать меня, я покорнейше прошу послать меня в царства У и Юэ на юге, Ци и Лу на севере, Сун и Вэй на востоке, Цзинь и Чу на западе, чтобы убедить их построить для вас большой город на несколько сот тысяч дворов и пожаловать вам знатный титул. Вы начнете новую жизнь, отложите оружие, дадите отдых вашим воинам, станете заботиться о своих братьях и приносить жертвы предкам. Вы бы вели себя как мудрец и достойный муж, вся Поднебесная только этого и ждет от вас.

— Подойди-ка ближе, приятель, — гневно крикнул Разбойник Чжи. — Только глупые, низкие и заурядные людишки могут соблазниться посулами выгоды. То, что я строен и красив и люди любят меня, я получил от своих родителей. Неужели ты думаешь, что я сам не заметил бы в себе этих достоинств, если бы ты мне не сказал о них? А еще я слышал, что люди, которые льстят в лицо, любят клеветать за глаза. Когда ты ведешь тут речь о большом городе и толпах поклонников, ты хочешь обременить меня

соблазном выгоды и приручить меня с помощью толпы заурядных людей. Надолго ли? Ни один город, как бы ни был он велик, не больше Поднебесного мира. Яо и Шунь владели целой Поднебесной, а их потомкам было некуда даже вонзить шило. Тан и У носили титул Сына Неба, но их роды пресеклись. Не оттого ли, что выгода, привалившая к ним, была слишком велика?

Еще я слышал, что в древние времена зверей и птиц было много, а людей мало. В ту пору люди, чтобы уберечься, жили в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, по ночам сидели на деревьях. Поэтому их называли “род гнездовой”. Тогда люди не знали одежды. Летом они запасали хворост, а зимой грелись у костра. Поэтому их называли “люди, знающие жизнь”. Во времена Шэньнуна

Спали спокойно,
Просыпались без тревог.
Люди знали мать,
Но не знали отца
И были добрые соседи оленям.
Пахали — и кормились,
Ткали — и одевались,
И не старались навредить друг другу.
Таково было торжество высшей Силы.

Однако Желтый Владыка не сумел уберечь высшую Силу. Он вступил в битву с Чи Ю на равнине Чжолу, и кровь струилась вокруг на сотни ли. Потом пришли Яо и Шунь и созвали множество чиновников. Тан низложил своего господина, У убил Чжоу. И с тех пор сильные всюду притесняют слабых, а большинство угнетает меньшинство. После Тана и У власть имели одни смутьяны.

А теперь ты упражняешься в пути царей Вэня и У и обучаешь ему наших детей и внуков, используя все тонкости словесного искусства. Надев просторный халат и подпоясавшись узким ремнем, ты рассуждаешь вкривь и вкось, мороча голову царственным особам в надежде получить от них знатные титулы и щедрые награды. В мире нет большего разбойника, чем ты. И почему только люди не зовут тебя Разбойником Конфуцием, вместо того чтобы называть разбойником меня?

Ты соблазнил своими слащавыми речами Цзы-Лу и заставил его слушаться тебя, так что он снял свою высокую шапку воина, отбросил свой длинный меч и пошел к тебе в ученики. Все говорили: “Конфуций может пресечь разбой и искоренить зло”. А потом Цзы-Лу пытался убить правителя Вэй, да не смог этого сделать, и его засоленное тело валялось у Восточных ворот вэйской столицы. Вот к чему привело твое учительство! Ты называешь себя талантливым человеком и мудрецом? Но тебя дважды изгоняли из Лу, тебе пришлось бежать из Вэй, ты имел неприятности в Ци, попал в осаду на границе Чэнь и Цай — нигде в мире не находится тебе места. А Цзы-Лу по твоей милости просто засолили! От твоего учения нет проку ни тебе самому, ни другим. Как же я могу с почтением отнестись к твоему Пути?

В мире больше всего ценят Желтого Владыку, но даже Желтый Владыка не смог уберечь свое совершенство, он бился на равнине Чжолу, и вокруг на сотни ли струилась кровь. Яо не был добрым отцом, Шунь не был хорошим сыном, Юя разбил паралич, Тан изгнал своего господина, У убил Чжоу. Этих шестерых в мире чтут больше других, но если присмотреться к ним получше, то окажется, что все они ради выгоды отрекались от подлинного в себе и шли наперекор своей природе. Их поведение было просто постыдным.

Среди тех, кого в мире зовут достойными мужами, первые — Бои и Шуци. Бои и Шуци отказались быть правителями в своем уделе Гучжу и уморили себя голодом на горе Шоуян, где их останки лежали непогребенными. Бао Цзяо из желания поразить мир умер, обнимая дерево и кляня свой век. Шаньту Ти, когда его упреки не были услышаны государем, бросился в реку с камнем в руках, и его тело съели рыбы и черепахи. Цзе Цзытуй был таким преданным слугой, что кормил принца Вэй своим мясом, а когда принц Вэй отвернулся от него, разгневался и, обняв дерево, сгорел заживо. Вэй Шэн назначил девице свидание под мостом. Девица не пришла, но, когда вода стала прибывать, он по-прежнему ждал возлюбленную, да так и захлебнулся под мостом. Эти шестеро не лучше дохлого пса, соломенной свиньи или нищего, просящего милостыню. Ради славы они не убоились даже смерти и потому пренебрегли вскармливанием жизни для того, чтобы сполна прожить свой жизненный срок.

Среди тех, кого в мире зовут преданными подданными, первые — Бигань и У Цзысюй. Цзысюй утопился в реке, у Биганя вырвали сердце из груди. Хотя их зовут преданными подданными, они кончили тем, что стали посмешищем для всего света. Никто из этой породы, насколько я могу судить, недостоин уважения. Может быть, ты попробуешь меня переубедить. Если ты будешь рассказывать мне истории про духов, то тут я спорить не берусь. Но если ты будешь говорить о людях, то я назвал лучшие примеры — тут у меня сомнений нет.

А теперь я расскажу тебе, что такое человек. Его глаза любят смотреть на красивое, его уши любят слушать сладкозвучное, его рот любит приятный вкус, его воля и дух вечно ищут удовлетворения. Высшее долголетие для него — это сотня лет, среднее — восемьдесят, низшее — шестьдесят. За вычетом болезней и тягот, печалей и траура дней для веселья остается у него не более четырех-пяти на целый месяц.

Небо и Земля не имеют предела, а смерть человека имеет свой срок. В бесконечности вселенной, жизнь человеческая мимолетна, как прыжок скакуна через расщелину. Тот, кто не способен наслаждаться своими помыслами и желаниями, прожить до конца отведенный ему срок, не познал Путь.

Все, что ты говоришь, я отвергаю. Уходи же прочь, да побыстрее, не говори мне больше ни слова. Твой Путь — большая мечта сумасшедшего, сплошной обман и ложь. Он не поможет сохранить в целости подлинное в нас. О чем тут еще говорить?

Конфуций дважды поклонился и поспешно вышел. Взбираясь в экипаж, он два раза выронил вожжи, глаза его ничего не видели, лицо побледнело, как угасшая зола. Он перегнулся через передок экипажа, свесив лицо и тяжело дыша.

На обратном пути он встретил у Восточных ворот столицы Лу Люся Цзи.

— Я не видел тебя несколько дней, — сказал Люся Цзи. — Глядя на твою лошадь и повозку, можно подумать, что ты путешествовал. Неужели ты ездил к Чжи?

Конфуций посмотрел в небо и сказал со вздохом:

— Да, я ездил к нему.

— И он, наверное, стал спорить с тобой, как я предсказывал?

— О да, — ответил Конфуций. — Я, как говорится, сделал себе прижигание, не будучи больным. Я хотел погладить тигра и чуть было сам не попал к нему в пасть.

Цзы-Чжан спросил человека по прозвищу Вечно Алчущий:

— Почему вы не печетесь о благонравном поведении? Если вы не будете вести себя так, к вам не будет доверия, а если к вам не будет доверия, вам не доверят должность, а если вам не доверят должность, у вас не будет и прибытка. Посему исполнение долга — верное средство приобрести богатство и славу. Но даже если вы отречетесь от славы и богатства в своем сердце, разве сможете вы хотя бы на один день пренебречь благонравным поведением?

Вечно Алчущий ответил:

— Не имеющий стыда быстро богатеет, а внушающий доверие быстро добивается известности. Бесстыдство и доверие — первое средство приобретения славы и выгоды. А те мужи, которые отрекаются от славы и богатства в своем сердце, не следуют ли в своем поведении небесному началу?

— В старину Цзе и Чжоу чтити как сыновей Неба, они владели богатствами всей Поднебесной, а теперь, браня какого-нибудь стяжателя, говорят: “ты поступаешь, как Цзе и Чжоу”, а он устыдится и вознегодует — ведь таких презирает даже мелкий люд, — сказал Цзы-Чжан. — Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины, а нынче попробуйте сказать царскому советнику: “вы поступаете, как Конфуций и Мо Ди”, и он смутится и скажет, что недостойн такой похвалы, ибо перед этими мужами все преклоняются. Выходит, облеченный властью Сына Неба не обязательно почитаем в свете, а простолудин, живущий в бедности, не обязательно презираем светом. Различие между почитанием и презрением проистекает из разницы между поведением благонравным или порочным. На это Вечно Алчущий сказал:

— Мелких воров сажают в темницу, большим ворах дают знатные титулы.

А в домах знатных людей как раз и обретаются мужи, толкующие о справедливости. В старину Сяобо, носивший царский титул Хуань-гуна, убил старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал его советником. Тяньчэн Цзы-Чан убил своего государя и присвоил его царство, а Конфуций принял от него шелк, высланный ему в подарок.

В своих речах они осуждали тех людей, но в поступках своих унижались перед ними. Их слова и поступки, должно быть, вечно сталкивались друг с другом в их сердцах. А потому в книгах так записано: “Что есть зло? Что есть добро? Победил — стал главным. Проиграл — остался в хвосте”.

— Если не поступать согласно приличиям, — сказал Цзы-Чан, — то не будет разницы между родичами и чужаками, не будет желаний исполнить долг и у знатных, и у презренных, не будет порядка в отношениях между старшими и младшими. Как же тогда поддерживать Пять Устоев и Шесть Отношений?

— Когда Яо убил своего старшего сына, а Шунь обрек на изгнание своего младшего брата, соблюдалось ли различие в отношениях между родичами и чужаками? — возразил Вечно Алчущий, — Когда Тан отправил в ссылку Цзе, а У-ван пошел походом на Чжоу, исполняли ли свой долг знатные и презренные? Когда Ван Цзи захватил власть, а Чжоу-гун убил своего старшего брата, соблюдался ли порядок в отношениях между старшими и младшими? Кто сможет разобраться в Пяти Устоях и Шести Отношениях после притворных речей конфуцианцев и рассуждений Мо Ди о всеобщей любви? И потом: вы действуете ради славы, а я действую ради выгоды, но ни слава, ни выгода не соотнобразуются с истиной, не обретаются в Пути. Так попросим рассудить нас Свободного от Условностей.

Свободный от Условностей сказал:

— Низкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж жертвует собой ради славы. То, что движет их чувствами, влияет на их нравы неодинаково, но если бы они оставили свое занятие и посвятили себя тому, чем они не занимаются, то в этом они были бы совершенно одинаковы. Поэтому говорят: “Не будь низким человеком, вернись к Небесному, не старайся быть благородным мужем, следуй Небесной истине”. И в кривом, и в прямом есть нечто от Небесного предела.

Смотри же на все четыре стороны,

Плыви вместе со временем,

В утверждении и в отрицании держись центра круга.

В одиночестве достигай совершенства,

Кружись согласно Великому Пути.

Не посвящай себя одному делу,

Не старайся жить в соответствии с долгом
И тогда потеряешь все тобой совершенное.
Так не гонись за богатством,
Не жертвуй собой ради совершенства,
Все оставь — и вернешься к Небесному.

У Биганя вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза — их довела до этого преданность государю. Чжицзюй доносил на отца, Вэй Шэн утонул — виной тому была их преданность. Бао-цзы стоял, пока не высох, Шэнь-цзы не сумел защитить себя — так навредила им их честность. Конфуций не виделся с матерью, Куан Чжан не встречался с отцом — таков вред любви к долгу. И так происходило из века в век, так что муж, желающий говорить и вести себя благопристойно, непременно попадет в беду!

Глава XXX

РАДОСТИ МЕЧА

Когда-то чжаоский царь Вэнь любил поединки на мечах. У ворот его дворца всегда толпились три тысячи мастеров фехтования. Днем и ночью они состязались в присутствии государя, и каждый год убитых и раненых было триста человек. А страсть царя к поединкам не убывала.

Так минуло три года, царство стало клониться к упадку, и соседние правители уже строили против него козни. Царский сын Куй был этим очень обеспокоен. Призвав своих советников, он сказал: “Кто может отвратить царя от его страсти и положить конец поединкам? Жалую тому тысячу золотых!”

И все сказали: “Такое под силу только Чжуан-цзы”.

Царевич послал гонца к Чжуан-цзы с наградой в тысячу золотых. Чжуан-цзы не принял денег, но поехал вместе с гонцом к царевичу.

— Чего ваше высочество хочет от меня, жалую мне тысячу золотых? — спросил он царевича.

— Я слышал, учитель, что вы — просветленный мудрец, и из уважения поднес вам тысячу золотых. Вы же отвергли награду, так о чем я еще могу говорить?

— Я слышал, ваше высочество, что вы желали попросить меня отвратить государя от его самой большой страсти. Предположим, что я навлеку на себя гнев государя и не смогу выполнить ваше поручение. Найдется ли в целом царстве что-то такое, о чем я не мог бы попросить?

— Как вам будет угодно. Но наш государь допускает к себе только мастеров меча.

— Ничего страшного, я владею мечом.

— Очень хорошо, но у всех мастеров меча, которых принимает государь, волосы всклокочены, усы стоят торчком, шлемы с грубыми кистями надвинуты вперед, платье на спине укорочено, глаза горят, а речь грубая — вот что нравится нашему государю. Если вы придете к нему в костюме ученого, то погубите дело в самом начале.

— Позвольте мне приготовить костюм фехтовальщика.

Три дня спустя Чжуан-цзы явился к принцу в костюме фехтовальщика, и они вместе отправились во дворец. Царь дожидался их, держа в руках обнаженный клинок. Входя в зал, Чжуан-цзы не ускорил шагов, подойдя к царю, не отвесил поклона.

— Что ты умеешь такого, что тебя представляет мой сын? — спросил царь.

— Ваш слуга прослышал, что вы, государь, любите поединки на мечах, вот я и предстал перед вашими очами.

— А что ты умеешь делать мечом?

— Мой меч разит человека через каждые девять шагов и не оставляет никого в живых на расстоянии в тысячу ли.

Царь очень обрадовался этим словам.

— Так у тебя, пожалуй, в целом мире нет соперника! — воскликнул он.

— Мастер фехтования, — сказал Чжуан-цзы, —

С виду неприметный, уязвимый,

Дает напасть на себя.

Не вступает в схватку первым,

Но первым наносит удар.

Прошу вас дать мне возможность показать свое искусство.

— Вы, уважаемый, идите отдыхать и ждите моего приказа, — сказал царь Чжуан-цзы. — А я подготовлю состязание и позову вас.

Тут царь устроил турнир для мастеров меча, и за семь дней убитых и покалеченных оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять-шесть лучших бойцов, царь велел вручить им мечи в тронном зале и позвал Чжуан-цзы.

— Сегодня мы испытаем твое искусство, — сказал царь.

— Я давно ждал этого случая, — ответил Чжуан-цзы.

— Что вы, уважаемый, предпочитаете из оружия: длинный меч или короткий?

— Мне годится любой. Но у вашего слуги есть три меча, и я готов представить их вам на выбор. Не соблаговолите ли узнать, что это за оружие?

— Я готов выслушать ваш рассказ о трех мечах.

— Первый меч — меч Сына Неба, второй меч — меч удельного владыки, третий меч — меч простолюдина.

— Что такое меч Сына Неба?

— У меча Сына Неба клинок — долина Янь и горы Шимэнь на севере, основание — царства Чжоу и Сун, рукоятка — царства Хань и Вэй. Его ножны — варвары всех сторон света и четыре времени года, его перевязь — море Бохай, португя — гора Хэн. Он управляется пятью стихиями, отточен сообразно преступлениям и достоинствам, извлекается из ножен действием сил Инь и Ян, замах им делают весной и летом, а разят — осенью и зимой. Этот меч таков:

Коли им — не останется никого впереди.
Размахнись им — не останется никого вверху.
Ткни им в землю — не останется никого внизу.
Покрути им вокруг — и не будет никого по сторонам.

Вверху этот меч рассекает плывущие облака, внизу пронзает земные недра. Одного его взмаха достаточно, чтобы навести порядок среди удельных владык и покорить всю Поднебесную. Вот каков меч Сына Неба.

От изумления царь забыл обо всем на свете.

— А что такое меч удельного владыки? — спросил он.

— Меч удельного владыки таков: его клинок — разумные и смелые мужи, его лезвие — честные и бескорыстные мужи, его тупая сторона — способные и достойные мужи, его основание — преданные и мудрые мужи, его рукоять — несгибаемые и непреклонные мужи. Этот меч таков:

Коли им — не останется никого впереди.
Размахнись им — не останется никого вверху.
Ткни им в землю — не останется никого внизу.
Покрути им вокруг — и не будет никого по сторонам.

Вверху его образец — круглое Небо, а его действия — как движение солнца, луны и звезд. Внизу его образец — квадратная Земля, а его действия — как смена времен года. Он приводит к согласию желания людей и водворяет спокойствие во всех четырех пределах. Взмахни этим мечом — словно гром грянет с небес, и никто в целом мире не осмелится пренебречь вашими приказаниями. Таков меч удельного владыки.

— А что такое меч простолюдина?

— Меч простолюдина предназначен для тех, у кого волосы всклокочены, а усы стоят торчком, шлем с грубыми кистями надвинут на глаза, платье сзади укорочено, глаза горят, а речь груба и кто дерется на мечах в вашем присутствии. Вверху он перерубит шею или перережет горло, внизу проткнет печень и легкие. Таков меч простолюдина, и использование его не отличается от правил петушиных боев. В одно утро жизнь человека оборвется. Для государевых дел проку в том нет никакого. Ныне вы, государь, владеете тронном Сына Неба, а питаете страсть к мечу простолюдина. Мне, вашему слуге, стыдно за вас!

Тут царь повел Чжуан-цзы к своему трону, а когда стольник подал обед, царь трижды обошел вокруг Чжуан-цзы.

— Сядьте и успокойтесь, государь, — сказал Чжуан-цзы. — Я доложил вам все о трех мечах.

С того дня царь Вэнь три месяца не выходил из дворца. А все мастера меча покончили с собой в своих квартирах.

Глава XXXI

РЫБАК

Прогуливаясь по лесу в местечке Цзывэй, Конфуций присел отдохнуть на холме среди абрикосовых деревьев. Ученики заучивали книги, а сам Конфуций пел и подыгрывал себе на лютне. Не успел он спеть песню до половины, как некий рыбак вышел из лодки и приблизился к нему. У него были седые виски и брови, волосы спадали на плечи, рукава свисали вниз. Взойдя на ровное место, он остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и стал слушать. Когда песня кончилась, он подозвал к себе Цзы-Гуна и Цзы-Лу.

— Что это за человек? — спросил незнакомец, указывая на Конфуция.

— Это благородный муж из царства Лу, — ответил Цзы-Лу.

— А из какого он рода?

— Из рода Кунов.

— А чем занимается этот человек из рода Кунов?

Цзы-Лу промолчал, а Цзы-Гун ответил:

— Этот человек, по природе преданный и верный, в своей жизни претворяет человечность и долг. Он совершенствует ритуалы и музыку, упорядочивает правила благопристойности, заботясь, во-первых, о преданности государю и, во-вторых, о воспитании народа. Так он хочет облагодетельствовать мир. Вот чем занимается учитель Кун.

— А владеет ли благородный муж землей? — спросил рыбак.

— Нет.

— Состоит ли он советником при царе?

— Нет.

Незнакомец улыбнулся и пошел прочь, говоря на ходу: “Может он и человечен, да, боюсь, самого себя не убережет. Обременяя так свой ум, изнуряя свое тело, он губит подлинное в себе. О, как далеко отошел он от Пути!”

Цзы-Гун вернулся и рассказал о рыбаке Конфуцию. Тот отложил лютню, поднялся и сказал: “Уж не мудрец ли он?” Тут он пошел за рыбаком вниз по реке и догнал его у берега озера. Рыбак уже навалился на весло, собираясь отчалить, но заметил Конфуция и повернулся к нему лицом. Конфуций быстро отошел назад, поклонился дважды и приблизился к рыбаку.

— Чего ты хочешь? — спросил рыбак.

— Только что вы, учитель, на что-то намекнули и ушли. Я, недостойный, не догадываюсь, о чем вы хотели сказать. Позвольте мне смиренно стоять здесь в надежде услышать ваши драгоценные наставления, дабы ваша помощь мне не осталась втуне.

— Ого! Какая любовь к учению! — ответил рыбак.

Конфуций поклонился дважды и замер.

— Я с детства учусь, не пропуская ни дня, а мне уже шестьдесят девять лет, — сказал он. — Однако я так и не встретил того, кто мог бы преподать мне высшее учение. Могу ли я не очистить в своем сердце место для этого?

— Подобное по естеству тянется друг к другу, подобное по звучанию откликается друг другу — таков Небесный Порядок. Не будем говорить о том, кто я таков, а поговорим о том, чем занимаешься ты. Ты озабочен делами людей. Когда Сын Неба, удельные владыки, служилые мужи и простолюдины находятся на своих местах, в мире царит порядок. Если же они окажутся не на своих местах, в мире вспыхнет великая смута. Пусть чиновники исполняют свои обязанности, а простые люди занимаются своим делом, тогда никто никому не будет мешать. К примеру, если в полях не выполоты сорняки, крыша течет, еды и одежды не хватает, подать нечем уплатить, жена и наложница не живут в мире, молодые непочтительны к старшим — все это заботы простого человека. Если кто-то не справляется с поручениями, нет порядка в ведомствах, служащие нерадивы, за добрый поступок не награждают, за преступление не лишают чина и жалованья — это заботы служилого мужа. Если при дворе нет праведных советников, плетутся интриги, в семье разлад, мастеровые нетрудолюбивы, податей и дани привозят мало, чином обходят в столице, Сын Неба не жалуется — таковы заботы удельного владыки. Если Инь и Ян не в согласии, жара и холод приходят не во время, посеvy терпят урон, удельные владыки бесчинствуют и сами затевают войны, заставляя страдать простолюдинов, музыка и церемонии запущены, казна пуста, нравы портятся, простолюдины бунтуют — таковы заботы советников Сына Неба.

Ну, а вы не облечены властью государя или удельного владыки вверху и не состоите на государственной службе внизу, однако же, по собственному почину совершенствуете церемонии и музыку, упорядочиваете правила благопристойности, желая дать воспитание народу. Не лезете ли вы не в свое дело?

К тому же людям присущи восемь пороков, а в делах имеются четыре несчастья, и о них надлежит помнить. Заниматься не своим делом называется “превышением власти”. Указывать на то, что недостойно внимания, называется “суетливостью”. Полагаться на чужое мнение и ссылаться на чужие слова называется “угодливостью”. Повторять чужие речи, не различая истинного и ложного, называется “лестью”. Находить удовольствие в осуждении других называется “злословием”. Рвать узы дружбы и родства называется

“бесчинством”. Лстить и обманывать, дабы получить награду от злодея, называется “коварством”. Не делать различия между добрыми и дурными людьми, но угождать всем ради собственной корысти называется “злодейством”. Эти восемь пороков

Вовне ввергнут в смуту других,
Внутри причинят вред себе.
Благородный муж не станет твоим другом,
Мудрый царь не сделает тебя советником.

Четыре же зла таковы: любить ведать важными делами, но легко менять свое отношение к ним из желания почета и славы называется “злоупотреблением”; считать себя лучшим знатоком дела и заставлять других делать по-твоему называется “самодурством”; отказываться исправить собственную ошибку и усугублять ее вопреки добрым советам называется “упрямством”; хвалить других, если они одобряют вас, но порицать их, если они вас не одобряют, как бы добродетельны они ни были, называется “подлостью”.

Только после того как ты избавишься от восьми пороков и четырех зол, я мог бы заняться твоим обучением.

Конфуций вздохнул, дважды отвесил поклон и сказал:

— Меня два раза изгоняли из Лу, я был вынужден бежать из Вэй, на меня повалили дерево в Сун, я был осажден между Чэнь и Цай. Почему мне довелось пережить эти четыре несчастья?

Лицо рыбака стало печальным.

— Как трудно пробудить тебя! — воскликнул он. — Однажды жил человек, который боялся собственной тени, ненавидел свои следы и пытался убежать от них. Но чем быстрее он бежал, тем больше следов оставлял за собой, а тень так и гналась за ним по пятам. Ему казалось, что он бежит недостаточно быстро, поэтому он бежал все быстрее и быстрее, пока не упал замертво. Ему не хватило ума просто посидеть в тени, чтобы избавиться и от своей тени, и от своих следов. Вот какой он был глупец! Ты ищешь определения человечности и долга, вникаешь в границы подобного и различного, ловишь момент для действия или покоя, сравниваешь то, что отдаешь, с тем, что получаешь, упорядочиваешь свои чувства приязни и неприязни, приводишь к согласию радость и гнев. Похоже, тебе никогда не найти отдохновения. Честно совершенствуй себя, бдительно храни подлинное в себе; вернись к себе и предоставь другим самим себе. Тогда ты избавишься от бремени. Что же ты ищешь в других, пока сам не совершенствуешь себя? Не одно ли только внешнее?

Конфуций печально спросил: “Позвольте узнать от вас, что такое “подлинное”?”

— Подлинное — это самое утонченное и самое искреннее. То, что не содержит в себе ничего утонченного и искреннего, не может тронуть других. Вот почему деланные слезы никого не растрогают, деланный гнев, даже самый грозный, никого не напугает, деланная любовь, как бы много ни улыбались, не будет взаимной. Подлинная грусть безгласна, а вызовет в других печаль без единого звука; подлинный гнев не проявляется вовне, а наводит страх; подлинная любовь и без улыбки породит отклик. Когда внутри есть подлинное, внешний облик одухотворен. Вот почему мы ценим подлинное.

В отношениях между родственниками, в делах семейных сын почтителен, а отец милосерден. В делах государства советник предан, а правитель справедлив. На пиру мы веселимся, в трауре скорбим. В добродетельном поведении главное — выполнение долга, на пиру главное — веселье, в трауре главное — скорбь, в служении родителям главное — угодить им. А выполнить долг можно разными путями. Если прислуживая родителям, все делать во время, никто не станет разбираться, как мы прислуживаем. Если на пиру веселиться от души, не будешь разбираться, из каких чашек ты пьешь. Если в трауре искренне скорбеть, не возникнет охоты разбираться в правилах благопристойности.

Правила благопристойности устанавливаются обычаем. Подлинное же воспринято нами от Неба. Оно приходит само, и его нельзя изменить. Поэтому мудрый, беря за образец Небо, ценит подлинное и не связывает себя обычаем. Глупец же поступает наоборот: не умея следовать Небу, он ищет одобрения людей; не зная, как ценить подлинное, он подчиняется обычаю и потому никогда не знает удовлетворения. Как жаль, что вы так рано понаторели в пустых изобретениях человеческого ума и так поздно услышали о Великом Пути!

Конфуций опять поклонился дважды и сказал:

— Сегодня мне повезло, как никогда. Кажется, само Небо ниспослало мне счастье! Если, уважаемый, вы не уроните своего достоинства, имея меня среди ваших учеников и наставляя меня в мудрости, я осмелюсь спросить вас, где вы живете? Прошу вас предоставить мне возможность быть вашим учеником и узнать, наконец, что такое Великий Путь.

— Я слышал поговорку: “С кем можно идти — иди до последних тонкостей Пути. А от того, с кем нельзя идти, ибо он не знает, каков его путь, держись подальше — так оно спокойнее!” Учитесь сами, как можете. Я же ухожу от вас! Ухожу от вас!

И рыбак отчалил от берега. Пока его лодка скользила среди зарослей тростника, Янь Хой развернул экипаж в обратную сторону, а Цзы-Лу держал наготове вожжи, но Конфуций стоял, не оборачиваясь. Он подождал, пока волны на воде не улеглись и не затихли вдали всплески весла. Только тогда он взошел в экипаж.

Идя за экипажем, Цзы-Лу спросил:

— Я много лет прислуживал вам, учитель, но никогда не видел, чтобы вы были так взволнованы. Даже правители уделов в тысячу, а то и в десять тысяч колесниц, встретив вас, уступят вам место и будут обращаться с вами как с равным, вы же, учитель, и тогда будете держаться с необыкновенным достоинством. А сегодня вам предстоял всего лишь простой рыбак, а вы, учитель, обращались к нему с вопросами, сгибаясь перед ним, словно рама для колоколов. Не слишком ли далеко вы зашли? Мы все, ваши ученики, повергнуты в недоумение!

Конфуций наклонился к передку экипажа и вздохнул.

— О Цзы-Лу, как трудно образумить тебя! — сказал он. — Ты уже давно изучаешь церемонии и долг, а все еще не избавился от грубых мыслей. Подойди, я скажу тебе. Не отнестись уважительно к старшему при встрече — значит отступить от церемоний. Не выказать почтения достойному мужу при встрече с ним — значит потерять человечность в себе. Кто сам несовершенен, тот не сможет вести за собой других. А если люди не понимают существенного в себе, они утратят в себе подлинное. Как прискорбно, что люди сами вредят себе! Нет большего несчастья, чем не быть человечным в отношениях с другими, и ты один в том повинен.

Все вещи в мире имеют своим истоком Путь. Тот, кто теряет его, — гибнет. Тот, кто обретает его, — живет. Тот, кто идет ему наперекор, терпит неудачу. Тот, кто следует ему, добивается успеха. А посему мудрый чтит все, в чем пребывает Путь. Этот рыбак, можно сказать, обладает Путем. Так мог ли я посметь быть с ним непочтительным?

Глава XXXII

ЛЕ ЮЙКОУ

Ле Юйкоу отправился в царство Ци, но с полдороги вернулся и встретил Бохуня-Безвестного.

— Отчего вы возвратились? — спросил Бохунь-Безвестный.

— Я испугался.

— Чего же вы испугались?

— Я обедал в десяти постоянных дворах, и в пяти мне подавали раньше всех.

— Ну и что в этом страшного?

— Моя внутренняя искренность еще не растворилась окончательно и светится во мне. А воздействовать на людские сердца извне, побуждая их относиться с пренебрежением к почтенным и старшим, — значит навлекать на себя беду. Хозяин постоянного двора — человек небогатый, торгует кашами да похлебками. Если так поступает тот, кто не имеет ни больших доходов, ни власти над людьми, то что будет делать владыка царства в десять тысяч колесниц, который неустанно печется о благе государства и ревностно вникает в дела? Я испугался, что царь захочет обременить меня делами государственного правления и будет ждать от меня заслуг.

— Вот прекрасное суждение! — воскликнул Бохунь-Безвестный. — Но если вы будете так вести себя и впредь, люди пойдут за вами толпой, ища у вас защиты.

В скором времени Бохунь-Безвестный пришел к Ле-цзы и увидел у ворот множество пар туфель, оставленных посетителями. Обернувшись лицом к северу, он оперся на посох, постоял некоторое время молча и вышел вон. Дворецкий доложил об этом Ле-цзы, и тот, немедленно скинув туфли, побежал вдогонку за Бохунем-Безвестным, догнал его у ворот и спросил:

— Раз уж вы, учитель, пришли, не дадите ли вы мне наставление?

— Поздно! — ответил Бохунь-Безвестный. — Ведь я предупреждал вас, что люди будут искать у вас защиты, — так оно и вышло. Вы неспособны дать людям защиту и не можете сделать так, чтобы люди не искали у вас защиты. Для чего все это? Вы хотите воздействовать на других, но не понимаете, что и другие будут воздействовать на вас. Ваши способности придут в расстройство, а это уже никуда не годится. Однако же те, кто следуют за вами, не скажут вам правды. Их ничтожные речи — что яд для человека. А чем могут помочь друг другу люди, живущие без бодрствования, без понимания?

Умелые — трудятся, знающие — печалются, неспособные же — ни к чему не стремятся. Набив живот, привольно скитаются они, подобно отвязавшемуся в половодье челну: он пуст и свободно несется неведомо куда.

Человек из Чжэн по имени Хуань учился книгам во владениях рода Цюй. По прошествии трех лет Хуань стал конфуцианцем и щедро одарил милостями всех своих родичей, как Желтая Река орошает своими водами все земли вокруг на девять ли. Младшему же брату он велел изучать учение Мо Ди, а потом между ними зашел спор, и отец принял сторону младшего брата. Десять лет спустя Хуань покончил с собой и, явившись его отцу во сне, сказал:

— Ведь это я велел младшему брату изучать учение Мо Ди, почему бы тебе не признать, что я сделал тебе добро, и не присмотреть за моей могилой? Нынче я стал шишкой на кипарисе, который растет там.

То, что творит вещи, — воздаст человеку, но не какому-то определенному человеку, а небесному в человеке. Хуань заставил своего брата изучать учение Мо Ди. Но когда Хуань решил, что это он сделал своего брата не похожим на себя и по этой причине стал презирать своего отца, он уподобился тем людям в Ци, которые брали воду из одного колодца и старались оттолкнуть от него друг друга. Потому и говорят сейчас: “В наше время все люди — хуани”. Вот почему тот, кто претворил в себе полноту жизни, живет незнанием, и тем более таков тот, кто претворяет Путь. В старину это называлось “избежать кары Небес”.

Мудрый обретает покой в том, что дарит ему покой, и не ищет покоя там, где его нет. Заурядный человек ищет покоя в том, что не дает покой, и не имеет покоя там, где покой есть.

Чжуан-цзы сказал: “Познать Путь легко, а не говорить о нем трудно. Знать и не говорить — это принадлежит небесному. Знать и говорить — это принадлежит человеческому. Люди древности предпочитали небесное человеческому”.

Чжу Пинмань учился закалывать драконов у Чжили И. Он лишился всех семейных богатств стоимостью тысячу золотых, но за три года в совершенстве овладел этим искусством. Одно было плохо: мастерству своему он так и не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, а потому обходится без оружия. Обыкновенный человек считает необходимостью даже не необходимое, а потому имеет много оружия. Привыкший к оружию всегда пользуется им, чтобы добиться желаемого. Но тот, кто уповает на силу оружия, гибнет сам.

Знания маленького человека не идут дальше обертки для подарка и дощечки для письма. У такого человека на уме одни мелкие заботы, но он хочет облагодетельствовать весь мир, постичь Великий Путь и слиться с Великим Единством. Подобные ему вслепую блуждают по миру и, не ведая Великого Начала, впустую расточают свои силы. А вот совершенный человек духом устремляется к Великому Истоку и сладко дремлет в Извечно Отсутствующем.

Он подобен воде, которая струится, не имея формы, и обнажает Великую Чистоту. Разве не прискорбно, что люди стараются знать все о кончике волоска и не ведают о великом покое?

В царстве Сун жил человек по имени Цао Шан. Сунский царь отправил его в Цинь и дал ему несколько колесниц, а Шан сумел понравиться циньскому царю и заимел целую сотню колесниц.

Вернулся он в Сун, встретил Чжуан-цзы и стал над ним насмехаться:

— Жить на задворках захолустной деревни, по бедности плести сандалии, иметь иссохшую шею и пожелтевшее лицо — такое мне, Шану, нелегко приобрести. А вот вразумить правителя целого царства и получить в награду сотню колесниц — такое мне сделать нетрудно.

Чжуан-цзы ответил: — Когда циньский царь захворал, то позванный им лекарь вскрыл ему чирей и вырезал опухоль и в награду получил одну колесницу. А тот, кто вылизал царю геморрой, получил пять колесниц. Видно, чем ниже способ лечения, тем выше награда. Как же ты лечил ему геморрой, что заслужил столько колесниц?

Ай-гун, царь Лу, спросил Янь Хэ:

— Если я сделаю Конфуция своим первым советником, станет ли лучше правление в моем царстве?

— Это опасно! Вам будет грозить гибель! — отвечал Янь Хэ. — Конфуций норовит разукрасить даже фазаньи перья. Он может только красиво говорить, а несущественное принимает за главное. Он мягок с людьми, но не знает их и им не доверяет. Он воспринимает только свои мысли, думает только о своей душе. Как же может он стоять над народом? Только по недомыслию можно привлекать его на службу и оказывать ему покровительство. Нынче он уводит людей от действительности, учит их притворяться — так ли нужно относиться к народу? Нет, лучше от этого отказаться, иначе потомкам нашим прибавится забот. В управлении государством трудно оказывать милости людям, забывая о себе. Не таково милосердие Неба. Торговцев оседлых и странствующих нельзя причислять к служилым людям. Даже если установить такой порядок в царстве, духи этого не признают. Казнь внешняя свершается железом и деревом. Казнь внутренняя свершается поступками и ошибками. Простых людей, приговоренных к внешней казни, мучают железом и деревом. Тех, кому уготовлена казнь внутренняя, грызут силы Инь и Ян. Избежать казни и внешней, и внутренней способен только Настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Проникнуть в сердце человека труднее, чем проникнуть в горное ущелье, а познать его труднее, чем познать само Небо. Небо установило весну и осень, лето и зиму, день и ночь. У человека же лицо непроницаемо, чувства скрываются глубоко. Он бывает с виду добрым, а по натуре жадным; бывает по виду способный, а на деле никчемный; бывает горячливый, а в душе праздный; бывает внешне мягкий, а внутри грубый или внешне жесткий, а внутри резкий. А потому бывает, что человек иступленно, словно в горячке, выполняет долг и так же ретиво, словно в горячке, бежит от выполнения долга. Посему государь посылает человека далеко, чтобы испытать его преданность, и посылает его близко, чтобы испытать его почтительность; дает трудное поручение, чтобы испытать его способности, и задает ему неожиданные вопросы, чтобы испытать его сообразительность; приказывает действовать быстро, чтобы испытать его доверие, и доверяет ему богатство, чтобы испытать его совесть; извещает его об опасности, чтобы испытать его хладнокровие, и поит его допьяна, чтобы испытать его наклонности; сажает его вместе с женщинами, чтобы увидеть, похотлив ли он. Благодаря этим девяти испытаниям можно понять, каковы способности человека.

Као-фу по прозвищу Праведный, получив первое назначение, опускал голову; получив второе назначение, горбился; получив третье назначение, клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто не сочтет его образцом? А есть и такие мужи: при первом назначении смотрят надменно, при втором назначении красуются в колеснице, а после третьего назначения зовут старших по их именам. Кого же из них можно уподобить Тану и Юю?

Нет большего разбойника, нежели тот, кто живет с мыслью о совершенстве жизни, а умом ограничен. Если таким умом вглядываться в себя, то сам себя погубишь.

Злых свойств имеется пять. Главное среди них — самовлюбленность. Что значит самовлюбленность? Это значит превозносить собственные достоинства и порицать других за то, что они поступают иначе.

Беда навлекается восьмью крайностями, успех приносят три необходимости, в теле имеется шесть полостей. Красота, пышная борода, высокий рост, крепкое сложение, сила, изящество, смелость, мужество — вот восемь крайностей, которые возвышают нас над другими и потому служат источником бед. Подражание другим, уступчивость и бдительность — вот три качества, которые принижают нас перед другими и потому приносят успех. Знание, объемлющее все внешнее; смелые поступки, приносящие разочарования; доброта и справедливость, навлекающие обязательства; доскональное понимание величия

жизни; doskonaльное понимание ничтожности знания; doskonaльное понимание неотвратимости великой судьбы; doskonaльное понимание мимолетности времени...¹²⁷

Некто был принят сунским царем, получил в подарок десять колесниц и стал хвастаться своим приобретением перед Чжуан-цзы. Чжуан-цзы сказал: “У реки жил бедняк, который кормился тем, что плел вещи из тростника. Однажды его сын нырнул в пучину и вытащил жемчужину стоимостью в тысячу золотых.

— Разбей ее камнем! — приказал ему отец. — Ведь эта жемчужина ценой в десять тысяч золотых, должно быть, из тех, что хранятся в самом глубоком омуте, под мордой дракона. Ты смог достать ее лишь потому, что он спал. Но проснется дракон — и тебе придется туго! Нынче царство Сун — омут поглубже речного, а сунский царь не страшнее дракона. Ты получил колесницы потому лишь, что царь спал. А проснется царь — и тебе несдобровать!”

Некто звал Чжуан-цзы на службу. Чжуан-цзы же так ответил посланцу:

— Не приходилось ли вам видеть жертвенного быка? Его наряжают в узорчатые ткани, кормят свежей травой и бобами. А потом его ведут, и он входит в храм предков. Даже если бы в тот миг он очень хотел снова стать вольным теленком, может ли его желание осуществиться?

Если выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. Если доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным. Тот, кто полагается на внешнее восприятие, может лишь воздействовать на вещи. Тот, кто полагается на дух, имеет достоверное знание. То, что духовное знание имеет преимущество над знанием вещей, признано уже давно. Однако же глупцы полагаются лишь на то, что могут видеть, и считают это общей истиной. Как это прискорбно!

Чжуан-цзы лежал на смертном одре, и ученики уже собирались устроить ему пышные похороны. Чжуан-цзы сказал: “Небо и Земля будут мне внутренним и внешним гробом, солнце и луна — парой нефритовых дисков, звезды — жемчужинами, а вся тьма вещей — посмертными подношениями. Разве чего-то не хватает для моих похорон? Что можно к этому добавить?”

— Но мы боимся, — отвечали ученики, — что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

Чжуан-цзы сказал: “На земле я достанусь воронам и коршунам, под землей пойду на корм муравьям. У одних отнимут, а другим дадут. За что же муравьям такое предпочтение?”

Глава XXXIII

ПОДНЕБЕСНЫЙ МИР

Много в Поднебесной мужей, имеющих в жизни свой Путь, и каждый из них полагает, что к его знаниям и искусству уже ничего нельзя добавить. Где же на самом деле пребывает то, что в древности называли “искусством Пути”? Отвечу: нет места, где бы его не было. Спрашивают:

“Откуда нисходит духовность? Откуда является просветленность?” Мудрые благодаря чему-то рождаются, правители благодаря чему-то властвуют, и все они имеют своим истоком Единое.

Кто не порывает с пращурами, тот зовется небесным человеком. Кто не отсекает себя от семени жизни, тот зовется духовным человеком. Кто не отходит от подлинного, тот зовется совершенным человеком. Кто признает Небо своим пращуром, Силу — основой, Путь — вратами и кто живет одной жизнью со всеми превращениями мира, тот зовется мудрым. Кто оказывает милость человечностью, законом своим считает долг, в поступках своих всегда соотносится с ритуалом, водворяет согласие музыкой и кто полон любви и доброты, тот зовется благородным мужем. А что касается использования правил для определения, имен для обозначения, сравнений для изыскания и доказательств для суждений, то все это пригодно разве что для счета от одного до четырех. Чиновники пользуются ими, чтобы установить между собой ранги. Не изменять обычая в делах, заботиться, прежде всего прочего об одежде и пище, собирать и хранить богатства, давать на пропитание старым, малым и сирым — вот основа благоденствия народа.

Люди древности делали так, чтобы у людей всего было в достатке. Они ставили себя вровень с духами, брали за образец Небо и Землю, пестовали всю тьму вещей, приводили к согласию Поднебесный мир, простирали милость на все сто родов. Они имели ясное знание коренных чисел, умели вычислить меру каждой вещи, и понимание их распространялось на все шесть полюсов мироздания и все четыре времени года; они не упускали из виду ни малого, ни великого, ни тонкого, ни грубого. Многие из постигнутого ими в числах и мерах сохранили летописцы, сведущие в старинных законах и преданиях. Что касается “Песен” и “Преданий”, “Ритуалов” и “Музыки”, то служилые люди в Цзоу и Лу, ученые мужи, носящие на поясе таблички для письма, умеют их толковать. Из “Песен” можно узнать о праведных помыслах, из “Преданий” можно узнать о праведных деяниях, из “Ритуалов” можно узнать о праведном поведении, из “Музыки” можно узнать о праведном согласии, из “Перемен” можно узнать о правильном взаимодействии Инь и Ян, а из “Весен и осеней” можно узнать о правильных титулах. Мужья, разбирающиеся в этих предметах, рассеялись по всей Поднебесной и утвердились в Срединных царствах, а учения Ста школ часто ставят их речи в пример и толкуют их.

Нынче Поднебесный мир в великом смятении, мужья мудрые и достойные укрылись от взоров толпы, Путь и Сила раздроблены. Много сейчас тех, кто удовлетворяется изучением какой-нибудь одной частности. Вот так же соседствуют ухо, глаз, нос и рот: каждый из них доставляет нам знание о мире, но воспринятое ими воедино слиться не может. Таковы же учения Ста школ: каждое из них имеет свои достоинства, а временами и пользу приносит, однако же ни одно из них не обладает истиной всеобъемлющей и законченной. Все это учения людей, привязанных к своему углу. Они разбивают совершенство Неба и Земли, дробят устои всех вещей и губят цельность древних людей. Немногие в наше время могут постичь совершенство Неба и Земли и выразить в слове духовное величие. Поэтому Путь “мудреца внутри и правителя снаружи” померк и недоступен уже людскому взору, сокрыт в неизвестности и не выходит наружу, а в Поднебесной каждый делает то, что ему заблагорассудится, и считает правым только себя. Увы! Если Сто школ пойдут каждой своей дорогой, не думая о том, чтобы сдерживать себя, то среди них никогда не будет согласия. И если ученые люди грядущих поколений не будут иметь счастья созерцать Небо и Землю в их первоначальной чистоте и древних мужей во всем их величии, то искусство Пути будет разодрано в клочья.

Не стремиться к роскоши в бесславный век, не быть расточительным в жизни, не увлекаться разысканиями чисел и мер, выправлять себя словно по углу и отвесу — в этом тоже заключалось искусство Пути древних, а Мо Ди и Цинь Гули услышали об этих заветах и возлюбили их. Но в устремлениях своих они отклонились слишком далеко; отвергнутое же ими было слишком безупречным. Они провозгласили “отвержение музыки” и назвали это “бережливостью”. Они не пели песен для живых и не носили траура по умершим. Мо-цзы учил всеобщей любви, взаимной выгоде и отказу от противоборства и призывал никогда не давать волю гневу. Еще он любил учиться и имел обширные познания, но он не соглашался с древними царями и хотел отменить древние обряды и музыку. Желтый Владыка сочинил мелодию “Сяньчи”, Яо сочинил гимн “Да-чжан”, Шунь сочинил “Да-шао”, Юй сочинил “Да-ся”, Тан сочинил “Да-хо”, Вэнь-ван создал музыку “Пи-ин”, У-ван и Чжоу-гун создали музыку “У”. С древних времен погребальные обряды были неодинаковы для знатных и подлых, старшие и младшие имели приличествующий каждому ранг. Сына Неба хоронили в семи гробах, удельных владык — в пяти, придворных вельмож — в трех, служилым людям полагался двойной гроб. А теперь один Мо-цзы не поет песен для живых и не носит траура по умершим и предлагает хоронить всех в тонкостенном гробу из тунгового дерева, а от внешнего гроба совсем отказаться. Боюсь, призывая к этому людей означает не любить их, а обращаться так с самим собой означает не любить себя. Не буду говорить плохо об учении Мо-цзы, но если он не пел, когда следовало петь, не плакал, когда надлежало плакать, и не исполнял музыки,

когда следовало ее исполнять, то был ли он на самом деле таким, как все? К живым он относился слишком строго, а к мертвым — слишком пренебрежительно, и Путь его был слишком суров. Он вселял в людей уныние и печаль, и трудно было воплотить в жизнь его наставления. Боюсь, его учению не суждено стать Путем истинно мудрого, ибо оно идет наперекор чаяниям обыкновенных людей. Поднебесный мир его не примет. Даже если сам Мо-цзы мог взвалить на себя такое бремя, то пойдет ли за ним свет? Отгородившись от мира, Мо-цзы оказался далек и от державной власти. Сам он проповедовал свое учение в таких словах:

“В старину, когда Юй укротил потоп, проложил русла великих рек и направил течение вод в землях варваров четырех сторон света и в Девяти областях Срединной страны, главных рек насчитывалось три сотни, их притоков — три тысячи, а маленьким речкам не было числа. Юй взял в руки лопату и корзину и девять раз обошел все реки Поднебесной, так что стерлись волосы на его икрах и сошел пушок с его голеней. Омываемый проливными дождями, обдуваемый свирепыми ветрами, он учредил все удельные владения. Юй был великий мудрец, и вот как он трудился на благо всей Поднебесной!”

Последователи Мо-цзы в последующих поколениях стали одеваться в одежды из шкур, носить деревянные туфли и травяные сандалии. Ни днем, ни ночью не знали они покоя и считали самоистязание высшим достижением. Они говорили: “Если ты неспособен быть таким старательным, ты не идешь путем Юя и недостойн зваться последователем Мо-цзы”.

Ученики Сянли Циня, последователи У Хоу и монеты юга Ку Хо, Цзи Цинь, Дэнлин-цзы и иже с ними признавали “Моистский канон”, но расходились во взглядах и называли друг друга отступниками, спорили между собой о “твердости” и “белизне”, о “подобии” и “различии” и отвечали друг другу суждениями, которые невозможно примирить. Они считали своих старших истинными мудрецами, а те хотели иметь звание законного вождя и преемников в позднейших поколениях. До сих пор этот спор не разрешен.

Идеи Мо Ди и Цинь Гули были правильными, а вот осуществляли они их неправильно. А потому монетам позднейших времен пришлось мучить себя так упорно, что стерлись волосы на их икрах и сошел пушок с их голеней. Смятения от них получилось много, а порядка от них прибавилось мало. И все же Мо-цзы был воистину лучший муж во всей Поднебесной, никто не смог бы с ним сравниться. Он хоть и высох весь, а от убеждений своих не отказался. Это был истинный талант!

Не связывать себя обычаями, не украшать себя вещами, не обманывать людей и не обижать народ, ратовать за мир и покой в Поднебесной, дабы люди благоденствовали, и себе, и другим оставлять не более того, что нужно для пропитания, и тем самым раскрывать сокровищницу сердца — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Сун Син и Инь Вэнь услышали об этих заветах и возлюбили их. Они сшили себе шапки в виде горы Хуашань, чтобы отличать себя от других. Своим жизненным правилом они сделали “отказ от ограниченности”, учили быть терпимым в душе и называли это “деянием сердца”. Они говорили, что люди должны быть радушными и довольными, чтобы повсюду в пределах морей в роду человеческом царил согласие. Главным же они считали умение “стреножить желания”. Был у них девиз: “терпеть унижение — не значит быть опозоренным”, и с его помощью они хотели покончить с борьбой среди людей. А призывом “запретить нападения, распустить войска” они хотели добиться прекращения войн. С этими идеями они странствовали по миру, наставляя верхи, поучая низы, и, хотя мир не желал их слушать, они упорно стояли на своем. Как говорится, “и верхам, и низам видеть его не вмоготу, а он красуется пуще прежнего”. Они слишком много заботились о других и слишком мало о себе, говоря: “Когда все желания стреножены, пяти пригоршней риса хватает”. Боюсь, сами учителя не ели досыта, а их ученики, живя вечно впроголодь, не забывали о Поднебесном мире и ни днем, ни ночью не знали отдыха, приговаривая: “Мы еще заживем по-настоящему!” Это были мужи, от гордыни замыслившие облагодетельствовать весь мир. Еще они говорили: “Благородный муж не вмешивается в чужие дела и самого себя за вещи не закладывает”. Этим они хотели сказать, что не нужно выставлять напоказ то, что не приносит пользу Поднебесной. Завет “запретить нападения, распустить войска” они считали внешней стороной своего учения, а завет “умеряй и сдерживай желания” — внутренней. И все их учение в большом и малом, в грубых и тонких своих положениях дальше этого не шло.

Быть открытым всем и свободным от пристрастий, непрестанно меняться и ничего не выискивать для себя, жить привольно, не выбирая для себя главного, следовать всякому влечению без колебаний, не умствовать прежде времени, не строить расчетов, полагаясь на свое знание, не выбирать среди вещей, но превращаться вместе с ними — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао услышали об этих заветах и возлюбили их. Во главу всего они поставили уравнивание вещей, говоря: “Небо может покрыть, но не может поддержать. Земля может поддержать, но не может покрыть. Великий Путь может объять, но не может установить различия”. Они знали, что у всех вещей есть свое “возможное” и “невозможное”, и поэтому говорили: “Если ты сделаешь выбор, ты перестанешь быть всеобъемлющим; если ты устроишь себе учение, ты ограничишь себя. А Путь не знает изъятий”.

И вот Шэнь Дао отбросил знания, презрел себя и стал жить Неизбежным, во всем следуя вещам. Это он объявил высшей истиной и говорил: “Когда вы знаете, вы не знаете”, желая не просто принизить знание, а полностью устранить его. Отбросив стыд, не признавая за собой никаких обязанностей, он смеялся над миром за то, что в нем ценят достойных мужей. Ничем не связанный, отринувший приличия, он дерзко нападал на великих мудрецов Поднебесной.

Сколачивай и закругляй края,
Крутись и вращайся вместе с вещами.
Отбрось “истинное” и “неистинное”,
Живи мгновением — и всего избегай.

Он считал никчемными знания и размышления, не знал, что должно стоять впереди, а что — после, а глядел поверх всего, и только. Двигался, только если его толкнут; возвращался, только если его потянут; вращался, как вихрь; парил, как перо; крутился, как жернов. Был целостен и не имел изъяна, в движении и покое не знал ошибок и ни разу не заслужил порицания. А почему? Кто ничего не знает, тот не страдает от влюбленности в себя и не ведает тягот, проистекающих из применения знаний. Кто в движении и в покое не отклоняется от истины, тот до самой смерти избежит людской хвалы. Поэтому он говорил: “Стремитесь к тому, чтобы уподобиться как бы лишенной знания вещи, не прибегайте к услугам мудрых и достойных; даже кусок земли не теряет Пути”. А почтенные люди в свете смеялись над ним, говоря: “Путь Шэнь Дао для живых людей недостижим. Он годится только мертвецам”. И кончилось тем, что Шэнь Дао прослыл в мире большим чудачком, только и всего.

Таков же был Тянь Пянь, который учился у Пэн Мэна и перенял от него то, чему научить нельзя. Учитель Пэн Мэна говорил: “Праведные люди древности дошли до того, что ничего не считали истинным или ложным. Но их заветы нынче забыты, и кто возродит их?”

Упорно перечая людям, восстанавливая других против себя, они так и не смогли отойти от своих “закруглений”. То, что они называли Путем, на самом деле таковым не было, и, даже изрекая истину, они не смогли избавиться от заблуждений. И Пэн Мэн, и Тянь Пянь, и Шэнь Дао не знали, что такое Путь, но, если говорить в целом, все они кое-что о нем слышали.

Считать корень тонкой стороной жизни, а вещи — грубой, сколько ни накапливай, не будешь иметь вдоволь, целомудренно одиноким постигать духовную просветленность — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Гуань Инь и Лао Дань услышали об этих заветах и возлюбили их. Они воздвигли свое учение на “вечно отсутствующем” и поставили во главу всего Великое Единство. Они сочли мягкость, слабость, скромность и приниженность — внешней стороной истины, а пустоту и непричинение ущерба вещам — ее сущностью. Гуань Инь говорил: “В самом себе не имей, где пребывать; вещи, обретая форму, раскрывают себя”.

Будь подвижен, как вода.
Будь покоен, как зеркало.
Откликайся, как эхо.
Пустое! Словно бы нет его.
Покойное! Словно бы незапятнанно-чистое.
Уподобься ему и пребывай в согласии.
Кто захочет его иметь, его потеряет.
Не будь впереди других, а всегда будь позади.

Лао Дань говорил:

Знай мужское, оберегай женское.
Будь Ущельем Поднебесного мира.
Знай белое, оберегай черное.
Будь Долиной Поднебесного мира.

Все люди хотят быть впереди, он один предпочитал влачиться позади и говорил: “Прими унижение на миру”. Все люди хотят чего-то вещественного, он один отдавал предпочтение пустоте и говорил: “Не создавай запасов и будешь иметь всего в избытке”. И сам он, уповая лишь на себя, имел больше чем достаточно. В жизни он не любил поспешности и расточительства, следовал Недеянию и смеялся над всякой искусностью. Все люди ищут удачи, он один, сгибая себя, обретал “полноту свойств” и говорил: “Поступая осмотрительно, избежишь наказания”. Он считал глубочайшее корнем, а всеобщее — опорой и говорил: “Твердое разрушится, острое затупится”. Он всегда уступал место другим и не посягал на их достоинство. Хотя Гуань Инь и Лао Дань не достигли вершины мудрости, они поистине уподобились величайшим из Настоящих людей древности.

Смутное, безбрежное, лишенное формы; пребывающее в превращениях без постоянства. Жизнь ли, смерть ли? Небо и Земля едины со мной? Подвижен просветленный дух — куда так неожиданно уносится, откуда так внезапно является? Вся тьма вещей — словно раскинутая сеть, и нет в ней начала — в этом тоже заключалось искусство Пути древних. Чжуан Чжоу услышал об этих заветах и возлюбил их. В невнятных речах, сумасбродных словах, дерзновенных и непостижимых выражениях он давал себе волю, ничем себя не ограничивая, и не держался определенного взгляда на вещи. Он считал, что мир погряз в скверне и ему с ним не о чем говорить. Посредством слов, “подобных перевертывающемуся кубку”, он следовал превращениям мира. Посредством слов “от лица почтенных людей” он возвещал о подлинном. Посредством слов “от лица других людей” он выражал свои взгляды. В одиночестве скитался он с духовными силами Неба и Земли, но не взирал свысока на тьму вещей. Он не рассуждал о том, что есть истина, а что — ложь, и потому был в ладах с миром. Хотя писания его вычурны, дерзновенность их безобидна. Хотя речи его

сумбурны, беспорядочность их доставляет удовольствие. В них таится неизбывная полнота смысла. Вверху он странствовал вместе с тем, что творит вещи; внизу дружил с тем, что превосходит жизнь и смерть, не имеет начала и конца. В основе своей он необъятно широк и непосредствен. В истоке своем бездонно глубок и раскован: можно сказать, все охватил и достиг совершенства! И все же его правда соответствия переменам и постижения вещей безмерна и неуловима. Как она безбрежна, как темна! Невозможно ее исчерпать.

Хуэй Ши был очень ученым человеком, и его писания занимали пять повозок. Однако же его учение было причудливым, а речи уводили в сторону. Определяя смысл вещей, он говорил:

“Предельно великое не имеет ничего вовне себя. Это называется великим единством. Предельно малое не имеет ничего внутри себя. Это называется малым единством.

Не имеющее толщины не имеет протяженности, но простирается на тысячу ли.

Небо находится на одном уровне с землей, горы находятся на одном уровне с озерами.

Будучи в зените, солнце заходит. Рождаясь, вещь умирает.

Быть подобным в большом, но различным в малом — это называется “малое подобие и различие”. Все вещи, в конце концов, едины и, в конце концов, различны — это называется “большое подобие и различие”.

Юэ не имеет границы и все же имеет границу.

Я отправляюсь в Юэ сегодня, а прибываю туда вчера.

Соединенные кольца невозможно разъединить.

Я знаю центр мира: он на север от Янь и на юг от Юэ.

Люби безгранично всю тьму вещей; Небо и Земля — одно тело”.

Хуэй Ши считал эти суждения непревзойденными и думал, что постиг сущность всех доказательств. И в мире все любители спорить находили удовольствие в этом занятии. Они утверждали:

“В яйце есть перья.

У курицы три ноги.

В городе Ин сходится весь Поднебесный мир.

Собака может быть бараном.

Лошадь откладывает яйца.

У лягушки есть хвост.

Огонь не горяч.

Гора выходит из отверстия.

Колесо телеги не касается земли.

Глаз не видит.

Того, на что мы указываем, нельзя достичь, а от того, что мы достигаем, нельзя отойти.

Черепашка длиннее змеи.

Угломер не имеет квадратной формы, циркуль не описывает круг.

Дырка от долота не охватывает рукоятки.

Тень от летящей птицы не движется.

Стрела летит стремительно, но есть мгновения, когда она не движется и не покоится.

Щенок — не собака.

Гнедой конь и черный бук составляют три.

Белый пес черен.

У жеребенка-сироты никогда не было матери.

Если от палки длиною в вершок каждый день отнимать половину, не закончишь и через десять тысяч поколений”.

Любители рассуждать выставляли такие суждения в спорах с Хуэй Ши, и суждений этих было столько, что исчерпать их было невозможно за целую жизнь. Из числа любителей рассуждать Хуань Туань и Гуньсунь Лун внушали людям изощренные мысли и изменяли их представления. Они умели победить людей на словах, но не могли покорить их сердца — в этом заключалась их ограниченность. Хуэй Ши день за днем упражнялся в спорах, но прослыл выдающимся человеком только среди любителей спорить — вот и все, чего он добился. Однако же сам он считал свои рассуждения непревзойденными в целом мире и говорил: “Что может быть возвышеннее между Небом и Землей? Я утверждаю мужское начало и не следую старинным заветам”. Один странный человек из Юэ по имени Хуан Ляо спросил, почему не падает небо и не обваливается земля и что вызывает ветер, дождь и гром. Хуэй Ши взялся отвечать ему без колебаний и раздумий и говорил обо всем подряд без передышки, и не было конца его речам, а ему же все казалось, что он сказал недостаточно, и он все хотел прибавить какое-нибудь удивительное суждение. Он принимал за истину все, что противоречило людским мнениям, и хотел приобрести славу непобедимого спорщика. Вот почему в мире не любили его.

Слабый духом и сильный лишь с виду, он шел кружными путями. Если посмотреть на достижения Хуэй Ши, исходя из Пути Неба и Земли, то они окажутся сродни потугам комара или мошки. Чем он мог быть полезен другим? Те, кто добились совершенства в одном ремесле, все же заслуживают уважения, о таких говорят: “Если бы он ценил Путь больше, он бы почти постиг правду”. Но Хуэй Ши не мог этим удовлетвориться, он рассуждал обо всем подряд, а в итоге лишь приобрел известность умелого спорщика. Как жаль, что Хуэй Ши впустую растратил свой талант и гнался за соблазнами света, не умея сдерживать себя. Он презрел свой голос ради пустого эха и свою тень ценил больше собственного тела. Как это прискорбно!

Примечания

Текст “Чжуан-цзы” и проблемы перевода

Текстологическая критика книги “Чжуан-цзы” сопряжена с особенными трудностями в силу целого ряда причин. Во-первых, язык этого памятника как в лексическом, так и в структурном отношении отличается большим своеобразием, но о лингвистической среде, в которой родились тексты “Чжуан-цзы”, на сегодняшний день почти ничего не известно. Во-вторых, писания древнего даоса всегда привлекали к себе внимание скорее поэтов и подвижников, нежели кабинетных ученых, так что в Китае серьезные исследования текстов Чжуан-цзы велись лишь в последние полтора-два столетия, новейшая же текстологическая критика “Чжуан-цзы” насчитывает лишь несколько десятилетий и пока далека от завершения. В-третьих, не так просто решить вопрос о том, что такое тексты “Чжуан-цзы”: суждения философа, любителя знания, или откровения и фантазии поэта-мистика? А ведь общая оценка духовного опыта древнего даоса обуславливает выбор и стиля, и лексических средств перевода.

О начальном этапе истории книги “Чжуан-цзы” сведений не сохранилось. По некоторым косвенным признакам можно предполагать, что свод текстов, носящий имя древнего философа из царства Сун, впервые сложился в середине II в. до н. э. при дворе известного поклонника даосской мудрости Лю Аня, правителя Хуайнани. Известно, что на рубеже н. э. в императорском книгохранилище имелся список “Чжуан-цзы”, насчитывавший 52 главы. В последующие столетия имели хождение списки из 26, 27 и 30 глав, разбитых на четыре или два раздела — Внутренний и Внешний. Наконец, в конце III в. Го Сян создал новую редакцию книги, выделив в ней 33 главы и три раздела: Внутренний (*нэй пянь*), Внешний (*вай пянь*) и раздел “Разное” (*цза пянь*). Го Сяну принадлежит и классический комментарий к текстам “Чжуан-цзы”. Судя по приписке к древнейшему известному списку книги (он датируется IX в. и хранится в Японии), Го Сян видел свою задачу как редактора и комментатора древнего мудреца в том, чтобы “выбрать из речей [Чжуан-цзы] самое глубокое и сохранить в них самое главное”. Не приходится сомневаться в том, что редакторская работа Го Сяна не ограничивалась упорядочиванием и исправлением существующих текстов “Чжуан-цзы”, а сопровождалась также их перестановкой и переосмыслением в соответствии с его собственными представлениями о мудрости Дао. Можно даже предполагать, что часть толкований Го Сяна вошла в основной текст памятника. Как бы там ни было, именно Го Сян придал книге “Чжуан-цзы” ее окончательный, дошедший до наших дней вид. В памятниках древнекитайской литературы сохранилось почти шесть десятков фрагментов книги “Чжуан-цзы”, не вошедших в текст Го Сяна. Лишь один из них включен в данный перевод: диалог царя Тана и его советника Цзи в первой главе книги.

Даже поверхностное знакомство с книгой “Чжуан-цзы” убеждает в том, что перед нами весьма разнородный, многослойный по своему происхождению памятник, отразивший взгляды и стилистику многих авторов. Правда, анализ лексических и метрических структур текста (подобные исследования проводились А. М. Карапетянцем и К. Рэндом) не дает оснований говорить о каких-либо устойчивых качественных отличиях текстов различных разделов книги. Надо сказать, что смысл трехчастного деления книги “Чжуан-цзы” и проблема ее авторства до сих пор остаются предметом оживленных споров среди специалистов. Согласно общепринятому мнению, главы Внутреннего раздела в целом наиболее точно отражают идеи и писательский гений самого Чжуан-цзы. Представленные в них рассуждения и сюжеты объединены общей темой или идеей, обозначенной в заголовке каждой главы. Американский исследователь К. Рэнд считает возможным говорить об общей “мистической” тональности этого раздела. Что касается двух последующих разделов, то в них собраны тексты явно разного характера. А. Грэхэм (и вслед за ним К. Рэнд) выделяет в отдельную группу главы 8—11, определяя их философию как апологию “примитивизма”. Ряд китайских ученых относят авторов этих глав к числу последователей Лао-цзы, предполагаемого автора главного даосского канона “Дао дэ цзин”. В главах 17—22 содержатся диалоги и фрагменты, развивающие идеи, которые содержатся во Внутреннем разделе. По этой причине А. Грэхэм предлагает считать их составителей “школой Чжуан-цзы”. Главы 12—14 отмечены стремлением согласовать учение древних даосов с другими влиятельными школами китайской мысли, в первую очередь с конфуцианством. А. Грэхэм характеризует их (а также 33-ю главу) как “синкретистские”, К. Рэнд называет их “рационалистскими”. Тексты раздела “Разное” в еще меньшей степени поддаются систематизации. Наиболее отчетливую группу среди них составляют главы 28—31, в которых высшей ценностью объявляется наслаждение жизнью, — позиция, очень близкая взглядам философа Ян Чжу.

Китайскими, японскими, а в последнее время и западными учеными проделана значительная работа по редактированию текстов “Чжуан-цзы”. Здесь нет возможности вдаваться в обсуждение всех проблем и тонкостей этих исследований. Достаточно сказать, что переводчиком были учтены новейшие достижения филологической критики “Чжуан-цзы” (основные труды современных комментаторов “Чжуан-цзы” указаны в помещенной ниже библиографии по текстологии “Чжуан-цзы”). Нельзя не отметить вместе с тем, что значительная часть исправлений, вносимых исследователями в текст “Чжуан-цзы”, носит достаточно произвольный и гипотетический характер. Поэтому в настоящем переводе случаи замены знаков сведены до разумного минимума, и лишь наиболее существенные среди этих исправлений оговорены в примечаниях.

Разумеется, остаются еще и общие вопросы тона и стиля перевода, и ответов здесь столько же, сколько самих переводчиков. Так, А. Грэхэм, много лет посвятивший изучению древнедаосских памятников, выступает за вдумчивое, углубленное прочтение текстов “Чжуан-цзы” и против поверхностной гладкости перевода, утверждая, что стремление беллетризировать перевод “приведет к смешению смысла и бессмыслицы под одной аморфной оболочкой” и что парадоксальным образом лучшие европейские переводы “Чжуан-цзы” наихудшим образом передают подлинный интеллектуальный образ даосского мудреца. Другую распространенную точку зрения выразил американский синолог В. Мэйр, автор одного из новейших английских переводов “Чжуан-цзы”. В. Мэйр подчеркивает, что книга “Чжуан-цзы” — “это прежде всего и преимущественно литературный текст и, следовательно, нет смысла подвергать ее строгому философскому анализу”. Перечень противоречивых высказываний о том, каким должен быть перевод “Чжуан-цзы”, легко продолжить. Но в любом случае отвлеченный спор о принципах перевода даосских текстов едва ли будет плодотворен. Конгенитальность перевода и оригинала, единство умозрения и поэзии здесь не могут быть заданы в формулах; они должны быть постигнуты как результат духовного искания, как живой опыт, оправдывающий человеческое существование. В конце концов, перевод “Чжуан-цзы” требует от переводчика найти свою правду.

В заключение остается сказать несколько слов о переводе ключевых философских терминов даосской мысли. Понятие “*Дао*” обычно переводится словом “Путь” (в смысле направленного и даже, точнее, *выправленного* движения), но в ряде случаев дается в транскрипции. Наибольшие трудности создает перевод термина “Дэ”, который в даосских текстах обозначает внутреннее совершенство вещей, символическую и, значит, лишь предвосхищаемую, прикровенную полноту их жизненных свойств. В русском тексте Дэ передается также словами “Сила” и даже “добродетель”. Другое важное понятие даосской космологии — “*Ци*” — переводится словами “энергия”, “жизненная энергия”, но в некоторых случаях — словосочетанием “духовные токи”. Переводы прочих терминов, как правило, следуют уже устоявшейся в русской литературе терминологии.

КРАТКАЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО “ЧЖУАН-ЦЗЫ”

На русском языке

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. “Ле-цзы”, “Чжуан-цзы”/Пер. Л. Б. Позднеевой. М., 1967.

На китайском языке

Ван Фучжи. Чжуан-цзы цзе (Толкования “Чжуан-цзы”). Пекин, 1964.

Ван Чжунминь. Цзяо дао-цзан бэнь наньхуа чжэньцзин чжушу ба (Текст “Чжуан-цзы” с комментариями и субкомментариями в Дао-цзане) // Бэйпин тушугуань кань. Т. 4. № 6. 1930.

Ван Шуминь. Ба жибэнь гаошаньсы цзючао цзюаньцзыбэнь чжуан-цзы цаньцзюань (Фрагменты “Чжуан-цзы” в манускриптах монастыря Годзандзи) // Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань. № 22. 1950.

Го Цинфань. Чжуан-цзы цзиши (“Чжуан-цзы” со сводом толкований). Т. 1—4. Пекин, 1961.

Лу Дэмин. Цзин-дянь шивэнь (Толкования канонических книг). Сер. “Цуншу цзичэн”. Шанхай, б. г.

Оуян Цзинсянь, Оуян Чао. Чжуан-цзы шици (Перевод и толкование “Чжуан-цзы”). Т. 1-2. Чанша, 1986.

Фэн Юлань. Чжуан-цзы нэй вай пянь фэньбе чжи бяобяо (Критерии разделения глав Внутреннего и Внешнего разделов в “Чжуан-цзы”). Яньцзин сюэбао. № 20. 1936.

Хуан Цзиньхун. Синь и Чжуан-цзы дубэнь (Новое толкование “Чжуан-цзы”. Книга для чтения). Тайбэй, 1976.

Цянь Му. Чжуан-цзы цзюаньцзянь (Собрание заметок о “Чжуан-цзы”). Гонконг, 1955.

Чэнь Гуин. Чжуан-цзы цзиньчжу цзиинь (Новый комментарий и новое толкование “Чжуан-цзы”). Пекин, 1983.

Янь Линфэн. Лао Чжуан яньцзю (Исследования по “Лао-цзы” и “Чжуан-цзы”). Тайбэй, 1966.

На японском языке

Нусуяма Харуки. Вайнань-си ри митару со-си но сэйрицу (Формирование “Чжуан-цзы” с точки зрения “Хуайнань-цзы”) // Фуйрософия. 41. 1961.

Савада Такио. Со-си найхэн ко (Разыскания о Внутреннем разделе “Чжуан-цзы”) // Бунка. Т. 62. № 2. 1962.

Со-си (“Чжуан-цзы”)/Пер. и коммент. Акацука Ки си. Сер. “Дзэнсяку канбун тайкэй”. Т. 16 — 17. Токио, 1974 — 1977.

Со-си (“Чжуан-цзы”)/Пер. и коммент. Канаэ Осаму. Т. 1 — 4. Токио, 1973-1975.

Со-си (“Чжуан-цзы”)/Пер. и коммент. Фукунага Мицудзи. Т. 1 — 3. Токио, 1966-1967.

На западных языках

С/гапд. *Tsung-tung*. Metaphysik, Erkenntnis und Praktische Philosophie im Chuang-Tzu: zur Neu-Interpretation und systematischen Darstellung der klassischen chinesischen Philosophie. Frankfurt am Main, 1982.

Giles H. A. (tr.) Chuang-Tzu // Taoist Philosopher and Chinese Mystic. L., 1926.

Graham A. C. (tr.) Chuang Tzu // The Seven Inner Chapters and other writings from the book of Chuang Tzu. L., 1981.

Graham A. C. Chuang Tzu: Textual Notes to a Partial Translation. L., 1982.

Graham A. C. How much of “Chuang Tzu” did Chuang Tzu write? // Studies in Chinese Philosophy and Philosophical Literature. Albany, 1990.

Legge J. (tr. and annot.) The Texts of Taoism // The Sacred Books of the East. Vol. XXXIX-XL. Oxford, 1891.

Liou Kia-hway (tr.) L'oeuvre complete de Tchouang-tseu. Paris, 1969.

Mair V. H. (tr.) Wandering on the Way: Early Taoist Tales and Parables of Chuang Tzu. N. Y., 1994.

Mair V. H. Introduction and Notes for a Complete Translation of the Chuang Tzu // Sino-Platonic Papers. N 48. 1994.

Rand K. Chuang Tzu: Text and Substance // Journal of Chinese Religion. N 11. 1983.

Watson B. (tr.) The Complete Works of Chuang Tzu. N. Y., 1968.

Текст печатается по изданию:

“Чжуан-цзы. Ле-цзы” Философское наследие. Том 123, Москва. Издательство “Мысль”, 1995”

Компьютерный набор: Олег Аристов

Дата последней редакции: 08.09.1998

Глава I. Беззаботное скитание.

Собранные в этой главе небывлицы, анекдоты и иронические диалоги побуждают неустанно преодолевать ограниченность всякой “точки зрения” и достигать абсолютной свободы в идеале “безмолвного скитания” (сяояо), введенного в китайскую литературу, по-видимому, самим Чжуан-цзы. Образцовый комментатор книги Чжуан-цзы Го Сян, живший в конце III в. н. э., приравнивал “беззаботное скитание” к “обретению себя” (*цзы-дэ*), в котором все люди независимо от их способностей, возможностей и жизненного опыта совершенно равны: по Го Сяну, радости гигантской птицы ничуть не хуже и не лучше радостей мелкой пташки. Все же надо признать, что для самого Чжуан-цзы “беззаботное скитание” означало интуитивное открытие — если угодно, “узрение” — беспредельного поля опыта в творческой игре жизни; открытие, составляющее существо Великого Пути как реальности, предвосхищающей все сущее, предоставляющей каждой вещи свободу быть. Неизбежная же ограниченность любого кругозора есть повод для иронии — неизгладимой в писаниях Чжуан-цзы. В ряде сюжетов этой главы уточняются особенности проявления “беззаботного скитания” в жизни людей: идеал Чжуан-цзы соотносится с отказом от внешних атрибутов власти и с “грандиозной бесполезностью” вещей.

² Неизвестная книга, сведения о которой в древней литературе Китая отсутствуют. Некоторые комментаторы считают, что здесь упоминается имя некоего автора.

³ Имеются в виду “Шесть видов энергии”, которые направляют круговорот Неба и Земли. Традиционно к таковым относят силы *Инь* и *Ян*, ветер и дождь, свет и мрак.

⁴ В конфуцианской традиции Яо прославлялся как мудрый царь, претворивший в действительности идеал “благотворения”.

⁵ Анекдоты о жителях царства Сун пользовались во времена Чжуан-цзы особой популярностью. Примечательно, что Чжуан-цзы сам был сунцем и, следовательно, обладал редкой во все времена способностью добродушно посмеяться над собой.

Глава II. О том, как вещи друг друга уравнивают.

Эта глава содержит, пожалуй, наиболее важные в философском отношении тексты Чжуан-цзы. Уже первый сюжет о “флейте Небес” излагает исходную интуицию даосской мысли: в мире нет принципа, управляющего явлениями, но все существует “само по себе”, так что, по замечанию комментатора Го Сяна, “чем больше вещи отличаются друг от друга по своему облику, тем более они подобны в том, что существуют сами по себе”. Реальность, согласно Чжуан-цзы, — это не онтологическое единство, но самое Превращение, неизменная изменчивость. В целом стиль главы характеризуется сочетанием мистических прозрений с утонченной критикой софистов, злоупотребляющих рациональной аргументацией.

В позднейшей комментаторской традиции оживленно обсуждался вопрос о том, как следует прочитывать название главы. Многие толкователи утверждали, что три иероглифа в заголовке главы нужно понимать так: “О том, как уравниваются мнения о вещах”. Данное толкование, однако, представляется малоубедительным.

В русском переводе в целях большей последовательности изложения произведена перестановка некоторых фрагментов.

⁷ *Великий Ком (да куай)* — обозначение, одно из оригинальнейших в истории философской мысли, предельной реальности, “великого единства” абсолютного бытия. Отметим, что *Великий Ком* бытия предстает у Чжуан-цзы пустотой мировой пещеры (или чревом Матери мира), вмещающей в себя все сущее, а между покоем пещеры и вихрем мирового движения существует полная преемственность. Другими словами, тело у Чжуан-цзы находит завершение в пустоте, и подлинное бытие для него — пустотелое.

⁸ Притча о *флейте Неба* — одно из лучших в даосской традиции изложений идеи единения человеческой практики и природного бытия в несотворенной Пустоте. Вместе с тем природный и предметный мир отнюдь не подобны пустоте и сходятся в ней по завершению.

⁹ В оригинале употреблены слова “то” и “это”, так что разделение мира на субъект в объект имело для древних китайцев еще и демонстрационный аспект: мой взгляд на мир означал буквально “вот это”, а то, что мы могли бы принять за субъективность, было для них просто “другой точкой зрения”.

¹⁰ “*Сотня костей, девять отверстий, шесть внутренних органов...*” — Чжуан-цзы имеет в виду человеческое тело. Подобная манера обозначать целое через его части традиционна для китайской словесности, являясь, в сущности, единственно возможным способом именованья пустоты.

¹¹ Данное выражение принадлежит софистам, критикуемым Чжуан-цзы, и ссылка на него, конечно же, исполнена иронии.

¹² Еще один софизм, принадлежащий Хуэй Ши.

¹³ Данная фраза позволяет с особой ясностью видеть, что Небо у Чжуан-цзы обозначает “таковость”, внутреннюю полноту и одновременно предел каждой вещи, в котором все вещи “друг друга уравнивают”.

¹⁴ Чжуан-цзы упоминает об известном софизме философа Гун-сунь Луна, гласящем: “Указатель (или палец) не указывает (не является пальцем)”. Сам Чжуан-цзы считает составление подобных софизмов занятием никчемным в даже абсурдным, поскольку для него всякое понятие изначально вмещает в себя противоположные смыслы, всякое А есть также не-А.

¹⁵ “Обычное место” вещей, о котором толкует даосский философ, определяется не мнением людей и не логическими аргументами. Оно соответствует чистому Присутствию, или “наполненной Пустоте”, которое лишь “помещает себя в формы”. Вернуть вещи на их “обычное место” у Чжуан-цзы равнозначно тому, чтобы, говоря

словами традиционной формулы, “привести к покою стоячую воду”. Сделать это и невозможно, и немислимо легко.

¹⁶ Идея “идти двумя путями сразу”, утверждать и отрицать одновременно стоит в одном ряду с понятиями Оси Пути (*дао шу*) и “прозрения” (*мин*).

¹⁷ Все системы знания, хочет сказать Чжуан-цзы, разрушают “цельность Пути”, подобно тому, как всякий звук убивает бесконечность безмолвия. Следовательно, мудрый художник умеет соблюсти равновесие между выраженным и сокрытым.

¹⁸ Пародировав косноязычное рассуждение софистов, Чжуан-цзы в то же время высказывает в данном фрагменте свою оригинальную и вполне серьезную мысль, а именно: анализ, противопоставления понятий не способны охватить нечто среднее, лежащее между ними. Следовательно, всякое “чистое понятие” появляется как бы произвольно, и язык сущностей есть язык огрубления, насилия.

¹⁹ Тезис “Небо и Земля составляют одно” принадлежит Хуэй Ши, но Чжуан-цзы понимает неправомерность даже такого суждения, как “все едино”, ибо говорящий так уже отделяет себя от всеобъемлющего единства. Он лишь предлагает — не пытаясь ничего доказать — “следовать этому”.

²⁰ Понятие *потайного света* относится, надо думать, к присутствию абсолютной открытости Пустоты (среда распространения света) в вездесущем пределе, предельности бытия (являющем собой мрак, сокрытие). В некоторых даосских текстах древности в сходных контекстах говорится о Блуждающем Свете: так называлась звезда Полярного созвездия, наиболее удаленная от Полярной звезды. Вращение этой звезды как бы отмечало мировой, или, по-китайски. Небесный, круговорот.

²¹ Согласно другому толкованию, речь здесь идет о “точильном камне Небес” и о “сглаживании различий между вещами на точильном камне Небес”.

22

Глава III. Главное во вскармливании жизни.

Цель жизни в Дао, согласно Чжуан-цзы, — это не познание, не творчество, тем более не спасение, а “вскармливание жизни” (*ян шан*), т. е. именно деятельность, позволяющая реализовать всю полноту жизненных свойств и именно поэтому “превосходящая всякое искусство”. Притча о поваре-даосе — классическая иллюстрация сугубо практической, чуждой какого бы то ни было отвлеченного знания даосской мудрости. Впрочем, “практика Дао”, признает Чжуан-цзы, делает человека необычным, не похожим на большинство людей, живущих ограниченными понятиями света. Само же словосочетание “вскармливание жизни” стало традиционным обозначением даосских методов совершенствования.

²³ Здесь упоминаются популярные в древнем Китае музыкальные мелодии.

²⁴ Отсечение ступни было в Китае традиционным видом наказания. Образ “Полководца правой руки” в купе с рассказом о поваре Дине заставляет вспомнить хромоногих мастеровых в других мифологиях мира (ср. образ Гефеста в античных мифах). Возможно, перед нами вариация одной общей темы человеческой культуры: “очеловечивание человека”, его выделение из природного мира неизменно сопровождается его увечьем.

25

Глава IV. Среди людей.

Воображаемые диалоги, собранные в этой главе, посвящены проблеме отношения даосского мудреца к миру. В диалогах, где главным действующим лицом выступает Конфуций, дается ответ на вопрос вопросов “странствующих ученых”: как совместить государственную службу с духовной свободой и даосским идеалом “вскармливания жизни”? Другая серия рассказов, разъясняет достоинства “бесполезности” мудреца для мира. Разумеется, эта “бесполезность” вовсе не означает отсутствия способностей или нарочитый уход от мира. Она — неизбежное следствие “внутреннего постижения”, безупречной цельности духа, прикровенно отличающих мудрого.

²⁶ Данная фраза — одно из немногих в книге Чжуан-цзы мест, где уточняется значение очень емкого термина *ци*, изначально связанного с образом “испарений” и переводимого в западной литературе словами “эфир”, “пневма”, “жизненная энергия”, “энергетическая конфигурация” и т. п., в данном случае — “духовные токи”. Чжуан-цзы говорит также о “едином *ци* Неба и Земли” и определяет жизнь как “скопление *ци*”. В даосской литературе *ци* трактуется как единая духовно-материальная субстанция мира, в пределе своего бытия совпадающая с Великой Пустотой. Вместе с тем она есть реальность, обладающая качественным своеобразием и потому воплощающая неисчерпаемое разнообразие Хаоса. Наконец, *ци* относится к внутреннему измерению реальности: “слушать посредством *ци*” — значит “внимать внутреннему в себе”.

²⁷ Это высказывание лишней раз напоминает о том, что вопреки распространенному мнению Чжуан-цзы считал возможным находиться на службе, если служба оказалась “неизбежной”, а мудрец, связанный с правителем узами долга, не теряет своей внутренней свободы.

²⁸ *Феникс* в древности слыл в Китае благом знамением, предвещавшим появление великого мудреца. Песня чуского безумца, однако, проникнута саркастической иронией.

29

Глава V. Знак полноты свойств.

“Полнота жизненных свойств” — одно из определений реальности у Чжуан-цзы и вместе с тем главнейшая характеристика “просветленного сердца” в даосской традиции. Что же касается “знака” (*фэ*), то речь в данном случае — о печатях, которыми в Китае наделялись государственные чиновники. Такие печати обычно состояли из двух половинок в являлись для служилых людей своеобразными опознавательными знаками. Таким образом, Чжуан-цзы говорит о предмете, весьма сходном с понятием символа в его изначальном греческом смысле — как тайным опознавательным знаком. Что же, согласно Чжуан-цзы, является верным признаком “полноты жизненных свойств” в человеке? Прежде всего ненаигранно покойное отношение ко всяким жизненным невзгодам или кажущимся “несправедливостям” — например, к собственному уродству или увечью. Похвала мудрым уродам или калекам — популярная тема “внутренних глав” книги Чжуан-цзы.

³⁰ Отсечение ступни было в древнем Китае распространенным видом наказания.

³¹ По преданию, Конфуций в молодые годы встречался с патриархом даосской традиции и расспрашивал его о смысле древних ритуалов.

³² *Вошебная Кладовая* — метафорическое обозначение человеческого сердца, которое для Чжуан-цзы воистину есть сосуд, “вместилище духа” (пояснение Го Сяна) и в особенности — хранилище неисчерпаемых превращений мира. Данное понятие сопоставимо с выражением “Небесная Кладовая” из второй главы книги.

³³ Имеется в виду *клей*, с помощью которого древние китайцы склеивали свои долговые обязательства.

³⁴ Знак “*цин*”, переводимый здесь словами “*человеческие склонности*”, в позднейших текстах обычно означает просто “чувства”. Следует, однако, иметь в виду, что в китайской традиции чувства не противопоставлялись разуму и “жить чувствами” в китайском понимании означало также и “жить разумно”.

35

Глава VI. Высший учитель.

В текстах этой главы, пожалуй, с наибольшей полнотой трактуются характеристики бытия Дао, именуемого здесь “*высшим учителем*”. Термин *учитель* в данном случае имеет также значение “родовой предок”³⁵ ибо Дао есть то, благодаря чему всякая вещь есть то, что она есть, и оно предшествует всякому существованию. Впрочем, понятия учителя и предка являются для Чжуан-цзы, как вообще свойственно его философии, только метафорами: Дао есть великий учитель именно потому, что оно *не хочет* продлевать свое бытие в последователях; оно есть великий предок потому, что ничего не порождает. Но это не мешает Чжуан-цзы обращаться к бесстрастному, безмятежному, оберегающему лишь *глубину нежелания* учителю-предку в словах, исполненных неподдельного пафоса.

³⁶ В тексте говорится буквально о “Небесной пружине” (*тянь цзи*). Так в даосской литературе обозначается внутренний импульс саморазвития жизни, символически завершенное бытие, сила “таковости” вещей, соотносившаяся с “Небесным”, т. е. предвосхищающим все формы, измерением бытия. Некоторые современные исследователи уподобляют даосский термин “Небесная пружина”, или “сокровенная пружина” (*сюань цзи*), понятию энтелехии у Аристотеля.

³⁷ В оригинале значится: “Для них Небо — это отец”. Исправлено в соответствии с предложением китайского комментатора Тао Хуя-пина.

³⁸ В оригинале сказано наоборот: “Можно передать, но нельзя воспринять”. Исправлено по предложению китайского ученого Вэнь Идо. В памятнике древнекитайской поэзии “Чуские строфы”, близком даосской традиции, встречается принятая здесь версия этой фразы.

³⁹ Это выражение Чжуан-цзы стало классическим в даосской традиции обозначением высшей стадии прозрения Дао. Опыт неизбежного одиночества сопряжен, очевидно, с познанием абсолютности, безусловности своего бытия.

40

Глава VII. Достойные быть владыкой мира.

В этой последней главе Внутреннего раздела книги собраны сюжеты, которые, по мысли ее составителя, разъясняют природу идеального правления. Ибо мудрость в даосизме — как и в других китайских учениях — неотделима от власти, хотя бы “сокровенной”. Однако об управлении как таковом говорится лишь в первых четырех диалогах, причем некоторые из них читаются как вариации ряда диалогов, вошедших в предшествующие главы. В остальных же сюжетах освещаются различные качества даосского мудреца. По-видимому, среди глав Внутреннего раздела данная глава в наибольшей мере обязана своим внешним видом усилиям позднейших переписчиков и редакторов.

⁴¹ Предполагается, что участники этого разговора живут во времена царствования Шуня, одного из идеальных царей в конфуцианской традиции, но отдают предпочтение еще более древним временам правления царя Тая, когда еще не существовало различия между “небесным” и “человеческим” и тем более между различными понятиями, данными в языке.

⁴² В данном диалоге отчетливо прослеживаются две ступени даосского совершенствования: первая — вольное скитание в небесном просторе, делающее человека “другом творца вещей”; вторая — вхождение в “Небесное Единство” за пределами жизни и смерти и всего “человеческого”. Таков даосский путь совершенствования как “прекращения прекращения”, и путь этот соединяет незыблемую волю с полнейшей Непроизвольностью.

⁴³ Притча о колдуне Ли Сяне и даосском учителе Ху-цзы помогает отличить Силу даосского мудреца — Силу “Единого превращения” мира — от искусства мага, оперирующего отдельными предметами. Как и в первой главе книги, Ле-цзы в этом рассказе поначалу предстает как не слишком дальновидный поклонник магии.

44

Глава VIII. Перепонки между пальцами.

Восьмой главой книги Чжуан-цзы “Перепонки между пальцами” открывается ее так называемый Внешний раздел. В отличие от текстов Внутреннего раздела эта глава написана в монологической форме, и ее основная тема — критика цивилизации. Сложилась она сравнительно поздно: вероятно, спустя несколько десятилетий после смерти Чжуан-цзы. Но в ней выражены — хотя часто с несвойственными Чжуан-цзы резкостью и педантичностью — многие мотивы, завещанные древним философом. Основной пафос главы состоит в защите естественной самодостаточности каждого живого существа.

⁴⁵ *Три Династии* — три древнейшие династии в Китае — Ся, Инь и Чжоу, — с которыми древние китайцы связывали образ “золотого века” древности.

⁴⁶ Данная фраза буквально воспроизводит суждение, содержащееся в шестой главе книги Чжуан-цзы.

47

Глава IX. Конские копыта.

Глава “Конские копыта” стилистически близка предыдущей главе и развивает содержащуюся в ней апологию природной данности жизни и критике цивилизации. Но примечательно, что, мечтая о дружном соседстве людей и зверей, автор главы считает “неизменной природой” людей и залогом их единения производительный труд. Для него “небесное” и “человеческое” не только не противостоят друг другу, но даже друг от друга неотделимы.

⁴⁸ Здесь упомянуты некоторые традиционные черты даосской утопии, кочующие из одного даосского памятника в другой. Ср., например, описание блаженной древности в книге “Дао-де цзин” (гл. LXXX).

49

Глава X. Взламывают сундуки.

Данная глава, которая завершает цикл “примитивистских” (определение А. Грэхэма) глав, содержит, пожалуй, самые резкие в древнекитайской литературе нападки на идеологию деспотического государства в Китае. Здесь же мы находим и классические в своем роде образцы сатиры на государственную мораль. Некоторые признаки указывают на то, что глава эта принадлежит к числу наиболее поздних в книге: она была создана, по-видимому, на рубеже III — II вв. до н. э. В переводе главы сделаны незначительные сокращения.

⁵⁰ Здесь имеется в виду эпизод из политической истории эпохи “Борющихся царств” (V — III вв. до н. э.). Правитель Лу преподнес в дар правителю царства Чу скинное вино, и чуский царь в отместку решил пойти войной на Лу. Воспользовавшись моментом, правитель царства Вэй осадил город Ханьдань во владениях соседнего царства Чжао.

⁵¹ Цитируются слова из XXXVI главы “Дао дэ цзин”.

⁵² Цитата из “Дао дэ цзин”, глава XLV.

⁵³ Имеются в виду, конечно же, рассуждения софистов.

54

Глава XI. Дать волю миру.

В какой-то мере данная глава, особенно в первой своей части, продолжает намеченную в седьмой главе тему “управления посредством недеяния”. Последняя, надо сказать, свойственна всей китайской традиции, настаивающей на полной преемственности законов общества, государства и природы. Однако писаниям Чжуан-цзы и даосской литературе в целом присуще парадоксалистски-заостренная апология благотворности “неупорядоченного порядка”, “всепобеждающей уступчивости” и “все свершающего недеяния”. В этой главе предлагаются вариации основополагающего для учения Чжуан-цзы мотива “взаимного забытья того и этого”, в котором достигается “сокровенное единство” людей.

⁵⁵ Несколько измененное изречение из XIII главы “Дао дэ цзина”.

⁵⁶ Имеются в виду основатели Трех династий древности.

⁵⁷ *Сто фамилий*. — распространенное в древнем Китае собирательное наименование китайского народа.

⁵⁸ Измененная фраза из главы IX “Дао дэ цзина”, где мы читаем: “Покончите с мудростью, отбросьте знания, и выгода людей вырастет стократно”.

⁵⁹ В оригинале употреблено слово “цзин” — “семенная энергия”.

⁶⁰ Аналогичная фраза встречается в главе XXI “Дао дэ цзина”.

⁶¹ Слово “небо” в древнем Китае служило также уважительным обращением к человеку.

⁶² *Фуяо* — в древнекитайских мифах — гигантское дерево, растущее на восточном краю Земли; в его ветвях по ночам отдыхает Солнце.

⁶³ “Дао дэ цзин”, глава XVI.

⁶⁴ *Девять областей* — весь обитаемый мир.

65

Глава XII. Небо и Земля.

Глава состоит из довольно разнородных диалогов и монологических фрагментов и не обладает сколько-нибудь отчетливым тематическим и стилистическим единством. А. Грэхэм отнес ее к разряду “синкретических”. Авторам большинства фрагментов свойственно стремление дать определения основным понятиям даосской философии и выстроить из них всеобъемлющую систему, связывающую воедино традиционную космологию и политическую теорию. Можно почти не сомневаться в сравнительно позднем происхождении этой главы. Текст ее публикуется с небольшими сокращениями.

⁶⁶ Наряду с “человечностью” (*жэнь*) понятие “долга” (*и*) составляет основу основ официальной — главным образом конфуцианской по своим истокам — морали в древнем Китае. В предыдущих главах, развивающих тему протеста против цивилизации, “человечность” и “долг” неизменно подвергались резкой критике и осуждению. В “синкретических” главах, напротив, признается их положительная роль в обществе.

⁶⁷ С первых же страниц книги Чжуан-цзы, с рассказа о гигантской птице Пэн (прототипом которой послужило, видимо, древнее божество ветра), мотив птичьего полета, родства мудреца и птицы занимает приметное место в писаниях древнего даоса и его последователей. Исторически мотив этот связан с широко распространенным в древнем Китае представлением о том, что души умерших предков, являются живым в облике птиц.

⁶⁸ В данном случае “*искусство Хаоса*” обозначает, по-видимому, выращивание жизненной цельности, противостоящее опредмечиванию мира. Позиция Конфуция изложена не без двусмысленности: с одной стороны, Конфуций отмечает ограниченность “*искусства Хаоса*”, а с другой — считает его недоступным для себя и всех “людей света”.

⁶⁹ Имеются в виду ритуальные гимны, сочиненные, по преданию, мудрыми царями древности.

⁷⁰ “*Ломаем тополь*”, “*Пышные цветы*” — названия древних народных песен.

71

Глава XIII. Небесный Путь.

Еще одна, по терминологии А. Грэхэма, “синкретическая” глава, продолжающая темы предыдущих глав и, как подметили еще средневековые китайские комментаторы, во многом не согласующаяся со взглядами Чжуан-цзы, представленными в текстах Внутреннего раздела. В переводе опущены фрагменты, наиболее чуждые оригинальным идеям Чжуан-цзы.

⁷² Данная фраза — неплохой образчик “безумных речей” даосов. Но нужно иметь в виду, что в бесконечности мирового круговорота “присутствие” и “отсутствие”, “пустое” и “наполненное” взаимозаменяемы и в конце концов, неотделимы друг от друга.

⁷³ Напомним, что “следование Пути” есть, прежде всего, безупречно выверенное движение, правильная ориентация в пространстве и во времени.

⁷⁴ В древнем Китае правитель восседал на троне лицом к югу и соответственно его служилые люди обращались к нему, стоя лицом к северу.

⁷⁵ Цитируется фрагмент шестой главы.

⁷⁶ Представление, о том, что правитель должен управлять посредством недеяния, предоставляя подданным выполнять свой долг, разделялось всеми традиционными политическими учениями Китая и являлось одной из основ традиционной, синкретической по своему происхождению государственной идеологии в Китайской империи.

⁷⁷ Здесь имеются в виду древние ритуальные пляски, исполнявшиеся танцорами, которые были украшены птичьими перьями и бычьими хвостами.

⁷⁸ Цитируются слова из главы LVI книги “Дао дэ цзин”.

79

Глава XIV. Круговорот небес.

Глава открывается необычным пассажем, содержащим вопросы о первопричине всех явлений. По некоторым сведениям, в древности этот фрагмент входил во Внутренний раздел книги. А. Грэхэм считает его продолжением диалога о “флейте Неба”, которым открывается вторая глава. Сходные фрагменты встречаются в одном из древнейших поэтических памятников Китая — “Чуские строфы”, близком даосской традиции. Исторически подобные вопрошания были тесно связаны с архаическими мифами и религиозными обрядами, но у Чжуан-цзы они приобрели существенно иное значение “именования безымянного”, некоего сознательного мифотворчества. Остальные сюжеты главы представляют собой большей частью диалоги Конфуция и Лао-цзы, в которых подчеркивается превосходство даосского постижения “таковости” вещей над светской моралью конфуцианства.

⁸⁰ Ср. с даосским понятием Небесной пружины или Сокровенной пружины мира.

⁸¹ Некоторые комментаторы без видимых оснований отождествляют этого “колдуна Сяня” с колдуном Ли Сянем из седьмой главы Внутреннего раздела. Скорее всего перед нами некий легендарный, освященный традицией образ. Так, в “Чуских строфах” тоже упоминается “колдун Сянь”, приближенный одного из царей династии Инь.

⁸² *Шесть полюсов*: четыре стороны света, зенит и надир. *Пять постоянств*: пять так называемых мировых стихий или, точнее, фаз мирового круговорота: дерево, огонь, земля, металл, вода.

⁸³ По преданию, во времена Фуся из реки Ло вышла волшебная черепаха, на панцире которой был изображен магический квадрат из девяти полей. Схема “письмен из реки Ло” считалась в древнем Китае графическим изображением строения Вселенной.

⁸⁴ *Сяньчи* — название мелодии, сочиненной, по преданию, Желтым Владыкой.

⁸⁵ Данный сюжет несколько проясняет смысл загадочного понятия “*кары Небес*”, которая, как неоднократно заявляет Чжуан-цзы, постигла Конфуция. По-видимому, “*кара Небес*” — это отягощенность сознания внешними вещами, духовная несвобода человека, не испытавшего прозрения.

86

Глава XV. Тщеславные помыслы.

Тексты данной главы разделяются как бы на две части: в первой содержится критика разного рода ограниченных, односторонних подходов к “жизни в Дао”, во второй излагается собственно даосский идеал мудрой жизни.

⁸⁷ Одно из самых ранних в китайской литературе упоминаний о гимнастических упражнениях, служащих духовному совершенствованию; стили “медведя” и “птицы” традиционно относились к числу наиболее популярных в даосской практике.

⁸⁸ *Гань* — другое название южно-китайского царства У. Мечи из южных областей У и Юэ особенно славились в древнем Китае.

89

Глава XVI. Любители поправлять природу.

Шестнадцатая глава продолжает линию критики фальши и искусственности цивилизации и апологии “естественного состояния” человечества. Проповедуемый в ней жизненный идеал, однако, вовсе не отрицает достижений цивилизации, а предполагает, скорее, мудрую уравновешенность чувственной и духовной жизни. Глава переведена без сокращений.

⁹⁰ Еще одно напоминание о том, что для даосов нормы культуры оправдываются внутренней “полнотой свойств” вещей, которая сама по себе не вмещается, в какие бы то ни было образы и понятия. Для них культура неустраима, но не должна довлеть над жизнью духа.

⁹¹ Подлинная жизнь мудрого — это самоскрывающееся “возвращение к Единому”. А подлинное призвание форм культуры, согласно Чжуан-цзы, состоит в том, чтобы через себя явить Незримое.

92

Глава XVII. Осенний разлив.

Среди всех глав Внешнего раздела глава “Осенний разлив” кажется наиболее цельной и близкой текстам Внутреннего раздела. Так, пространный диалог духа реки и духа океана развивает и уточняет многие положения, высказанные в первых двух главах книги. В помещенных следом диалогах угадывается неповторимый гений самого Чжуан-цзы — блестящего полемиста и иронического фантазера.

⁹³ В тексте буквально: “с человеком одного угла”, т. е. человеком, признающим только один способ познания истины.

⁹⁴ *Пять Царей и Три Правителя* — вошедшее в традицию общее название мудрых правителей древности.

⁹⁵ Данное суждение принадлежало Хуэй Ши.

⁹⁶ *Скакун Хуалю* — легендарный конь, прославившийся своей резвостью.

⁹⁷ В этом кульминационном пункте диалога Хэбо и Духа Океана полезно уточнить основные выводы их беседы. Вначале Чжуан-цзы обосновывает тезис о нереальности всех различий, направленный против софиста Гуньсунь Луна — главного объекта критики Чжуан-цзы среди “любителей рассуждать”. Различия между вещами, доказывает даосский философ, невозможно установить ни на основе данных чувственного восприятия, ни путем отвлеченных размышлений. Но затем Чжуан-цзы подвергает критике и сформулированное Хуэй Ши понятие нераздельного единства: такое единство не может быть логически обосновано. В итоге Чжуан-цзы воздерживается от окончательного суждения о сущности вещей, принимая идею само-противоречивой реальности (реальности как *превращения*) и многосмысленности естественной речи. Своими “нелепыми суждениями”, разговорами “вокруг да около” он внушает опыт внутренней уверенности в присутствии правды, представляющей вездесущей иллюзией, вселенским сном. Практический вывод из рассуждений Чжуан-цзы состоит в признании относительности всех ценностей. Но что в таком случае ценного в самом Пути? Чжуан-цзы вынужден обращаться к внутреннему постижению: мудрый живет и говорит “как все”, но, пребывая в этом нескончаемом сне людского мнения, он “осознает порядок природы” и способен безошибочно определять значение всякого события, блюсти “равновесие вещей”. Поэтому он “не терпит никакого урона”. Перед нами,

конечно, не столько умозрительный вывод, сколько призыв “найти себя” в повседневной жизни. Последнее слово Чжуан-цзы вновь облекается в оболочку метафоры: “Небесная правда” уподобляется биологической данности жизни, каковая символизирует реальность, предвещающую всякое знание и опыт.

⁹⁸ *Одноногий Куй* — мифическое животное, похожее на быка, но с одной ногой.

⁹⁹ Этот диалог Чжуан-цзы с его извечным другом-оппонентом Хуэй Ши дает повод уточнить позицию даосского философа. Утверждая, что знать “чужую радость” невозможно и что, следовательно, можно знать лишь “свою радость”, Хуэй Ши смешивает логическое и фактическое. Его утверждение сообщает лишь о способе употребления слов. Чжуан-цзы принимает правила игры, предложенные его собеседником, но делает прямо противоположный вывод: всякое произвольное высказывание и в самом деле есть непосредственное свидетельство о реальности. Диалог Чжуан-цзы и Хуэй Ши подчеркивает контраст между честолюбивым интеллектуалом, находящим удовольствие в разоблачении людских “предрассудков”, и скромным мудрецом, живущим “всеобщей радостью”, даже если это радость бабочки или рыбки. Мы видим в этом диалоге еще и контраст между искусственной заинтересованностью сугубо умозрительными проблемами и открытостью миру, в котором реализуется жизнь каждого существа.

¹⁰⁰ Однажды Конфуция спутали с беглым диктатором царства Лу Ян Ху, который обладал внешним сходством со знаменитым мудрецом. Эта ошибка едва не стоила Конфуцию жизни.

101

Глава XVIII. Высшее счастье.

Данная глава посвящена широко обсуждавшейся в эпоху Чжуан-цзы проблеме человеческого счастья. По Чжуан-цзы, истинное счастье — познание “постоянства Великого Пути”, в котором нет ни жизни, ни смерти. Суждения о радости, обретаемой в смерти или благодаря смерти, — не более чем обычная в писаниях Чжуан-цзы метафора, призванная побудить читателя преодолеть ограниченность собственных представлений.

¹⁰² Здесь и далее цитируются изречения из книги “Дао дэ цзин” (гл. XXXIX, XXI).

¹⁰³ Имеется в виду божество Сымин, которое, по верованиям древних китайцев, ведало судьбами людей.

104

Глава XIX. Постигший жизнь.

Тема данной главы — пути и плоды даосского самовысвобождения сознания. Особенный интерес представляют собранные в ней рассказы о даосских подвижниках, добившихся необыкновенных результатов в различных искусствах. Даосское совершенствование есть целиком и полностью жизненная практика, в оно приносит подвижнику почти сверхъестественные способности, превосходящие собственно техническое мастерство. Вот эти способности, не требовавшие особых усилий и приобретавшиеся прежде всего *силой воли*, внутренней работой духа, именовались в даосской традиции словом *гунфу*, получившим ныне известность и за пределами Китая. Перевод главы публикуется с сокращениями.

¹⁰⁵ Это выражение, пожалуй, наиболее точно определяет существо духовной традиции в даосизме. Ему родственно также понятие вечно-преемственности духа (*и шэнь*)

¹⁰⁶ Здесь, как и во многих других случаях, подчеркивается различие между мастерством техническим и мастерством “духовным”, которым владеет тот, кто обрел в себе “полноту свойств”.

107

Глава XX. Дерево на горе.

В первом сюжете главы предлагается существенное уточнение даосского мотива “пользы бесполезности”: смысл мудрой жизни не в том, чтобы быть “бесполезным”, а в том, чтобы ускользать от всяких определений, живя “вольным скитанием” духа. Остальные фрагменты, вошедшие в эту главу, посвящены главным образом все той же теме духовной освобожденности.

108

Глава XXI. Тянь Цзыфан.

Диалоги и фрагменты, составляющие данную главу, не объединены какой-либо четко обозначенной темой. Однако же ведущим их мотивом является, пожалуй, преломление “практики Дао” в различных формах человеческой деятельности.

¹⁰⁹ Выражение “*сидеть голым, раскинув ноги*” стало в Китае традиционным обозначением творческого экстаза художника.

110

Глава XXII. Как Знание гуляло на Севере.

Диалоги этой главы выражают тенденцию к преодолению рационального знания и в известной мере дополняют рассуждения, представленные, например, во второй и семнадцатой главах. Так, персонаж одного из

этих диалогов признается, что он не знает Пути, ибо он знает, что все — едино. В другом случае прославляется учитель, который умер, не успев ничему научить своих учеников. А философ-рационалист, желающий составить предметное знание о Пути, высмеивается с неподдельным остроумием, достойным гения Чжуан-цзы.

¹¹¹ В традиционной китайской космологии Северу соответствовал черный цвет и мрак, а Югу — белый цвет и свет.

¹¹² *Это* — весьма частое у Чжуан-цзы обозначение реальности, подчеркивающее природу Пути как неисчерпаемой конкретности (ср. названный во второй главе жизненный идеал даоса как “следование этому”).

¹¹³ В оригинале употреблен знак “у”, чаще всего переводимый на западные языки словом “небытие” или даже “ничто”.

114

РАЗДЕЛ "РАЗНОЕ".

Как было отмечено во вступительной статье, тексты данного раздела считаются относительно поздними и по большей части не аутентичными. Правда, среди них встречаются фрагменты, которые кажутся обрывками суждений из “Внутренних глав” или рефлексиями на некоторые оригинальные постулаты Чжуан-цзы. Однако подавляющее большинство сюжетов представляют собой изложения или переложения, нередко весьма вольные, “по мотивам” или “в духе” Чжуан-цзы. Трудно сказать, насколько они являются порождением непосредственных учеников знаменитого философа, а насколько — данью некоторым популярным в конце эпохи Борющихся Царств идеям и настроениям. Во всяком случае ряд глав (в особенности главы 28—31) несут на себе отпечаток сильного влияния гедониста Ян Чжу, часть текстов вообще не может быть квалифицирована как памятник определенной философской школы. И все-таки материалы этого раздела являются, без сомнения, ценной частью философского и литературного наследия древнего Китая.

115

Глава XXIII. Гэнсан Чу.

Здесь содержится парафраз изречения Лао-цзы. См. “Дао дэ цзин”, гл. LV.

¹¹⁶ *Духовная Башня* — одно из метафорических названий реальности как Великого Кома всего сущего (ср. с образом “Волшебной Кладовой”).

¹¹⁷ Обряд “ла” — самая торжественная часть новогодних празднеств в эпоху Чжуан-цзы.

118

Глава XXIV. Сюй Угуй.

По свидетельствам некоторых комментаторов, речь идет о своде сочинений по воинскому искусству и книгах учета населения. Оба памятника были утеряны еще в древности.

¹¹⁹ *Ян и Бин* — философы Ян Чжу и Гунсунь Лун.

¹²⁰ *Лу Цзюй* — ученый в древнем Китае, сведений о котором не сохранилось.

¹²¹ *Шэ* — древний струнный инструмент (“гусли”) в Китае.

¹²² *Вэнь Чжун* — сановник царства Юэ, который помог юэскому царю спастись от поражения в 493 г. до н. э., а спустя двадцать лет вернуть себе прежние владения. Но юэский царь задумал казнить Вэнь Чжуна, и тому пришлось спасаться бегством.

¹²³ По преданию, чуский аристократ Шинань Иляо сумел прекратить соперничество между двумя могущественными кланами своего царства, оспаривавшими престол. Другой чуский царедворец, Суньшу Ао, по преданию, сумел без помощи оружия погасить мятеж в своем царстве.

124

Глава XXV. Цзэян.

Намек на популярные во времена Чжуан-цзы софизмы: “собака может быть бараном” и “белая лошадь — не лошадь”.

¹²⁵ *Цзи Чжань* и *Цзе-цзы* — малоизвестные философы, примыкавшие, по всей видимости, к течению софистов.

126

Глава XXVIII. Уступление Поднебесной.

Здесь приводятся собственные слова Конфуция, записанные в книге его изречений “Лунь юй” (“Беседы и суждения”).

127

Глава XXXII. Ле Юйкоу.

Текст данного фрагмента в значительной мере испорчен, окончание же его вовсе утрачено.